

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Кравченко Н. Ю.** Тривиальность и парадоксальность как фокусы анализа феномена гражданской идентичности 5
- Ситникова С. В.** Социальная ценность современных проектов благоустройства городской среды 13
- Барков С. А., Носуленко С. В.** «Облачные технологии» как этап в развитии информационного общества 16
- Климова С. В., Елютина М. Э.** Неравный брак: социальные основания комбинации возрастов 24
- Восканян Э. С.** Карьера социолога: проблемы трудоустройства 29
- Могилевич Б. Р.** Межкультурный диалог и социальная реальность 34
- Бабаян И. В., Любимова А. Д.** Конструирование социального благополучия в биографических сюжетах молодежи 37
- Семенова Ю. А.** Некоторые аспекты постфеодального мышления и женское предпринимательство в современной России 42
- Уфимцева Е. И.** Воскресная школа в системе религиозного образования Русской православной церкви 44

Слово молодым социологам

- Завгородний А. А.** Народнический социалистический общественный идеал, истоки: социологическая проекция 53
- Лопаткин И. В.** Молодежный сегмент рынка труда Саратовской области: адаптация к современным реалиям и стабильность 56
- Шматова С. С.** Опыт социологической интерпретации практик здоровьесберегающего поведения 58
- Монтаев А. Б.** Стратегии территориально-трудовой мобильности выпускников вузов России и Казахстана 60

Политология

- Вилков А. А.** Трактовки «справедливости» и «несправедливости» и их использование в современных политических процессах 64
- Комкова Г. Н.** Проблема обеспечения равенства политического участия граждан: исторические и современные трактовки 72
- Данилов М. В.** Влияние изменений в правовом регулировании участия политических партий в выборах на формирование партийной системы с доминирующей партией 76
- Писачкин В. А.** Политические преобразования как фактор трансформации социального пространства современной России 81
- Горбачев М. В.** Постсоветские политические проекты перед новыми цивилизационными вызовами 85
- Изергина Н. И.** Сильная власть как константа российской политики: методология Ивана Ильина и современность 89
- Попов М. Е.** Социокультурная интеграция как инструмент разрешения этнополитических конфликтов на Северном Кавказе 95
- Понеделков А. В., Воронцов С. А.** Об оценках лидерско-элитной составляющей органов власти на региональном уровне 99
- Богатова О. А.** Особенности образов «финно-угорских» республик в политическом дискурсе органов государственной власти (на примере Республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртской Республики) 103

Слово молодым политологам

- Концыбовская М. Н.** Основные модели взаимодействия институтов гражданского общества и государства в условиях глобализации 108
- Авзалова Э. И.** Методологические особенности изучения роли интернет-коммуникаций в политике 113

Критика и библиография

- Представляем книгу 118

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016, раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия» Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85
E-mail: isvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.06.15.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,18 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 31.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в раздел Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (8–16 стр.).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Kravchenko N. Yu.** Triviality and Paradoxicality as Focuses of the Analysis of a Phenomenon of Civil Identity 5
- Sitnikova S. V.** Social Value of Modern Projects of Developing Urban Environment 13
- Barkov S. A., Nosulenko S. V.** «Cloud Technologies» as a Stage in the Development of the Information Society 16
- Klimova S. V., Elutina M. E.** Mismatch: Social Bases of the Combination of Age 24
- Voskanyan E. S.** Career Sociology: the Problem of Employment 30
- Mogilevich B. R.** Cross-cultural Dialogue and Social Reality 34
- Babayan I. V., Lubimova A. D.** Construction of Social Welfare in the Biographical Stories Youth 37
- Semenova Yu. A.** Some Aspects Post-feudal Thinking and Women's Entrepreneurship in Modern Russia 42
- Ufimtzeva E. I.** Sunday School in the Religious Education System of the Russian Orthodox Church 44

A Word to Young Sociological Scientists

- Zavgorodnyi A. A.** Narodniks Socialist Public Ideal, Sources: Sociological View 53
- Lopatkin I. V.** Youth Segment of the Labor Market of the Saratov Region: Adaptation to Modern Realities and Stability 56
- Shmatova S. S.** Experience of Sociological Interpretation of Healthy Behavioral Practices 58
- Montaev A. B.** Strategy Territorial Labor Mobility of Graduates in Russia and Kazakhstan 60

Politology

- Vilkov A. A.** Interpretations of «Justice» and «Injustice» and Their Usage within Contemporary Political Processes 64
- Komkova G. N.** The Problem of Providing Equality of Citizens' Political Participation: Historical and Modern Interpretations 72
- Danilov M. V.** The Impact of Changes in the Legal Regulation of the Participation of Political Parties in Elections to the Formation of the Party System with a Dominant Party 76
- Pisachkin V. A.** Political Transformation as the Factor of Transformation of Social Space of Modern Russia 81
- Gorbachev M. V.** Post-Soviet Political Projects Before the New Civilizational Challenges 85
- Izergina N. I.** Strong Power as the Constant of Russian Politics: the Methodology of Ivan Ilyin and Modernity 89
- Popov M. E.** Socio-cultural Integration as a Tool for Resolving Ethno-political Conflicts in the North Caucasus 95
- Ponedelkov A. V., Vorontsov S. A.** On Estimates of the Leadership Elite-constituent Authorities at the Regional Level 99
- Bogatova O. A.** Features of Images of «Finno-Ugric» Republics in a Political Discourse of Public Authorities (on an Example of Republics Marii El, Mordovia and the Udmurt Republic) 103

A Word to Young Politological Scientists

- Koncybovskaya M. N.** Basic Model of the Interaction of Civil Society and State under the Conditions of Globalization 108
- Avzalova E. I.** Methodological Peculiarities of Study the Role of Internet Communications in Politics 113

Critics and Bibliography

- Presentation of the Book** 118

- Information about the Authors** 121

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамяионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

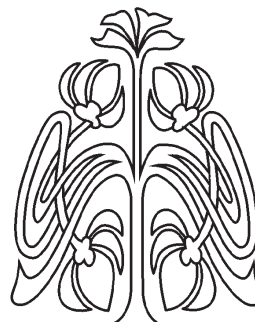
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

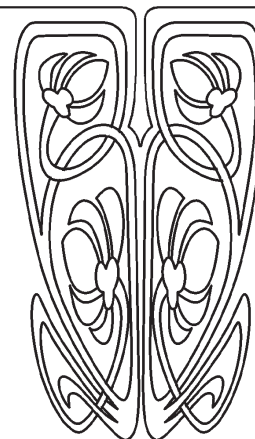
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

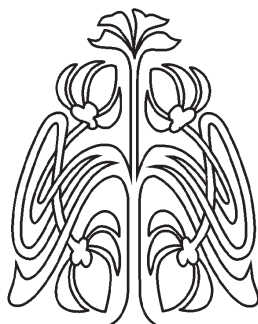
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

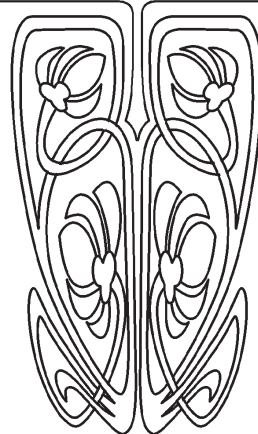

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Маркович Данило Ж., академик Сербской академии образования

(Белград, Республика Сербия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)

Itchison B. (London, Great Britain)

Butterfield G. (Kalamazoo, USA)

Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)

Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)

Markovich D. Zh. (Belgrade, Republic of Serbia)

Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)

Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 303.1

ТРИВИАЛЬНОСТЬ И ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ КАК ФОКУСЫ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

Основываясь на авторском определении гражданской идентичности, рассматривается оппозиция «мы» и «они» в различных социокультурных срезах, исторических эпохах с учетом цивилизационной специфики. Расколы общества провоцируют различия степени сформированности гражданской идентичности и обуславливают ее особенности. Автор приходит к выводу, что социальные расколы и расслоения не дают методической возможности изучать гражданскую идентичность как некую универсальность. В России формируется парадоксальная гражданская идентичность.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, дихотомические формы «я – мы», «мы – они», «свои – чужие», тривиальность vs парадоксальность.

Triviality and Paradoxicality as Focuses of the Analysis of a Phenomenon of Civil Identity

N. Yu. Kravchenko

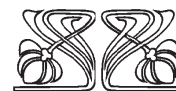
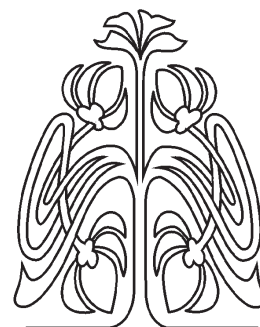
In the article the opposition «we» and «they» is considered (based upon the author's definition of civil identity) in various sociocultural situations, historical eras taking into account civilization specifics. Splits of society provoke distinctions of degree of formation of civil identity and cause its features. The author comes to a conclusion that social splits and stratifications don't give the methodical chance to study civil identity as a certain universality. So, the paradoxical civil identity is formed in nowadays Russia.

Key words: identity, civil identity, dichotomizing forms «I – we», «we – they», triviality vs paradoxicality.

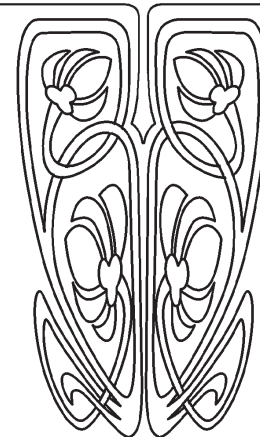
Современный мир ставит перед исследователями все большее количество задач, которые требуют решения. В ряду социальных проблем ученые считают первоочередными перенаселение планеты, потерю ею ресурсов, нарушение экологического равновесия (Э. Тоффлер); экономическое отставание ряда стран (Я. Тинберген, В. Леонтьев, М. Месарович); «идентичность» человека, его адаптацию к условиям среды (А. Печчеи, Е. Ласло). Все глобальные проблемы взаимосвязаны между собой: так, демографический взрыв ведет к перенаселению планеты и усиливает миграционные процессы; искаженные идентификации индивида приводят к искусственному делению на «своих» и «чужих», что продуцирует новые проблемные поля.

Политолог В. С. Малахов обращает внимание на необходимость осмысления нового понимания «границы» между «своими» и «чужими» как источника глубочайших различий, которых раньше не было. В настоящее время «граница» не только определяет различия, но и конструирует, создает их¹.

В процессе самоидентификации индивид конкретизирует собственное «Я», выделяя особость этого «Я», соотнося его с «Другим». Идентификация проявляется в противопоставлениях «я – мы», дальнейшая идентификация проявляется в определениях «мы – они», «свои – чужие». Это самоопределение индивида имеет большое значение при формировании гражданской идентичности.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

К вопросам оппозиции «мы – они» ученые обращались, разрабатывая различные теоретико-методологические подходы: в социологической проекции – Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, Г. Зиммель, А. Бергсон; социально-психологической – Г. Тэджфел, Дж. Тернер, З. Фрейд, Э. Фром, Г. Лебон; этнологической – К. Леви-Стросс и П. Бурдьё; историко-конструктивистской – Э. Геллнер и Б. Андерсон; феноменологической – Г. Мид. Эта оппозиция анализировалась в большом количестве теоретических подходов: Т. Шибутани (символический интеракционизм); Ч. Кули (концепция «зеркального Я»); И. Гофмана (социодраматический подход); П. Бергера и Т. Лукмана (конструирование социальной реальности); Р. Дарендорфа (конфликтология); Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера (цивилизационный подход). Проблема «мы и они» становится предметом осмысления отечественных исследователей А. Г. Здравомыслова, В. Л. Иноземцева Б. Ф. Поршнева, А. В. Шпилова и многих других.

Для понимания особенностей формирования гражданской идентичности в настоящий период, на наш взгляд, необходимо провести ретроспективный анализ состояния оппозиций «мы – они», «свои – чужие» в различные исторические периоды. Отметим, что опыт рассмотрения этих оппозиций методом ретроспективного анализа использовался ранее доктором культурологии А. В. Шпиловым. В его монографическом исследовании под названием «“Свои”, “чужие” и другие» описывается анализ циклической динамики форм оппозиции «мы – они» в ходе социокультурного развития на примере истории античной и отечественной культуры. Цель исследования А. В. Шпилова – подтвердить «гипотезу о том, что оппозиция “свои – чужие” определяет параметры социальной идентичности лишь в национально-демократических обществах, а в сословно-авторитарных обществах она вытесняется и минимизируется оппозицией “высшие – низшие”, так что межэтническая толерантность неизбежно предполагает межсословную интолерантность»².

Цель данной статьи – выявить специфику формирования гражданской идентичности на современном этапе.

При смене одной исторической эпохи другой имело место изменение оснований идентичности людей; для каждой эпохи был характерен свой исторический, приоритетный тип идентичности, так называемая «доминантная идентичность»³. И. Б. Фан обращает внимание, что для каждой из цивилизаций, была характерна своя уникальная модель гражданина с инвариантными чертами. Генетические связи между историческими типами модели западноевропейского гражданина детерминировали временную устойчивость инвариантной модели гражданина⁴.

При этом в каждый исторический период соотношение оппозиции «мы и они» было различным. Рассмотрим это соотношение, учитывая авторское определение гражданской идентичности как социально обусловленного позиционирования индивида в гражданской сфере в конгруэнтном соотношении, целостности «Я-телесного», «Я-психического» и «Я-рационального»⁵.

Как известно, в древневосточных обществах коллективное «мы» полностью преобладало над личностным «я», так как главным субъектом жизнедеятельности выступала община, а не сами индивиды. В качестве «мы» выступали прародители, явления природы, общинный коллектив. Основанием для идентификации являлось понимание жизни как циклического процесса.

Древние шумеры, египтяне, хетты и другие древние народы осознавали себя не в качестве «я», а частью общины, окружающего мира, «мы».

Осознание собственного «я» появляется в древнегреческом полисе, но это «я» растворяется в теле полиса. По мнению А. Ф. Лосева, в античном космологизме «нет никакой личности, а есть прекрасно, предельно организованная в теле материя»⁶. Телесность являлась своеобразным социокультурным контекстом античности, так как полис в этот период представляет собой единую политическую общность, а политика для античных граждан становилась телесным существованием.

На первом месте для гражданина полиса стояли интересы гражданской общины: коллективное, общественное благо имело приоритет над личным, частным. Однако при этом в период расцвета древнегреческой цивилизации у граждан полиса имелись все возможности для всестороннего личного развития, это обеспечивало гармоничную и прочную связь личности и коллектива.

Аристотель определяет современное ему государство как общение подобных друг другу людей ради достижения высшего блага⁷. Под людьми мыслитель подразумевает только свободных граждан греческого полиса. Для граждан коллективная идентичность «мы – граждане» основывалась на противопоставлении себя рабам, не гражданам («они» – рабы). Свобода как главное условие полноценного гражданства понималась Аристотелем как противоположность рабства. При этом, противопоставляя граждан рабам (свободные – рабы), философ ограничивал их идентичность свободных граждан. Индивидуальная свобода в античном обществе реализовывалась через равенство всех полноправных граждан перед законом – через равенство меньшинства. Аристотель к «другим», «не гражданам» наравне с рабами причислял и жителей остального, не эллинистического мира («варваров»), обосновывая это тем, что они не способны к гражданской и политической жизни.

Граждане греческого полиса, замкнутой политически организованной гражданской общины, передавали статус гражданина по наследству, принадлежность к общине определялась земельным владением, величина земельного участка обуславливала и объем политических прав гражданина полиса.

В отличие от «других», граждане обладали неоспоримыми правами. Их политические права заключались в свободе слова, в равенстве перед законом, занятии выборных должностей.

Основное население греческих полисов, как пишет историк Э. Д. Фролов, четко осознавало свое этническое и культурное единство и свое отличие от других греков, живших в соседних общинах, и тем более от чужаков-варваров⁸. «Варварским» формам общения, отмечает политолог И. Б. Фан, полис противопоставлял синкретизм городской общины и государства⁹.

Греческая полисная политическая система классического периода являлась демократией для меньшинства населения – полноценных граждан мужского пола. Открытое или скрытое противостояние граждан полиса всему остальному населению являлось античным способом решения оппозиций: свои ↔ чужие и господство ↔ подчинение. Феномен античного гражданина был также обусловлен жесткой дифференциацией общества по принципу: «свои – чужие», граждане (обладающие достоинством, цивилизованностью, персоной) – не граждане (нечто безличное и бесформенное – «варвары»), и чувством превосходства над чужими, которое объединяло своих¹⁰.

Античность сменяет эпоха Средневековья, начало которой традиционно связывают с падением Римской империи – V веком, а окончание – со временем возрождения искусства, светской науки, великими географическими открытиями – XV в.

В варварских обществах общественные связи носили, главным образом, природный, органический и патриархальный характер и включали в себя племенные, родовые, семейные связи, отношения между родственниками и т. п. Общественные связи носили в основном межличностный характер. Индивиды, как правило, не выбирали себе людей в группу для межличностного общения, поскольку это были преимущественно их родственники и члены семьи; браки тоже заключались обычно по определенным предписаниям. Поведение индивидов в варварских обществах полностью определялось их принадлежностью к социальному разряду или общественному слою.

Этику государственности античных цивилизаций сменила феодальная этика личного служения. По выражению французского медиевиста Ле Гоффа, «античный человек должен был быть справедливым, средневековый же верным»¹¹.

В раннем Средневековье (примерно V–IX вв.) преобладала двучленная модель с двумя

частными схемами-парами. Важнейшая из них – оппозиция «клирик ↔ мирянин». Такая схема отражала социальную реальность общества, во всех сферах которого полностью господствовала религия, а духовенство являлось его важнейшим элементом. Другая схема-пара отражала мирскую линию осмысления социального расслоения общества и выражалась оппозицией «могущественный (имеющий власть) ↔ бедный (зависимый)» или «сюзерен ↔ вассал». Развитие экономических отношений и превращение богатства в важнейший источник и, как следствие, могущества и власти трансформировало эту формулу в схему «богатый ↔ бедный».

Применительно к X–XI вв. можно говорить о трехчастной, ставшей классической для Средневековья, схеме. Согласно ей феодальное общество состояло из трех функциональных категорий-классов (сословий): молящиеся (oratores), сражающиеся (bellatores) и трудящиеся (laboratores). Религия в Средние века как на Западе, так и на Востоке стала безоговорочно господствующей идеологией феодального общества.

Каждый индивид в феодальном обществе всегда был тесно связан с другими членами своей группы¹². Важнейшей чертой феодального общества была его корпоративность. Объединения, союзы рыцарей, монахов, бюргеров, купцов, ремесленников, членов семей в форме различных орденов, братий и братств, коммун, гильдий, цехов, общин, землячеств, патриархальных и индивидуально-родственных групп и даже религиозных сект – все они сплачивали людей Средневековья в тесные микромиры, которые обеспечивали им защиту и помощь и строились на основе взаимности.

При этом социальные связи, объединявшие людей в группах, носили гораздо более выраженный характер, чем связи, существовавшие между разными группами или членами разных групп, были, прежде всего, внутригрупповыми. «Группа, в которую включался индивид, давала ему не только занятие, гарантировала соблюдение определенного образа жизни, а в ряде случаев даже и обеспечивала его материальное существование, – группа предлагала, более того – навязывала ему поведение, строй мыслей и взглядов. Социальный корпоративизм Средневековья был вместе с тем и духовным конформизмом»¹³. Средневековый человек «не столько утверждался, – считает Ле Гофф, – сколько полностью растворялся в этих общностях»¹⁴.

Безусловно, корпоративность феодального общества препятствовала развитию индивидуальности ее членов, сковывала их инициативу, подчиняя личное сознание коллективному. «Свои» – члены твоей корпорации, «чужие» – члены другой корпорации.

Гражданин Средневековья обретал и отстаивал собственную идентичность, прежде всего, в

недрах феодальных корпораций, в союзе с лицами равного статуса, профессии или одинакового занятия.

На определенной ступени развития средневекового общества индивид начинает находить новые средства для самовыражения. Поворотным здесь считают XIII в. Во всех отраслях жизни обнаруживаются симптомы, свидетельствующие о растущих притязаниях человеческой личности на признание. Действительно, начиная с XIII в., по мере роста самосознания средневековый человек осознает уже не только отдельность своего тела от остального мира и от других людей, но также открывает внутренний мир своих переживаний, его интимность, отдельность себя от других людей и от своего образа, представленного в их глазах. При этом внутренняя жизнь индивида постепенно приобретает единый интегрированный характер, появляется организующий центр личности – внутреннее «Я».

Интроспекция приобретает самостоятельное значение, значимо для эволюции европейского самосознания возникновение в конце периода Средних веков (первая половина XVI в.) протестантизма, это обстоятельство способствовало внутреннему созерцанию и углублению рефлексии собственного «Я».

Основное значение периода Средневековья в развитии самосознания человека заключается в выделении внутреннего мира, интимного чувственного «Я», отличного от ранее привычного «мы». Этот процесс индивидуализации и обнаружения самооценности человека как личности не был одномоментным, он происходил на протяжении всей истории Средних веков. При этом обретение человеком Средневековья своего внутреннего «Я» явилось непосредственным следствием иррациональной и во многом противоречивой картины христианского мира.

Потребность горожан в тесном единении с себе подобными приводила к созданию не только цехов – профессиональных объединений, но и так называемых «братств» (*fraternitates*). В средневековых городах была целая сеть этих братств, даже небольшой город мог иметь несколько десятков подобных союзов. В рамках такого микросоциума «собратья» оказывали друг другу всякого рода помощь и содействие и одновременно осуществляли контроль над поведением лиц, входивших в «братство»¹⁵.

И. Б. Фан считает, что ядро правового и политического сознания общины составляла солидарность граждан города (своих) и неприятие негорожан (чужих). Собственное управление коммуны носило корпоративный, правовой, договорный и относительный характер. Так, «решая военные, полицейские и подобные задачи, бюргеры создавали разнообразные способы участия, ассоциации, самоуправления – коммуну, приход, квартал, цех, гильдии, клиентелы и др. Ментальной основой этих институтов служили

чувства коммунальной, квартальной, приходской солидарности и ответственности»¹⁶.

Возвращение к проблемам человека и земной жизни, к его природной составляющей, к телесности связано с эпохой Возрождения как культурным феноменом. Человек становится основным открытием Возрождения в политической области. Он сам создает, сам развивает социальные связи и социальные общности, в которых коммутируют свободные граждане. Таким образом, возникает внутренняя самоотнесенность. Причем телесный антропоцентризм Возрождения сочетается с автономизацией человеческой личности, которая получает закрепление в социальных структурах¹⁷.

Прежде всего, в эпоху Возрождения происходит смена социального статуса элиты общества. Благородство, достоинство перетолковываются, истинное благородство достигается совершенствованием, обладает ценностью, но не в сакральном или феодальном смысле. Благородство – овладение ученостью, словесностью. Плюрализация социальной жизни приводит к необходимости находить универсальные критерии поддержки, опоры для «Я»¹⁸.

В XV–XVI вв. можно наблюдать создание новых способов и появление новых уровней коммуникации, развитие новой среды общения. Важнейшим культурно-социальным феноменом этого времени становится появление малых кругов общения. Именно малые коллективы, по выражению Ю. М. Лотмана, создают большую культуру¹⁹.

Занимаясь той или иной деятельностью, люди эпохи Ренессанса образовывали коллективы на основе уже личной воли и желания, в отличие от сословных цехов, монашеских и рыцарских объединений Средневековья; формировали группы, существующие в пределах ограниченного исторического периода времени. Возникновение этих малых коллективов не всегда было обусловлено социальными или экономическими потребностями.

Для описания проблемы идентичности уже требуются новые термины: субъективное время, уникальность, неповторимость телесного и духовного, необходимость самостоятельных решений и действий. Эти проблемы формулируются уже на уровне обыденного сознания индивидов. В эпоху Ренессанса и Реформации в рамках естественно-правовой доктрины зарождается индивидуализм в современном понимании этого слова. Человек, который до этого являлся лишь частицей разных религиозных и светских корпораций, становится самостоятельной ценностью, а его права объявляются высшей ценностью.

Начало Нового времени принято вести с английской буржуазной революции 1640 г. Новые капиталистические производственные отношения начинают разрушать жесткие рамки сословного европейского феодализма и увеличивают

значимость индивида в обществе. Начинает складываться общество так называемого раннего модерна или премодерна.

Индивиды социализируются в Новое время уже не в непосредственно семейной системе отсчета, предполагающей именной или сословно-корпоративный тип трансляции исторического опыта от поколения к поколению, характерной для Средневековья, а в абстрактной универсально-логической форме. Генетическую заданную принадлежность к группе, которая определяла статус человека внутри общины, корпорации, сословия, сменяют функционально-ролевые отношения «по соглашению»²⁰.

Формируется представительное государство, которое начинает выступать от имени всего населения. Сословное неравенство заменяется всеобщим юридическим равенством, что определяет качественно новый социальный статус личности. Индивид, независимо от его социального и имущественного положения, признается теперь свободным и полноправным участником общественной жизни.

С переходом от традиционного, феодального общества к буржуазному, гражданскому на исторической сцене появляется гражданин в подлинном значении этого слова – социальный и политический субъект, имеющий неотъемлемые права и обязанности.

Господствовавшие прежде вертикальные социальные связи сменяют горизонтальные не властные, образованные автономными ассоциациями граждан, что встречает противодействие со стороны централизованной власти.

В Новую эпоху формируется идея о личности, неотъемлемые права, свободы и интересы которой могут расходиться с интересами государства. Формирование институтов, ценностей и отношений гражданского общества идет на фоне осознания противоречий и неизбежных вечных конфликтов между обществом, гражданами и государством.

Ослабевшую религиозную коллективную идентичность в обществе сменяет национальная идентичность. Индивид начинает отождествлять себя с нацией, а его мировоззрение постепенно освобождается от связи с религиозными представлениями и концентрируется на проблемах, запросах, природе личности.

Основанием для многих политических теорий становится индивидуализм. У английского мыслителя Томаса Гоббса человек – создатель государства Левиафан, позволяющий избежать отрицательных последствий «войны всех против всех».

Одновременно в конце XVIII – первой четверти XX в. идеи гражданского общества получают дальнейшее развитие и на основе преодоления синкретизма общества и государства и радикализации политического сознания его представителей. К прежним приоритетным не-

отчуждаемым правам личности и экономической свободе добавляется требование политической свободы, независимости граждан и их объединений от возможного или фактического произвола государства, его бюрократического аппарата.

Для общества Нового времени периода его формирования наиболее доминантными являлись солидарность и идентичность национально-гражданского типа («один народ – одно государство»). Но уже на рубеже XVIII–XIX вв. стала приобретать актуальность и идентичность, основанная, по словам А. Флиера, на социально-экономическом (классовом) положении человека, и связанная с этим борьба за построение более справедливого социального порядка. Здесь ситуация представляется обратной по отношению к аграрной эпохе; идентичность индустриального общества по своим основаниям преимущественно социальная и политическая и лишь отчасти культурная. Идеология индустриального общества строилась на социально-экономических и политических интересах и поддерживала социальную устойчивость общества²¹.

Моральная и правовая основы для наделения индивидов гражданским достоинством, для формирования гражданской идентичности складывались из возможностей к самоорганизации, самоуправлению (самоконтроля, рефлексии, самопринуждения) личности – духовного господства над собой.

Этос гражданина Нового времени формировался в результате стихийного развития культуры, с одной стороны, и идеологического воздействия государства, с другой. Гражданство становится важнейшим институтом, ограничивающим власть государства. В результате демократизации государственного управления статус подданного вытесняется гражданским статусом. Складывающийся институт гражданства, как отмечает Ю. Хабермас, становится коллективным членством граждан, принимающих участие в осуществлении политического господства²².

Начало XX в. характеризуется наметившейся в предыдущий период тенденцией социализации гражданского общества. Частные предприниматели, торговцы на рубеже XIX–XX вв. уступают свое ведущее место в экономике торговому и финансовому корпорациям. Одновременно внушительной силой становится класс наемных рабочих, организуемый в профессиональные союзы, с которыми начинают считаться.

Премодерну сопутствуют основные идентичности: империя, этнос, религия, иерархия. Сословный принцип характерен для большинства типов традиционных обществ. Такие общества основаны на иерархии, высшие касты соответствуют духу, низшие – материи.

Завершается формирование нового типа общества – общества Модерна, для которого характерно усиление роли государства и его бюрократического аппарата и общий тоталитарный характер.

Эпоха Модерна характеризуется доминированием национального государства в политической жизни общества. У большинства членов этого общества преобладают Я-идентичности (идентичности, ориентированные на себя). Я-идентичность явилась следствием разрушения традиционных социальных общностей. Ее можно характеризовать чувством уникальности и одиночества и, как следствие, толпообразованием – попыткой «бегства от свободы»²³. Если для традиционного общества предшествующих эпох была характерна локальная, малогрупповая идентификация (на уровне семьи, общины, касты, сословия), то в обществе Модерна степень идентичности повышается, переходя на классовый, национальный и гражданский уровень.

Противостояние «мы – они», характерное для древнего мира, возрождается в форме «неотрайбизма» – этнического сепаратизма, который в многонациональных государствах выливается в кровавые межэтнические столкновения²⁴.

Популярный современный политолог и футуролог Самуэль Хантингтон прямо утверждает, что преобладающим типом политики в современном мире становится этническая политика и она же является основной причиной столкновений и конфликтов.

Модерн выдвигает свои идентичности: государство, нацию, светскость, равенство индивидов, граждан (права человека). Граждане ставятся на одну онтологическую и антропологическую плоскость, демократия релятивирует системы власти. Теоретически каждый индивид может занимать в обществе и в государстве любой пост.

Рассмотрим специфику формирования гражданской идентичности на современном этапе. На первый план в обществе постмодерна сегодня выходит свобода меньшинства – «право отдельных индивидов или групп действовать как им вздумается в тех областях, на которые не распространяется право большинства навязывать всем одни и те же правила игры»²⁵.

Идентификация современного человека осложняется его тотальной неуверенностью, проявляющейся в попытках установить границы своего «Я» и границы «Другого», определить свои желания, ожидания и возможности. Его идентичность, по мнению французского философа Ж. Бодрийяра, трансгранична. Человек я или машина? человек я или виртуальный клон? мужчина я или женщина? – ответить однозначно на эти вопросы современный человек не может²⁶. В динамично развивающемся социуме идентичность становится пластичной и подвижной, нестабильной и зачастую нефиксируемой, фрагментарной. Подвижность и пластичность идентичности связаны с тем, что современный человек вынужден выбирать свой жизненный путь из многообразия перспектив, постоянно

корректируя свои жизненные цели, мотивы деятельности, ценностные установки. Если человек, привязанный к определенной культуре и традиции, стремился, прежде всего, вписаться в общество (буквально – занять свое место), построить идентичность, сохранить ее целостность и стабильность, то современный человек, пытающийся раскрыть свой внутренний потенциал, не останавливается на месте и избегает любой фиксации. Чрезмерная гибкость идентичности, постоянные ее исправления приводят к тому, что современный человек утрачивает возможность обрести целостность своего «Я».

Человек постмодерна выстраивает дистанцию между «Собой» и «Другим». Социальные отношения, таким образом, становятся фрагментарными, прерывными, непродолжительными и поверхностными. Современный мир – это, по определению немецкого социолога и философа У. Бека, мир «развязанных» отношений между людьми, замкнутыми на себе и утратившими способность к подлинной коммуникации.

Исследователи говорят о появлении нового типа идентичности – «ориентированного на Другого». Основной характеристикой этого типа, по мнению социолога Р. И. Анисимова, является «ролевая дистанция» как осознание навязываемых норм и ценностей общества и попыток скрыть или, наоборот, раскрыть «целостно действующее Я»²⁷.

Сегодня гражданская идентичность, по мнению исследователей, является трансверальной (переходной), глубоко интернированной и осознаваемой как собственная позиция, для характера, ориентированного на «Другого». Современная гражданская идентичность – ситуационна, не внутриличностна, ее конструирование носит характер игры. Исследователи говорят о возможном полном исчезновении гражданской идентичности, место которой займет идентификация по региональным и национальным параметрам, выстраиваемая по схеме «коренные жители – приезжие». Конфликты будут происходить не между населением и элитой, а между коренными жителями – гражданами и мигрантами, добывающимися гражданства²⁸. Поскольку любая идентичность предполагает наличие пары «свой – чужой», люди создают внутренних и внешних оппонентов.

В основании контекстуального характера, несмотря на известную степень размытости, раздробленности, будет присутствовать цивилизационное основание идентичности.

Для понимания специфики гражданской идентичности в современной России обратимся к исследованию Ж. Т. Тощенко Он вводит понятие «реальное сознание» и определяет его как синтез теоретического и обыденного, сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих и практически функционирующих моментов. В противовес «реальному

сознанию» автор называет «парадоксальное сознание»²⁹.

Общество постмодерна можно охарактеризовать как расколотое, полное парадоксов, разорванное и иной раз определять его как маргинальное, предстающее как ложное сознание. Под понятием «раскол», говоря об обществе здесь и далее, мы подразумеваем ахизеровское определение как «острозастойное противоречие между культурой и социальными отношениями»³⁰.

Ж. Т. Тощенко дает определение парадоксов: «...это в большинстве случаев расходящиеся, противоречивые и даже противостоящие друг другу мнения, суждения, установки, ориентации, действия, которые одновременно существуют, сочетаются и функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей». Автор рассматривает сущности парадоксов. Волна этнонационализма, взметнувшаяся на всем пространстве бывшего СССР, породила парадоксы национального «Я». Поиск этнокультурной идентичности выявил свою парадоксальность. Ж. Т. Тощенко называет такие парадоксы этнического взаимодействия «аккультурация, этноцид, раздвоенность сознания и поведения», «сохранить свое, и не оторваться от ценностей другого»³¹.

Анализ реальной ситуации в России показывает, что парадоксальность сознания стала неотъемлемой частью современной жизни³². Ж. Т. Тощенко констатирует состояние ценностного вакуума, того, что в социологии принято называть аномией. В стране наблюдаются апатия, безразличие, растерянность, пессимизм. Общество волнует проблема самоидентификации, осознания себя и места своей страны в мире. Идет процесс формирования гражданской идентичности, в результате которого создается парадоксальная гражданская идентичность. Она начинает формирование очень странно. Зарождается новый россиянин – полный парадоксальности.

В современном мире парадоксальность усиливается потому, что этот мир требует включения человека во все возрастающее многообразие социальных отношений и структур, что сопряжено с гигантскими нагрузками на психику, стрессами, разрушающими его здоровье. Острота и объемность этой парадоксальности характерна для обществ с неустойчивым развитием, находящихся в состоянии нестабильности, аморфности, неопределенности вектора исторического процесса³³.

Дезориентированный современный человек, сам того не замечая, исповедует противостоящие друг другу истины и, что поразительно, относится к взаимоисключающим мнениям и суждениям с доверием, ориентируется на них вполне искренне, часто не замечая этого потрясающего несоответствия.

Опасным стало конструирование проблем как в официальной политике, так и в реальной

практике современного российского общества. Особым явлением стала «кентавр-проблема», являющаяся особенной, специфической, но не исключительной формой парадоксальности³⁴.

«Кентавр-проблема» особенно проявляется в период деформации общественных отношений, нестабильности и в определенной степени становится нормой для сознания и поведения людей в период кардинальных общественных изменений.

Ж. Т. Тощенко отмечает, что «незнание или игнорирование “кентавр-проблемных” ситуаций в обществе обрекает политиков и обслуживающих их научные центры на ложные выводы, создает условия для провала их действий, особенно тогда, когда они продолжают мыслить по принципу линейности развития, не видя не только противоречий, но и парадоксальности многих ситуаций»³⁵.

В настоящее время в России, так же как и в остальном современном мире, складывается сложная система идентичностей. Часть людей, проживающих на одной территории, ощущает себя в премодерне, другая часть – в модерне, остальные – в постмодерне. К примеру, у большого количества россиян мы наблюдаем идентичности традиционные (семья), в то же время существуют группы людей, разделяющих нетрадиционные ценности. Многие люди творческих профессий, специалисты в области программирования свободно ощущают себя в постмодерне, в то время как другие выращивают овощи, чтобы как-то прокормиться. Огромная разница в доходах населения, кардинально разные политические взгляды, многопластовость, расслоение общества может расколоть его. Социальный раскол общества, разновекторные идентичности, парадоксальное сознание и расслоения приводят к тому, что методологически изучать гражданскую идентичность как некую универсальность не представляется возможным. Исследователям остается постигать истину через разнообразие методов и приемов изучения многообразных социальных явлений с последующим их обобщением и анализом.

Таким образом, на протяжении многовековой истории человечества одна эпоха приходит на смену другой, вытесняя предыдущие идентичности и меняя дихотомии «я – мы», «мы – они», «свои – чужие» и т. п. В древневосточных обществах коллективное «мы» полностью преобладало над личностным «я», главным субъектом жизнедеятельности выступала община. В качестве «мы» выступали прародители, явления природы, общинный коллектив. Основанием для идентификации являлось понимание жизни как циклического процесса. Осознание собственного «я» появляется в древнегреческом полисе, но это «я» растворяется в теле полиса.

Для граждан коллективная идентичность «мы – граждане» основывалась на противопоставлении себя рабам, негражданам. Феномен

античного гражданина был также обусловлен жесткой дифференциацией общества по принципу: «свои – чужие», «граждане – неграждане».

Гражданин Средневековья обретал собственную идентичность в недрах феодальных корпораций, в союзе с лицами равного статуса, профессии или одинакового занятия. Основное значение данного периода в развитии самосознания человека заключается в выделении внутреннего мира, интимного чувственного «я», отличного от ранее привычного «мы».

В эпоху Возрождения происходит смена социального статуса элиты общества. Плюрализация социальной жизни приводит к необходимости находить универсальные критерии поддержки, опоры для «я»³⁶.

В эпоху Ренессанса и Реформации на исторической сцене появляется гражданин – социальный и политический субъект, имеющий неотъемлемые права и обязанности.

В период преромодерна складывающийся институт гражданства становится коллективным членством граждан, принимающих участие в осуществлении политического господства.

Эпоха Модерна характеризуется доминированием национального государства в политической жизни общества. У большинства членов этого общества преобладают Я-идентичности, являющиеся следствием разрушения традиционных социальных общностей. Противостояние «мы – они» возрождается в форме этнического сепаратизма.

К концу XX в. Модерн вытесняется идентичностями постмодерна, появляются глобализация, планетарный космополитизм, произвольность утверждения индивидуумами абсолютным своего отношения к другим. Индивидуализм достигает логического предела. Человек освобождается от общества и любых форм коллективной идентичности и постепенно теряет «Другого» из виду³⁷. Противоречия идентичностей «я – мы», «мы – они», «свои – чужие» выявляются на плоскости постмодерна.

Итак, дихотомические формы «я – мы», «мы – они», «свои – чужие» прослеживаются на всех этапах исторического развития общества и определяют лейтмотив формирования идентичностей, в том числе и гражданской.

Примечания

- 1 См.: Малахов В. С. Мультикультурализм и идеология «инакости» // Малахов В. С. Понаехали тут. Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Нов. лит. обозрение. 2007. С. 150.
- 2 Шипилов А. В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 436.
- 3 См.: Флиер А. Я. Феномен культурологи: опыт новой интерпретации // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 4–19.

- 4 См.: Фан И. Б. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // Полис. 2010. № 6. С. 149.
- 5 См.: Кравченко Н. Ю. Российская гражданская идентичность: опыт социологической реконструкции. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014.
- 6 Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. [и др.] Античная литература / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: ЧеРо, 1997. С. 488.
- 7 См.: Аристотель. Политика. I. 1 // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976–1983. Т. 4. С. 376. (Сер. «Философское наследие»).
- 8 См.: Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. С. 12.
- 9 См.: Фан И. Б. Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2010.
- 10 См.: Фролов Э. Д. Указ. соч.
- 11 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 33.
- 12 См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
- 13 Там же. С. 168.
- 14 Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 52.
- 15 См.: Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2009. С. 155.
- 16 Фан И. Б. Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели. С. 25.
- 17 См.: Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. науч. центра Высш. шк., 1999. С. 85.
- 18 См.: Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992. С. 51.
- 19 См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 282–302.
- 20 См.: Можейко М. А. Модернизация концепции // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / под ред. А. А. Грицианова. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. С. 480.
- 21 См.: Флиер А. Я. Указ. соч.
- 22 См.: Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М.: КАМИ-ACADEMIA, 1995. С. 209–245.
- 23 См.: Анисимов Р. И. Трансформация гражданской идентичности в России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2011.
- 24 См.: Малахов В. С. Указ. соч.
- 25 Отрешко Н. Б. Гражданское общество как возможность меньшинства в ситуации постмодерна // Межвузовский центр социальной теории ГОУ ВПО «Чувашский гос. педагогический ун-т им. И. Я. Яковлева». URL: <http://www.mzst.ru/> (дата обращения: 25.09.2013).

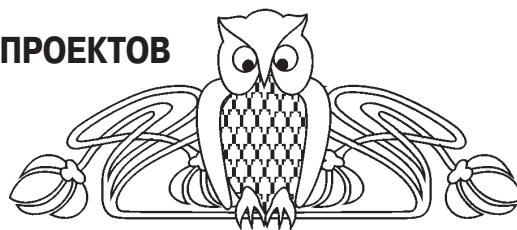
- ²⁶ См.: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 89.
- ²⁷ Анисимов Р. И. Указ. соч. С. 13.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек: феномен общественного сознания и социальной практики // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. 2007. № 2–3. С. 6.
- ³⁰ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 10.
- ³¹ Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. С. 8.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Тоценко Ж. Т. Кентавр-проблема в познающей и преобразующей деятельности человека. URL: <http://eskosman.hse.ru> (дата обращения: 12.02.2015).
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См.: Петров М. К. Указ. соч.
- ³⁷ См.: Дугин, А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007.

УДК 316.43

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье на основе результатов многочисленных социологических исследований, проведенных Центром региональных социологических исследований СГУ им. Н. Г. Чернышевского, обосновывается социальная значимость одного из современных проектов благоустройства городской среды.

Ключевые слова: благоустройство, городская среда.

Social Value of Modern Projects of Developing Urban Environment

S. V. Sitnikova

The article deals with the results of numerous researches made by Center of Regional Sociological Research of Saratov State University. This was the basis for validating the social value of one of the modern projects of developing urban environment.

Key words: landscaping, urban environment.

Сегодня инновационные продукты для развития городской инфраструктуры обосновывают понимание современной урбанистики не в узком научном поле, как раздел экономической географии, а значительно шире – как полипарадигмальную методологию исследования городского пространства. И только совместная работа геологов, географов, экологов, архитекторов, обществоведов и ряда других специалистов позволит системно решить проблему благоустройства повседневности современного горожанина.

28 января 2015 г. в Москве, в Институте медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» прошло обсуждение проекта «Благоустройство повседневности Саратова». Разработка данного проекта инициирована В. В. Володиным, курирует данное направление О. Ю. Баталина. В обсуждении принимали участие представители региональной и муниципальной власти, СМИ,

геоэкологи, архитекторы, географы, социологи. Фокусом обсуждения являлась общая концепция благоустройства г. Саратова. Все присутствующие одобрили предложения архитекторов «Стрелки». В связи с чем 6 февраля в Саратове, в Саратовском социально-экономическом институте Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова прошли общественные слушания по вопросу возможности реализации предложенной концепции.

Авторы идеи предложили три направления развития: благоустройство набережной Космонавтов, проспекта Кирова, строительство детского развлекательного парка. Первое направление предполагает продление набережной, строительство современного причала, создание маршрутов водного транспорта к островам, размещение туристической инфраструктуры, строительство речного клуба и развитие центра экстремального спорта. Предполагается сохранение производственных кластеров и создание пяти функциональных зон: природной, туристической, зоны мероприятий, детской и зоны активного спорта.

В 2015 г. проспект Кирова отмечает 30-летний юбилей как первая пешеходная улица в СССР. Проект благоустройства саратовского проспекта предполагает: общую концепцию оформления уличной мебели и освещения, оборудование новых мест для отдыха горожан, максимальное раскрытие функций первых этажей зданий и размещение уличных террас.

Современные тенденции развития градостроительства показали недостаточность использования западного опыта и необходимость ориентации на собственное социокультурное наследие. Данному запросу отвечает и третья на-

правление обсуждаемого проекта благоустройства г. Саратова – детский развлекательный парк «Швамбрания». В основу концепции заложены идеи повести Льва Кассиля. По замыслу разработчиков, это будет первый тематический парк, в основу которого лягут не сюжеты иностранных мультфильмов, а произведение классической отечественной детской литературы. Идея как нельзя кстати рождена в Год литературы в России. Размещение парка запланировано в районе НИИ Юго-Востока (Ленинский район) на площади чуть более 30 га. Схема парка полностью заимствована у автора повести. Со своей столицей, рекой, пустыней и даже за границей парк будет удивительным миром приключений, отличающимся волшебной географией, яркими персонажами и увлекательными играми. В числе основных структурных зон будут: верблужья ферма и контактный зоопарк (место дремучих мужественных лесов, где охотятся на диких коньяков), скалодром и спортивные площадки (Кудыкины горы и недостижимая вершина Ребус), площадка для исторической реконструкции и активных игр, площадки для проведения мероприятий (место, где закругляется земля и острова Пилюльского архипелага), бассейн и благоустроенная набережная реки Гуселка (пляж).

На наш взгляд, детский парк «Швамбрания» станет достойным конкурентом Диснейленда. К целевой аудитории парка, безусловно, отнесены дети и подростки, туристы с детьми. К числу ожидаемых социальных эффектов данного проекта можно отнести следующие:

- значительное пополнение инфраструктуры досуговой среды города;
- при сохранении имеющихся мест проведения семейного досуга появление нового объекта, привлекательного не только для жителей региона. Отсюда туристическая привлекательность города Саратова не только в границах Приволжского федерального округа, но и всей России;
- создание новых рабочих мест непосредственно парка и предприятий, обеспечивающих функционирование и инфраструктуру развлекательного центра. В ситуации ожидания роста уровня безработицы данный проект несет положительный потенциал развития региона;
- снижение уровня миграционного оттока молодых специалистов в инфраструктурно более привлекательные регионы;
- прямой вклад в экономику Приволжского федерального округа;
- повышение уровня комфорта существования в городской среде жителей Саратова.

В рамках общественных обсуждений был затронут вопрос о социальной значимости данного проекта и его ценности для жителей Саратова. Наши социологические аргументы базировались на результатах многочисленных исследований, проведенных на базе Центра региональных социологических исследований СГУ:

- Дифференциация социального пространства региона;
- Из деревни в город: экспликация молодежных ориентиров;
- Досуговые предпочтения саратовцев;
- Специфика досуга молодежи;
- Городской парк культуры и отдыха как объект социологического исследования;
- Культурно-историческое наследие города Саратова глазами молодежи;
- Основные проблемы города Саратова глазами горожан;
- Отношение жителей г. Саратова к архитектурным памятникам;
- Оценка материального благосостояния жителей Октябрьского района г. Саратова;
- Туристские практики как фактор стратификации в региональном сообществе;
- Культурное наследие Саратовской области;
- Оценка состояния дворовых территорий и детских площадок жителями Кировского района г. Саратова.

Среди них ряд студенческих работ, ими же инициирована данная проблематика, что, на наш взгляд – явный индикатор общественного внимания к проблемам благоустройства городской среды.

Несмотря на то что Саратовская область – уникальный историко-культурный регион Поволжья с давними художественными, музыкальными и театральными традициями, высоким творческим потенциалом, она не входит в список наиболее привлекательных для туристов регионов России. Большая часть опрошенных саратовцев согласилась с этим, акцентируя внимание на недостатке туристической инфраструктуры региона. Результаты опросов свидетельствуют: туризм горожанам интересен, прежде всего, как возможность отдохнуть, получить новые впечатления и новые знания. В результате в рейтинг предпочитаемых саратовцами видов туризма вошли познавательный (47%), рекреационный (32%), экстремальный (9,5%), спортивный (9%). Самым непопулярным оказался туризм деловой (2,5%).

Более 70% горожан путешествуют от 1 до 4 раз в год. Значительная часть опрошенных (66,5%) путешествуют по России, в 2,5 раза меньше – по Саратовской области (около 25%). Внимания к своему региону, как видим, очень невысоко.

В этой связи актуальными становятся вопросы культурно-исторического наследия города, ценности его для жителей Саратова и, как наиболее активной части, молодежи. Результаты опросов саратовской молодежи позволяют говорить о значительном интересе к культурно-историческим памятникам города. Более 90% молодых саратовцев сохранение памятников считают одной из важных задач обустройства городского

пространства. К числу наиболее известных отнесены: здания театра оперы и балета, Саратовского государственного университета, сад «Липки», Императорская Алексеевская консерватория, Краеведческий музей, пассаж Лаптева, детская больница Поздеевой, здание колбасной фабрики, особняк Бореля, усадьба Рейнеке, доходный дом Горина, особняк Скворцова, дом Яхимовича. Не забыты и имена талантливых деятелей саратовской земли: Н. Чернышевский, П. Столыпин, А. Радищев, П. Яблочков, Н. Вавилов, А. Федин, А. Слонов, А. Шнитке, А. Салько, Ю. Гагарин, Л. Кассиль. Современные технологии информирования, вовлечения населения в культурную жизнь, пропаганды ценности региональной идентичности, знания истории родного края, несомненно, повышают уровень патриотизма россиян. Модернизационные проекты благоустройства городского пространства должны отвечать современным тенденциям.

Лонгитюдная диагностика досуговых предпочтений саратовцев, независимо от возрастной категории, свидетельствует о доминировании пассивных форм, таких как просмотр телевизора, развлечения в сети Интернет, чтение книг, посещение кафе, кинотеатров, недолгие прогулки. Значительно реже упоминаются активные формы досуга, такие как посещение спортивных и развлекательных мероприятий, походы, дискотеки. Общий набор предпочтений достаточно скуден. Более того, большинство горожан озабочены проблемой организации досуга детей и подростков. Речь идет о существовании, достаточности и доступности мест проведения семейного досуга.

Проблема здорового образа жизни, досуга и отдыха населения занимает не последнее место в программе модернизации современного российского общества. Городские парки культуры и отдыха населения – одна из форм реализации данного направления. В 2012 г. с целью выявления функциональности городского парка Саратова были опрошены его посетители. Все респонденты оказались жителями ближайших к парку районов. Расположен парк в Октябрьском районе, территория ограничена улицами Чернышевского, 2-й Садовой и Дегтярными проездами. Общая площадь парка составляет примерно 18,7 га особо охраняемой природной территории. Данный парк – одно из любимых и красивейших мест отдыха саратовцев разных возрастных, статусных и доходных групп. По отзывам опрошенных, качественных мест проведения досуга на территории города практически нет, что ухудшает культурную, эмоционально-психологическую, социальную среду населения. К числу серьезных проблем существования парка посетители отнес-

ли застройку прилегающих территорий жилыми домами, вследствие чего идет вырубка вековых дубов и загрязнение парковой территории. Во мнениях саратовцев присутствует озабоченность в вопросах сохранения и улучшения состояния и инфраструктуры парка.

Не менее важной темой обсуждений саратовцев оказалось состояние дворовых территорий и детских площадок. Несмотря на то что в Саратове уже идет реализация проекта партии «Единая Россия» «Мой двор» (так, в Заводском районе города Саратова этот проект реализован в 80 дворах, где проживают более 20 тысяч граждан¹, в Кировском же районе – на 30 дворовых территориях общей площадью 57 095 кв. м), потребность в благоустройстве городской среды остается актуальной. По данным опросов, несмотря на то что многие горожане положительно оценивают состояние своих домов и осведомленность дворовых территорий, обустройство большей части дворов и детских площадок пока оставляет желать лучшего. В оценке дворов к недостаткам чаще относили грязь, наличие старых разрушенных конструкций (скамейки, бордюры), недостаточность озеленения, общий неухоженный вид. В состоянии детских площадок чаще вызывают беспокойство недостаточность и травмоопасность малых архитектурных форм, отсутствие скамеек для отдыха родителей, несвоевременный ремонт конструкций детских площадок, общее санитарное состояние, художественное решение.

Формирование благоприятной среды жизнедеятельности является основной целью градостроительной политики, осуществляемой в пределах жилых территорий органами государственной власти Российской Федерации, органами субъектов Федерации и органами местного самоуправления.

В заключение хотелось бы обратиться к интерпретации самого понятия «благоустройство» – устройство, результатом которого должно стать всеобщее благо. Что есть благо в контексте обсуждаемого проекта? – возможность ответить потребностям горожан. Приведенные социальные факты, на наш взгляд, доказывают, что предлагаемая концепция благоустройства Саратова имеет потенциал состояться как благо для его жителей.

Примечания

¹ См.: Дворы Заводского района Саратова продолжают преобразовываться. Из интервью Олега Грищенко 31 августа 2011. URL: <http://www.sarinform.ru> (дата обращения: 30.10.2014).

УДК 316.774

«ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» КАК ЭТАП В РАЗВИТИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

С. А. Барков¹, С. В. Носуленко²

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: barkserg@live.ru

²Научно-исследовательский университет «Высшая школа
экономки», Москва
E-mail: barkserg@live.ru

Информационные технологии разнопланово воздействуют на развитие общества. В период зарождения Интернет сознательно формировался как сетевая структура, не имеющая единого центра управления. Он во многом стал символом децентрализации и тех успехов, которых может добиться общества с помощью данного принципа организации. «Облачные технологии» в 2010-х гг. внесли коррективы в развитие глобальной структуры потоков информации. Они усилили элементы централизации и иерархии, передав в «облака» значительную часть информационной инфраструктуры, ранее находившейся в отдельных компьютерах. Новый баланс централизации и децентрализации позволил успешно развивать не только «облачные хранилища» и «облачные вычисления», но и «облачное производство».

Ключевые слова: информационное общество, сетевые структуры, иерархия, облачные технологии, облачное производство, телекоммуникации.

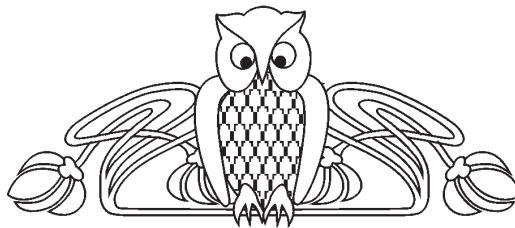
«Cloud Technologies» as a Stage in the Development of the Information Society

S. A. Barkov, S. V. Nosulenko

Information technologies have multifold impact on the social development. Initially the Internet was deliberately formed as a network structure that has no single point of control. It became a symbol of decentralization and successes that can be achieved with the help of this organizing principle. «Cloud technologies» in the 2010s have made considerable adjustments to the global structure of information flows. They have strengthened elements of centralization and hierarchy, passing in the «cloud» a significant part of the information infrastructure, previously located in separate computers. The new balance of centralization and decentralization enables to successfully develop not only the «cloud storage» and «cloud computing», but also «cloud production».

Key words: information society, network structure, hierarchy, cloud technologies, cloud manufacturing, telecommunications.

Важнейшую роль в процессе переживаемых современным обществом глобальных изменений играют быстроразвивающиеся информационные технологии. Это связано с тем, что уже четверть века развитие информационных технологий занимает доминирующие позиции в русле общего инновационного процесса. В наши дни они являются ключевым фактором глобального развития, определяющим процесс трансформации обще-

ства на всех без исключения системных уровнях его функционирования.

Принципиальная роль информационных технологий в настоящее время объясняется тем, что на этапе перехода от индустриального общества к постиндустриальному резко возрастает значение информации для общественного развития. Как писал Д. Белл, «решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях»¹.

В научной литературе социальный статус информационных технологий уже давно рассматривается чаще всего в рамках теории информационного общества. Основоположниками и главными разработчиками этой теории являются Д. Белл, Ю. Хаяши, Ж. Бодрийяр, М. Постер, М. Кастельс, М. Пайор, Ч. Сейбл, Л. Хиршхорн. В их представлениях, сегодня имеет место принципиальное изменение условий жизнедеятельности, которое приведет к изменению концептуальных основ современной цивилизации. По их мнению, «прогресс в телекоммуникациях <...> навязывает ничего не подозревавшему миру новый порядок <...> и тот, кого эти магистрали обойдут стороной, потерпит полный крах»².

По заключению К. Келли, мир технологий «начинает управлять миром машин и миром реальности»³. Определяя современный статус информационных технологий, К. Келли констатирует: «...коммуникации, которые в конце концов и являются тем, что мы понимаем под цифровыми технологиями и средствами связи, – это сама экономика»⁴. Действительно, в современных условиях информационные технологии начинают играть такую значимую роль, что наметилась тенденция определять их как пятый фактор производства (наряду с трудом, капиталом, природными ресурсами и предпринимательством), и их значение постоянно возрастает.

Современные информационные технологии обеспечивают формирование новых и модернизацию традиционных каналов распространения, обработки и передачи информации. На всех этапах развития этого глобального инновационного процесса осуществлялась разработка и внедрение целого комплекса новых технологий, специализирующихся на различных областях информационной сферы. Этот комплекс технологий можно разделить на следующие группы:

- технологии и оборудование обработки информации;
- технологии и оборудование использования информации;
- технологии и оборудование для хранения информации;
- технологии и оборудование передачи информации.

Информационные технологии объединяют в себе компьютерные и телекоммуникационные технологии, которые технологически и функционально пересекаются друг с другом, а их эволюция связана с развитием электроники и программного обеспечения. Следует отметить, что современные продукты информационных технологий обладают полифункциональностью, а их модификация непосредственно связана с расширением функций. Эта тенденция выражается настолько ярко, что в перспективе «выпускаемые часы, фотокамеры, персональные компьютеры будут иметь функции, которые покупатель вряд ли применит и в которых он редко нуждается»⁵.

Действительно, уже в наши дни большинство традиционных механизмов и технических устройств благодаря информационным технологиям обладают возможностями, существенно превышающими их первоначальное функциональное назначение. Современный персональный компьютер является не только инструментом обработки информации, но и коммуникационным каналом. Аналогичные функции свойственны и смартфонам и другим «гаджетам».

Процесс развития компьютерных технологий начался на рубеже 40–50-х гг. XX в. и был непосредственно связан с изобретением ЭВМ и достижениями в области электронной промышленности и кибернетики. Первые три с половиной десятилетия применение компьютеров ограничивалось в основном научной и экономической сферами деятельности и сводилось в большинстве случаев к выполнению расчетов и хранению информации.

ЭВМ использовали и в управлении бизнесом, но реальный эффект от его применения был незначительным. По сути, в сфере управления экономической деятельностью компьютеры на протяжении трех десятилетий были «игрушками для богатых» – в большей мере имиджевым атрибутом, нежели эффективным инструментом управления. Лишь в 1970-х гг., после изобретения микропроцессора (1971), технологии создания локальных информационных сетей (1973) и персонального компьютера (1975), начался новый этап развития компьютерных технологий, связанный с их широким внедрением в различные сферы. Микропроцессоры сделали компьютеры компактными и относительно дешевыми, персональные компьютеры позволили компьютеризировать рабочие места, а технологии создания локальных сетей дали возможность объ-

единять предприятия и сотрудников в локальные информационные сети.

Даже в это время сами по себе компьютеры практически не изменили институционального содержания общественной среды – цивилизационные ценности, нормы право, общественную архитектуру. Но при этом развивающиеся в составе компьютерных инноваций сетевые информационные технологии имели самое существенное влияние на развитие современного социума. По заключению американского экономиста Г. Малгана, «Сети превратились в основную организационную форму постиндустриального или информационного общества»⁶.

Действительно, в результате формирования сетевых общественных образований начался процесс трансформации социального пространства и социальных отношений. Расширенный доступ к базам данных, новостям, альтернативным мнениям позволяет перейти на принципиально более высокий уровень информированности граждан, что увеличивает возможности повышения их социальной субъектности.

Интернет был создан таким образом, что изменил традиционные представления о социальном дизайне каналов коммуникаций и социальной инфраструктуре в целом. Долгое время и в отдельных организациях, и в обществе в целом доминировал иерархический принцип создания и функционирования социальных отношений. Эти отношения всегда имели вертикальную оставляющую, которая направляла потоки информации или социальную энергию в некоторую вершину или центр. Именно поэтому и общество, и отдельные организации так часто изображались в виде пирамиды. Когда же речь шла о некоей инфраструктуре, ее аналогом чаще всего была паутина, состоящая из множества концентрических кругов, пересеченных линиями, ведущими в центр (так сказать, вид пирамиды сверху). По такой схеме в принципе могла создаваться и компьютерная инфраструктура.

В середине XX в. многим виделось развитие данных сфер в рамках института иерархии. Стоит вспомнить «1984-й год» Дж. Оруэлла или фильм Терри Гиллама «Бразилия», поставленный в соответствии с представлениями о развитии техники, характерными для 1930–1950-х гг. Собственно, идея иерархического структурирования информационных технологий удивительно проста. Должна быть некая центральная машина, с которой соединены несамостоятельные порталы отдельных членов общества (по принципу «всевидающего ока» у Оруэлла). Такая система кажется и сегодня вполне приемлемой и даже экономичной: зачем иметь дома самодостаточную машину, если значительное количество ее частей полностью совпадает с теми, которыми пользуются другие люди. Происходит неэкономное дублирование, которого при иерархической организации можно было бы избежать. В прин-

ципе, экрана и клавиатуры для обычного человека вполне достаточно, а вся информация быстро и надежно может быть обработана, что называется, «в центре».

С экономической точки зрения такое строение информационной инфраструктуры по аналогии с электроэнергетикой или традиционной телефонной связью могло быть весьма выгодным в силу использования принципа экономии на масштабе. Но в социальном и даже в социально-политическом плане такая конфигурация потоков информации оказывалась опасной и поэтому неприемлемой. Любая иерархия уязвима. Стоит уничтожить ее центр, и вся система рухнет. Это происходит в случае гибели руководящего состава армии, разрушения электростанции, когда обесточенными оказываются тысячи домов, «запитанных» от нее, выхода из строя телефонного коммутатора и др.

Чтобы не допустить такой ситуации, искусственно созданная сетевая среда – Интернет – была изначально задумана американскими учеными как некоторая неуязвимая информационная оболочка, способная выдержать ядерный удар или любой другой катаклизм, затронувший значительную часть всей системы. Непосредственным толчком к созданию Глобальной компьютерной сети стали запуск в СССР в 1957 г. первого спутника Земли, успехи нашей страны в области создания ракетной техники, способной поразить стратегического противника. В условиях «холодной войны» Министерство обороны Соединенных Штатов поставило перед американской наукой задачу создать структуру связи, которая могла бы работать после ядерного удара, когда большинство коммуникаций будет разрушено. Основные идеи были ясны: нужно создать систему связи, не имеющую одного главного центра, т. е. построить неиерархическую систему потоков информации. Сеть должна была перекидывать их по разным маршрутам, и только на последнем узле – приемнике – пакеты собирались в корректное сообщение. Тогда начала создаваться первая глобальная компьютерная сеть – ARPANET.

Интернет не ориентируется на центр, в нем нет иерархии, он не предполагает синергии от четкой координации общих усилий. Вместе с тем уничтожение нескольких серверов и части самой сети не наносит Интернету фатального удара. Создание Интернета показывает, как в технологию сознательно может быть заложена система правил, в данном случае – сетевой принцип. Эти правила не только решают конкретную задачу, для которой были созданы, но и меняют поведение и мышление людей на глубинном уровне. При этом распространение этих правил посредством технологии занимает десятилетия. В постиндустриальном обществе постепенная трансформация сознания человека приводит к расширению доли сетевых отношений и, соот-

ветственно, сокращению зоны использования иерархических принципов. Изменение приоритетов в развитии глобального мира во многом связано с современным гносеологическим скептицизмом, нарастанием объемов информации и допущением спонтанного развития социальных процессов как залога поступательного развития общества. В этих условиях более адекватным оказывается сеть. Именно поэтому жизнь людей, их мировоззрение, управление социальными процессами все в большей степени (но на самом деле совсем не до конца) подчиняются правилам, противоположным тем, которые тысячелетиями оттачивались в рамках доминирования принципа иерархии в общественном развитии.

В рамках исключительно сетевой парадигмы Интернет и все информационные технологии развивались в течение нескольких десятилетий. Повышение качества программных продуктов обеспечивало рост эффективности процесса переработки информации, использования информационных сетей и надежности их функционирования. В итоге компьютеры стали обязательным элементом инфраструктуры общественной деятельности – обеспечивали выполнение всех необходимых для нее расчетов и осуществляли ряд необходимых для эффективного управления учетных и контрольных функций. В целом во второй половине 1990-х гг. осуществилась широкая компьютеризация всех видов деятельности в обществе.

В эти годы активно развивался процесс широкой диффузии компьютеров и информационных сетей в сферу социального управления. В результате в наши дни в развитых странах практически все организации не только обладают собственными локальными информационными сетями, но и активно взаимодействуют с внешним миром через Интернет. Параллельно компьютер получал все более широкое распространение в качестве средства автоматизации управления оборудованием. Сегодня автоматизированное на базе процессоров управление является стандартным элементом множества самых разнообразных машин, приборов, агрегатов – от производственных до бытовых.

Одной из ключевых особенностей процесса развития компьютерных технологий является изменение характера самих технологий. Первоначально они являлись проприетарными технологиями – собственным ноу-хау компаний, играющим роль стратегического ресурса, обеспечивающего конкурентное преимущество. На этом этапе внедрение компьютерных технологий было довольно дорогостоящим, доступным лишь незначительному количеству пользователей. Этим во многом была обусловлена уникальность данных технологий.

Во второй половине 1980-х гг. поставщики компьютерных технологий смогли наладить производство стандартных продуктов (обору-

дования и программного обеспечения), не требующих для своего использования создания специального ноу-хау. Это привело к массовому внедрению компьютерных технологий. В итоге они перестали быть стратегическим ресурсом и превратились в элемент инфраструктуры общества. Поэтому главной особенностью компьютерных технологий становится зависимость их эффективности от уровня стандартизации и массовости распространения. Чем выше уровень унификации и универсальности используемого компьютерного оборудования и чем шире распространены компьютерные технологии, тем эффект от их применения выше. Основным итогом этого процесса является превращение изначально проприетарных технологий в стандартный инфраструктурный ресурс.

В начале XXI в. компьютерное оборудование и программное обеспечение окончательно превращаются в рядовой товар, доступный самому широкому кругу потребителей. За 15 лет (с начала 1980-х – до середины 1990-х гг.) удельная цена единицы памяти жесткого диска снизилась более чем в 2000 раз, а технические возможности компьютерных систем значительно увеличились. Наряду с этим произошло не имеющее аналогов в истории снижение цен на компьютеры: в течение жизни одного поколения в 1970–1990-е гг. цена понизилась более чем в 10 000 раз, или в среднем ежегодно на 30–40%⁷. Безусловно, все это способствовало массовому распространению компьютеров.

Признавая, что информационным технологиям принадлежит ключевая роль в процессе перехода общества на постиндустриальный уровень развития, следует учитывать, что они, обладая мощным модернизационным, технологическим и социальным потенциалом, не создают автоматически общественного прогресса и процветания. В частности, компьютерные технологии сами по себе не обеспечивают повышения эффективности деятельности. Они только создают возможности, а эффект достигается умением этими возможностями воспользоваться. Совершенно очевидно, что компьютерные технологии не являются «волшебной палочкой», а rigid обеспечивающей эффективность управления и повышающей конкурентоспособность бизнеса. Они скорее выступают механизмом, создающим условия и предпосылки, но не панацеей и гарантом успеха.

Как справедливо отметил Н. Карр, «некоторым из компаний компьютерные технологии принесли колоссальную прибыль и даже сделали их лидерами в отрасли, но для большинства предприятий они стали скорее источником разочарования и неприятностей, чем успеха»⁸. Эта особенность объясняется тем, что компьютерные технологии не являются конкурентным преимуществом, что подтверждается рядом специальных исследований.

В то же время на протяжении двух последних десятилетий многие аналитики, консультанты и топ-менеджеры IT-компаний планомерно внедряли в сознание экономической элиты представления о необходимости постоянного увеличения расходов на информационные технологии, ссылаясь на показатели повышающегося тренда акций высокотехнологических компаний.

Как представляется, противоречивость результатов внедрения сетевых компьютерных технологий отражает неравнозначность степени их эффективности в различных сферах. Очевидно, что эффект от их внедрения зависит от целого комплекса факторов, специфика и разнообразие которых не позволяют достичь повсеместно одинаково успешных результатов. Более того, относительно внедрения компьютерных технологий точно определить всю систему взаимодействия различных факторов и причинно-следственных зависимостей пока не представляется возможным. По замечанию Н. Карра, «мы до сих пор не можем точно объяснить, почему на протяжении сорока лет компьютеризация почти не влияла на эффективность производства, а затем, в середине 1990-х годов, внезапно стала считаться ключевым фактором быстрого роста эффективности американской экономики. Точно так же мы не можем с уверенностью объяснить, почему этот рост распределялся столь неравномерно и почему он имел место в одних отраслях и регионах, в которых в информационные технологии вкладывались огромные средства, и отсутствовал в других, несмотря на столь же значительные затраты на компьютерную технику и программное обеспечение»⁹.

Таким образом, в условиях широкого распространения сетевых компьютерных технологий отчетливо проявилась неравномерность результатов их внедрения и использования их потенциала. Возможно, это в определенной мере объясняется спецификой самих компьютерных технологий, их постоянным совершенствованием и отсутствием универсальных и однолинейных механизмов их воздействия.

Ученые и предприниматели стали искать возможности повышения эффективности использования информационных технологий. Этот поиск, как ни странно, вернул их к возможности внедрения в информационную среду в определенной мере принципа иерархии, или централизации. Так в 2010-х гг. возникли «облачные технологии». К их созданию привело несколько причин. Самой очевидной является невозможность вложить все функции «нормального» персонального компьютера (прежде всего огромную память) в миниатюрные современные «гаджеты» – смартфоны, планшеты и др. А желание сделать компьютерную технику портативной, компактной и удобной стало важнейшим императивом сегодняшнего дня. Именно удобство этой техники позволяет «привязать» к ней пользователя,

что называется, на весь день и обеспечить тем самым огромные прибыли от постоянного использования им информационных ресурсов. В результате часть традиционного содержания полноценного компьютера – базы данных, а также некоторые программы – были перенесены в «облако», т. е. в центр, что позволило сделать легкие и удобные в обращении устройства.

Следует отметить, что идея миниатюризации не впервые вызвала столь серьезные инновации. Когда в 1970-е гг. в компании Sony задумали сделать магнитофон, помещающийся в карман мужской рубашки, произошла примерно такая же ситуация. Инженеры никак не могли справиться с этой задачей, в особенности не помещался в компактное устройство блок записи. Тогда один из основателей Sony, Масару Ибука, предложил сделать магнитофон без записи, что казалось совершенно нелогичным. Но в итоге идея была принята, что не только позволило выпустить один из самых удачных в коммерческом отношении товар компании – walkman, но и вызвало необходимость создать целую индустрию студийной записи аудиокассет.

Другой не менее важной причиной появления «облачных технологий» было желание обрести синергетический эффект от использования единых программ и стандартов. Попадая в «облако», где уже существуют соответствующие ресурсы, пользователь неизбежно будет применять именно их, а не выбирать из множества предложений, что опять-таки посредством его повышенной лояльности увеличивает прибыли создателей «облака». Это важно в том числе и для обеспечения безопасности. Так, iPhone-ы и iPad-ы, работающие с «облаком» компании Apple, исключительно редко подвергаются вирусным атакам.

Безусловно, использование «облаков» вновь поднимает вопрос об уязвимости информационной инфраструктуры. Но в условиях малой вероятности ядерной войны и поистине массового использования информационных технологий проблема уязвимости в какой-то мере отходит на второй план. Понятно, что спецслужбы и оборонные ведомства стран никогда не будут активно использовать «облачные технологии», а простые граждане и бизнесы, не связанные с обеспечением национальной безопасности, могут извлечь от частичной централизации компьютерной сети множественные дополнительные выгоды.

«Облачные технологии» могут быть реализованы в разных формах.

Одним из примеров являются так называемые «облачные хранилища»: ряд компаний (Google, Yandex, Apple) предоставляют своим пользователям возможность хранить свои файлы на удаленных серверах. Такие услуги могут оказываться как бесплатно, так и на платной основе. Зачастую компании предлагают пользователям оплачивать такие услуги в зависимости от ис-

пользуемого объема хранилища, что позволяет легко измерять итоговую прибыль от предоставления данной услуги.

Другой пример – «электронные ассистенты» и, в частности, голосовой ассистент Apple, Siri. Пользователь произносит какую-либо фразу с запросом, которая записывается на телефон, а затем отправляется на удаленный сервер. Там она обрабатывается с помощью технологий распознавания голоса, а затем формируется ответ на запрос, который отправляется обратно на устройство пользователя. Без использования этих серверов было бы невозможно быстро обрабатывать речь пользователя, используя лишь ресурсы его телефона.

Более сложные «облачные технологии» разрабатываются для нужд бизнеса. В этом часто принимают участие государственные и международные организации. В качестве примера можно привести проект ManuCloud, основанный в Евросоюзе в рамках European Commission's Seventh Framework Program for Research. Этот проект направлен на создание интегрированных производственных сетей, соединяющих множество предприятий, работающих в ряде специфических отраслей энергетики¹⁰.

Облачные вычисления стали одной из главных систем обеспечения в производственной индустрии. Они позволяют менять традиционную бизнес-модель и создавать «умные» производственные сети, которые способствуют эффективному сотрудничеству¹¹.

Термин «облачные технологии» появился только в 2007 г. Термин «облака» используется в качестве метафоры для обозначения определенных элементов информационных технологий, находящихся в Интернете, и относится как к программному обеспечению, так и к техническим составляющим, используемым для доставки услуг через Интернет¹².

Национальный институт стандартов и технологий (NIST) определяет «облачные вычисления» как «модель, предоставляющую возможность широкодоступного, удобного и осуществляемого по запросу доступа к общему массиву конфигурируемых вычислительных ресурсов (например, сети, сервера, накопители, приложения и услуги), которые могут быть быстро предоставлены и выпущены с минимальными менеджерскими усилиями»¹³.

В любом случае «облачные технологии» служат для того, чтобы обеспечить возможность пользователям применять компьютерные ресурсы по мере необходимости и производить оплаты аналогично тому, как они оплачивают потребление воды или электричества.

В «облачных технологиях» все является услугой, предоставляемой на уровне пользовательского интерфейса: программное обеспечение (SaaS – Software as a Service), платформа (PaaS – Platform as a Service) и инфраструкту-

ра (IaaS – Infrastructure as a Service). Эти виды услуг образуют многоуровневую системную структуру «облачных вычислений». На уровне инфраструктуры процессы обработки и хранения информации и другие компьютерные ресурсы определяются как стандартизированные услуги, предоставляемые в Сети. Клиенты «облачных» провайдеров могут развертывать и запускать операционные системы и программное обеспечение для своих инфраструктур. Средний уровень, т. е. платформа, предоставляет услуги для развития, тестирования и сохранения приложений. Уровень программного обеспечения предоставляет полный набор приложений. Верхний уровень пользовательского интерфейса обеспечивает целостное взаимодействие со всеми низлежащими уровнями.

Существует четыре основные модели предоставления «облачных технологий»:

- *общественное облако* (public cloud) реализует концепцию обмена услугами и инфраструктурой, предоставляемыми сторонним поставщиком;

- *личное облако* (private cloud) позволяет пользоваться услугами и инфраструктурой, предоставляемыми организацией в изолированной от внешних пользователей обстановке. Как правило, наиболее важные для фирмы процессы происходят именно в личном облаке;

- *совместное облако* (community cloud) совместно используется несколькими фирмами и поддерживается специальным сообществом;

- *гибридное облако* (hybrid cloud) состоит из нескольких внутренних или внешних облаков¹⁴.

За последние годы лидером в сфере облачных вычислений стал Google. Однако такие компании, как Yahoo, Amazon, eBay и Microsoft, также создали пользовательские услуги, заключающиеся в интернет-поиске, социальных сетях, электронной почте и т. д., которые используют «облачные вычисления». IBM и ряд других компаний создали интернет-услуги для предсказания колебаний рынка и оптимизации производства. За всеми этими сервисами стоят центры данных, которые используют тысячи процессоров, огромные запасы информации и специализированное программное обеспечение¹⁵.

Важнейшим современным этапом развития «облачных технологий» стало возникновение так называемого «облачного производства», т. е. создания бизнеса с помощью «облака» и дальнейшего управления им. При этом на выходе создаются реальные товары и услуги с помощью предприятий, включенных в «облачное производство».

Понятие «облачное производство», впервые ввел Б. Ли в 2010 г. для обозначения современной системы производства, основанной на существующих сетевых производственных технологиях. «Облачное производство» – это новая сетевая модель производства, обеспечивающая

пользователей настроенными на их потребности производственными услугами с помощью организации онлайн производственных ресурсов (называемых «ресурсным облаком») при использовании Интернета и платформы услуги «облачного производства»¹⁶.

«Облачное производство» – это новая производственная парадигма, сочетающая технологии (такие как Интернет, «облачные вычисления», семантическую сеть, виртуализацию и сервис ориентированные технологии) с передовыми производственными моделями, информационными и коммуникационными технологиями. Эта парадигма нацелена на то, чтобы возможности и ресурсы производства интегрировались и оптимизировались в глобальном плане¹⁷.

«Облачное производство» нацелено на полный обмен и циркуляцию различных производственных ресурсов, на высокий процент их эффективного использования и легкую доступность, предоставляя надежный, качественный и дешевый способ использования производственных мощностей на всем производственном цикле. Базовые характеристики «облачного производства» систематизированы в таблице.

Можно констатировать, что «облачное производство» использует «облачные технологии» в производственной индустрии и позволяет предприятиям (в особенности молодым) повышать эффективность своего производства благодаря использованию сторонних производственных мощностей.

Если говорить о теоретическом осмыслении феномена «облачного производства», то оно может быть продемонстрировано совсем недавно появившимися моделями. В связи с тем что история развития «облачного производства» исчисляется несколькими годами, проблема моделирования этого феномена еще только начинает изучаться. В качестве примеров мы выбрали модель «облачного производства», разработанную Ф. Тао, и так называемую «парадигму подвижного производства», предложенную Ф. Масиа-Перез. Можно констатировать, что эти две модели взаимодополняют друг друга. Если первая акцентирует внимание на субъектах, задействованных в «облачном производстве», то вторая ориентирована на систематизацию его структурных уровней и системообразующих процессов.

Согласно разработанной Ф. Тао модели «облачного производства» (Cloud manufacturing model), в нем присутствуют три категории пользователей:

- *провайдер* (человек, организация, предприятие), который имеет и поставляет производственные ресурсы и возможности, задействованные в целостном жизненном цикле производства;

- *оператор*, который управляет платформой «облачного пространства» с целью предоставления услуг и функций провайдерам, потребителям и третьим сторонам. Операторы имеют дело

Основные характеристики «облачного производства»

Характеристики «облачного производства»	Интерпретация характеристик «облачного производства»
Ориентировано на клиента (customer-centric)	Поскольку «облачные ресурсы» используются клиентами по-разному в зависимости от их потребностей, решения также будут уникальными. Это достигается благодаря созданию гибких производственных последовательностей, обеспечиваемых совмещением ресурсов из различных источников
Динамичный и гибкий характер предоставления ресурсов (dynamic, flexible nature of resource provisioning)	Предполагается, что производственные линии «облачного производства» должны носить временный характер и быть нацелены на получение небольших объемов, не исключая при этом возможности более длительных производственных циклов
Распределенная нагрузка и распределенная выгода (shared burden, shared benefit)	Система «облачного производства» требует обмена знаниями и совместных действий многих поставщиков ресурсов, что приводит к разделенной между ними прибыли в зависимости от их вклада и пересмотру традиционных взглядов на интеллектуальную собственность
Возможность самообслуживания по требованию (on-demand self-service)	Любой клиент или участник «облака» может по необходимости предоставлять и использовать различные ресурсы или производственные мощности
Повсеместный сетевой доступ (ubiquitous network access)	Обеспечение возможности разработчикам взаимодействовать с потребителями, равно как и потребителям – делиться некоторыми мыслями с разработчиками. Это обеспечено повсеместной доступностью «облака» через различные средства подключения (компьютеры, смартфоны и т. д.)
Имеет свойство «Википедии» (Wikipedia style)	В платформу «облачного производства» могут включиться любой человек, организация или предприятие, предоставляя свои производственные ресурсы, способности и знания, обеспечивая инновационный характер модели
Низкие пороги включения новой фирмы в производство и аутсорсинг (lower threshold and outsourcing)	При «облачном производстве» у фирмы нет необходимости приобретать все физические ресурсы производства (оборудование, IT инфраструктуры, персонал). Она может взять их в аренду, таким образом понизив свои затраты. Соответственно, фирме легче начать производство и выйти на рынок
Имеет интегрированную социально-техническую сетевую платформу (An integrated technical and social networking Platform)	«Облачное пространство» обеспечивает эффективное сотрудничество между людьми в рамках многофункционального, междисциплинарного и географически распределенного рабочего пространства
Обладает скрытой сложностью используемых технологий	Поскольку конечный пользователь зачастую не видит всей сложности «облачных технологий», существует возможность их доработки без повышения осведомленности пользователя ¹⁸

с организацией, продажей, лицензированием и консультированием по поводу услуг «облачного производства»;

– *потребитель*, который является подписчиком на услуги «облачного производства», доступные на платформе «облачного производства». Он покупает услугу у оператора на основе операционных расходов в соответствии со своими потребностями¹⁹.

Основная идея модели «подвижного производства» (agile manufacturing) заключается в возможности предлагать гибкие системы производства промышленной продукции в качестве специфической услуги. При этом пользователи будут иметь доступ к любым этапам производства и функциональным областям деятельности – разработке технологического процесса, производству, менеджменту, бизнес-интеграции и т. д., не владея знаниями или, по крайней мере, не будучи экспертами в управлении ресурсами²⁰.

Данная парадигма основывается на вышеупомянутой многоуровневой системной струк-

туре «облачных технологий», к которой добавляются еще два уровня. Один из них – это уровень, ответственный за менеджмент производственных процессов (PaaS – Production as a Service). Система должна организовывать все производственные ресурсы, необходимые для развертывания производственного процесса. Другой уровень касается промышленного оборудования (IMaaS – Industrial Machinery as a Service). Основной технологией, применяемой для дизайна этого уровня, является виртуализация: простая и сложная машинная виртуализация, виртуализация заводов и их отделов. Кроме этого, данный уровень должен поддерживать использование производственных ресурсов.

В качестве основных преимуществ парадигмы «подвижного производства» отмечаются большие возможности выбора и подвижность в управлении изменениями, обеспечение возможности аутсорсинга и интегрированных цепочек поставки. Каждая организация, включенная в разработку продукта, может сфокусироваться на

тех моментах, на которых она специализируется. Парадигма обеспечивает также быструю интеграцию приложений и процессов как внутри организации, так и между теми организациями, которые выражают желание сотрудничать.

В качестве основных проблем применительно к данной парадигме отмечают безопасность, потерю контроля (за инфраструктурой, службами и менеджментом), зависимость от производителя, трудность перехода на другие платформы или «облака» и уровень надежности.

«Облачное производство» активно набирает обороты. В определенной мере оно сумело синтезировать в себе преимущества централизации и децентрализации подобно тому, как франчайзинг в рамках форм организации бизнеса соединил в себе позитивные аспекты крупного и малого бизнеса. Даже далекий от коммерческого использования виртуальной реальности человек, который пользуется «облачными технологиями» исключительно для своих потребностей, смог уже оценить их удобство, даже по затратам на ремонт компьютерной техники. Еще недавно специалисты по «компьютерной помощи» имели многие тысячи заказов от непрофессионалов. Они касались постановки программ на отдельные компьютеры, отладки приложений, исправления ошибок и лечения вирусов. Сегодня многие из этих проблем оказываются сняты использованием «облачных» программ и хранилищ.

Согласно прогнозам, к 2020 г. рынок «облачных вычислений» вырастет с 150 до 241 млрд долл.²¹

По данным портала Netmetix, важность «облачного производства» можно продемонстрировать через следующие показатели²²:

– «облачные технологии» снижают затраты на труд в сфере ИТ на 50%;

– «облачные технологии» снижают затраты малых предприятий на электричество до 90%;

– 58% предприятий утверждают, что «облачные технологии» позволили им лучше контролировать свои данные;

– «облачные технологии» используются 63% предприятий в финансовой сфере, 62% – в производственной сфере, 59% – в здравоохранении и 51% – в транспортной сфере;

– 72% компаний, которые используют «облачные технологии», улучшили представление о себе конечных пользователей.

Насколько долговременным будет успех «облачных технологий» и «облачного производства», покажет будущее. Но уже сейчас становится очевидным, что они сумели эффективно дополнить сетевую парадигму развития информационной инфраструктуры общества элементами централизации и иерархичности. В этом плане они повлияли не только на конкретные структуры взаимодействия людей и компьютеров, они создали базу для последующих инно-

ваций с помощью разделения сфер ответственности центра и периферии. Фактически они вернули ситуацию в сфере информационных технологий к решению вечной для других сфер жизнедеятельности общества проблеме – поиску оптимального соотношения централизации и децентрализации.

Примечания

- ¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Новая технократическая волна на Западе : сокращ. пер. с англ. / под ред. П. С. Гуревича. М., 1988. С. 330.
- ² Angell I. Winners and Losers in the Information age // LST Magazine. 1995. № 7 (1). P. 10–12.
- ³ Kelly K. New Rules for the New Economy. Ten Radical Strategies for Connected World. N. Y., 1998. P. 2.
- ⁴ Ibid. P. 5.
- ⁵ Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. М., 1999. С. 367.
- ⁶ Malgan G. J. Communication and Control : Networks and New Economies of Communication. Oxford, 1991. P. 19.
- ⁷ См.: Мельянецов В. Информационная революция – феномен «новой экономики» // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2. С. 5.
- ⁸ Карп Н. Блеск и нищета информационных технологий : Почему ИТ не являются конкурентным преимуществом. М., 2005. С. 8.
- ⁹ Там же. С. 9.
- ¹⁰ См.: Wu D., Greer M. J., Rosen D. W., Schaefer D. Cloud manufacturing : drivers, current status, and future trends // Proceedings of the ASME international manufacturing science and engineering conference (MSEC13). 2013. Paper Number : MSEC2013-1106. Madison, Wisconsin, US.
- ¹¹ См.: Xu X. From cloud computing to cloud manufacturing // Robotics and Computer-Integrated Manufacturing, 2012. 28 (1). P. 75–86.
- ¹² См.: Wu D., Thames J. L., Rosen D. W., Schaefer D. Towards a cloud-based design and manufacturing paradigm : looking backward, looking forward // ASME 2012 International Design Engineering Technical Conferences and Computers and Information in Engineering Conference. Computers in Education Journal 11//2012 ; 3 (October-December 2012) : 1–16. P. 315–328.
- ¹³ Xu X. Op. cit. P. 78.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ См.: Lohr S. Google and IBM join in «cloud computing» research // New York Times. 2007. October 8.
- ¹⁶ См.: Li B. H., Zhang L., Wang S. L., Tao F., Cao J. W., Jiang X. D. Cloud manufacturing : a new service-oriented networked manufacturing model // Computer Integrated Manufacturing Systems. 2010. № 16 (1). P. 1–7.
- ¹⁷ См.: Wang X. V., Xu X. W. An interoperable solution for Cloud manufacturing // Robotics and Computer-Integrated Manufacturing. 2013. № 29 (4). P. 232–247.
- ¹⁸ К примеру, для пользования сервисом Xerox, предоставляющем возможность удаленной печати, при которой

задействовано множество высокотехнологичных процессов, не нужно знать, как именно он работает, нужно лишь отправить запрос и дождаться печати.

¹⁹ См.: Tao F., Zhang L., Venkatesh V. C., Luo Y., Cheng Y. Cloud manufacturing : a computing and service-oriented manufacturing model // Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers, Part B: Journal of Engineering Manufacture, 2011/8/22. D01: 10.1177/0954054111405575.

²⁰ См.: Maciá Pérez F., Berná Martínez J. V., Marcos

Jorquera D., Lorenzo Fonseca I., Ferrándiz Colmeiro A. Cloud agile manufacturing // IOSR Journal of Engineering. 2012. Vol. 2, № 5. P. 1045–1048.

²¹ См.: 5 Cloud Computing Statistics You May Find Surprising. URL: <http://cctoffice.com/2011/11/5-cloud-computing-statistics-you-may-find-surprising> (дата обращения: 25.04.2015).

²² См.: Top 10 Cloud Computing Statistics. URL: <http://netmetix.wordpress.com/2011/11/09/top-10-cl> (дата обращения: 25.04.2015).

УДК 316.356.2

НЕРАВНЫЙ БРАК: СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОМБИНАЦИИ ВОЗРАСТОВ

С. В. Климова¹, М. Э. Елютина²

¹ Саратовский социально-экономический институт Российского государственного экономического университета им. Г. В. Плеханова

E-mail: klimovasv@yandex.ru

² Саратовский государственный университет

E-mail: elutina133@mail.ru

В статье на материале социально-демографических исследований второй половины XIX в. и авторских социологических исследований на рубеже XXI в. осуществляется сравнительный анализ структурных особенностей, функций и социального восприятия неравных по возрасту супружеских союзов, предлагаются концептуальные положения о социальной роли неравных браков.

Ключевые слова: функции брака, религиозные предписания, инновации брачного поведения.

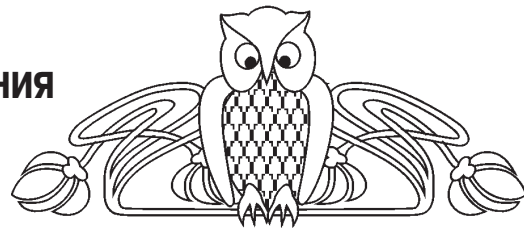
Mismatch: Social Bases of the Combination of Age

S. V. Klimova, M. E. Elutina

In article on material of social and demographic researches of the second half of the XIX century and author's sociological researches at a boundary of XXI the comparative analysis of structural features, functions and social perception of the matrimonial unions, unequal on age, is carried out, conceptual regulations on a social role of mismatches are offered.

Key words: marriage functions, religious instructions, innovations of marriage behavior.

В научном дискурсе эксплицируются определенные тенденции развития семейно-брачных отношений: увеличивается число одиноких мужчин и женщин, растет количество разводов, снижается уровень рождаемости, становится больше неполных семей, нарастает количество повторных браков, интенсифицируются сексуальные отношения вне института брака. Исследователи сходятся во мнении, что институт брака трансформируется в сторону акцентирования личностного своеобразия каждого из членов этого союза, отстаивают идею модернизации института семьи¹.

Изменения касаются и социально-демографических характеристик брачного поведения. Под неравным по возрасту браком понимается определенный тип гетерогамного брачного союза, общим дифференцирующим признаком которого является возраст партнеров, принадлежность супругов к разным возрастным группам. Причем определение брачного союза как неравного по возрастному критерию актуально в том случае, когда брачный союз характеризуется возрастной дистанцией, превышающей социально одобряемые пределы. Неравный по возрасту брак не является инновативным феноменом. Однако в настоящее время социологами отмечается их значительное увеличение в ряде стран на фоне устойчивой тенденции к сохранению количества данных браков во всем мире. В связи с этим актуализируется исследование роли возрастной дистанции между брачными партнерами, а также отношений к разновозрастным бракам. Изучение асимметричных форм брачных союзов представляет интерес на фоне существующей в современной России половозрастной диспропорции среди населения и более чем десятилетней разницы в продолжительности жизни женщин и мужчин.

Для того чтобы понять содержательное наполнение неравного по возрасту брака, а также факторы, обуславливающие развитие данной модели брака на современном этапе, остановимся на особенностях брачного поведения в ретроспективе.

Для воспитания нравов Российское государство использовало в качестве юридического инструмента возрастные ограничения вступления в брак, устанавливая с этой целью не только наименьший возраст, который постепенно повышался, но также и наибольший возраст, который, напротив, со временем понижался. Константин Неволин в сравнительном анализе семейного права Российского государства разных исторических периодов указывает и на то, что «известное отношение лет жениха и невесты»² было пре-

пытствием для заключения брака. Государством устанавливались также социальные нормы для возрастов брачующихся, чтобы супружество начиналось не раньше социального совершеннолетия и отражало жизненный потенциал каждого возрастного статуса. К примеру, во второй половине XIX в. браки до 20 лет относили к преждевременным, от 20 до 25 лет – к ранним, от 25 до 35 лет – к своевременным, от 35 до 50 лет – к несвоевременным и поздним бракам в возрасте старше 50 лет³. Однако рекомендации чиновников и ученых не действовали на брачное поведение широких масс. Статистика брачности в России и Европе на протяжении XIX и начала XX в. показывает, что именно преждевременные браки были самими распространенными: большинство невест в России и значительная часть женихов были младше 20 лет. Различия в составе брачующихся и их возрасте демографы объясняли особенностями этноса, обычаями и привычками, государственными законами. Указывая на лидерство России среди европейских стран по ранним бракам, а также на то, что следующее за ней место занимает Англия, что наибольшее число женихов старше сорока лет оказывается в Баварии, а наибольшее число невест старше сорока лет в Норвегии, Р. Мэйо-Смит писал: «Россия является примером земледельческого государства с общинными учреждениями, при которых брак легок и заключается в раннем возрасте. В Баварии сказывается действие старых законов о браке. В Норвегии молодым супругам, кажется, очень трудно устроиться. Относительно низший возраст вступления в брак в Англии объясняется, быть может, влиянием фабричной жизни, которая сводит мужчин и женщин и облегчает брак в силу того, что женщина участвует в добывании средств на домашние расходы»⁴.

При сохранении общей закономерности того, что невесты моложе женихов, большая часть населения России традиционно раньше, чем в западных странах, вступает в брак⁵. В некоторых регионах досоветской России во второй половине XIX в. число преждевременных браков как со стороны невесты, так и со стороны жениха постепенно возрастало, что вытекало из закономерности прямой зависимости возраста невесты от возраста жениха. В прошлые века мужчины брали в жены женщин моложе себя по той общей причине, что средняя продолжительность жизни в доиндустриальном обществе, уровень медицины и высокая смертность требовали для репродукции юного возраста для матери. Влияли также конкретные черты демографической ситуации на отдельных территориях, например, преобладание среди населения женщин. «В Вятской губернии при численном превосходстве женского пола над мужским, женихам предоставляется полный простор в выборе молодых невест. Следовательно, чем ранее мужчина будет жениться, тем преждевременных браков женщин будет

больше»⁶. В тот же временной период – 70-е годы XIX в. – в Сибири большая часть мужчин среди поляков вступала в браки с большим перевесом в возрасте в свою пользу из-за преобладания среди польского населения Сибири мужчин. Это обстоятельство создавало трудности при выборе невесты своего этноса и заставляло мужчину откладывать создание семьи⁷.

Согласно уставу Евангелическо-лютеранской церкви, не только недостижение брачного возраста, но и чрезмерное неравенство в годах может служить уважительной причиной для отказа родителей в согласии на брак детей. Из-за соображений остановить упадок нравов в протестантской Германии государство препятствовало заключению браков между женщиной и мужчиной, если разница в возрасте между ними превышала пять лет. В 80-е гг. XIX в. в этой стране стали издаваться статистические расчеты о комбинации возрастов брачующихся. Таким образом, с развитием науки в странах с христианской культурой публичный контроль за брачностью стал подкрепляться демографическими исследованиями. В классической традиции демографии XIX – начала XX в. (работы Р. Мэйо-Смита, Г. Майра, А. И. Чупрова) формируется область исследований, которую ученые назвали «нравственной статистикой». Классики демографии уделяли специальное внимание статистическим исследованиям, предметом которых был уровень нравственности в поведении человека. Демографы прошлого века считали необходимым изучать типичность отношения к нормам морали в обществе, к индикаторам которого они относили показатели рождения внебрачных детей, разводов и преступлений, комбинации возрастов женихов и невест. С помощью статистических методов демографы исследовали крупные социальные тенденции, оказывающие влияние на уровень нравственности, степень распространенности среди населения нарушения моральных законов. Моральные критерии повлияли на выбор основных статистических показателей изучения брачности, а именно среднего возраста вступления в брак женщин и мужчин и их относительных возрастов.

Разница в возрасте женихов и невест вызывала особый интерес ученых. В демографии XIX в. словосочетание «неравный брак» получило научную прописку и собственные методики выявления среди всех заключаемых браков. Женихи и невесты группировались отдельно по нескольким возрастным периодам, затем определялись комбинации возрастов, исходя из соотношения числа женихов каждого возрастного периода и числа невест, взятых ими в замужество, также с учетом подразделений по отдельным возрастным периодам.

С помощью статистического инструментария была обнаружена тенденция к взаимному отталкиванию и притягиванию возрастных групп

при заключении браков в европейских странах. Группы женщин моложе двадцати пяти лет и группа мужчин старше сорока пяти лет и, в еще более сильной степени, женщин старше сорока пяти лет и мужчин моложе двадцати пяти лет взаимно отталкиваются друг от друга⁸. Национальные особенности также влияли на предрасположенность к неравным бракам. Например, в Англии в 70-е гг. XIX в. отталкивание между этими группами было в большей степени, чем в Италии. В целом статистические методы показывали, что абсолютное большинство браков в европейских странах заключалось в одной возрастной категории, а разница в среднем брачном возрасте мужа и жены в первых браках меньше, чем в повторных. Например, в сибирских городах в 70-е гг. XIX в. абсолютное большинство вторых и третьих браков были неравными: муж и жена принадлежали к разным поколениям. Но в общей статистике браков эти союзы имели малую долю – не выше 20%⁹. Разводы были практически запрещены, все повторные браки за редким исключением являлись браками овдовевших людей, чаще всего мужчин.

Г. Майр пишет еще об одной интересной тенденции, которую вывел Бодио из данных о возрастной комбинации брачующихся в западноевропейских странах и России в XIX в.: «Для каждой возрастной группы как женихов, так и невест, он вычислил средний возраст выбранных им супруг и супругов. Мужчины, вступающие в брак в самых молодых возрастах, оказываются в среднем выводе моложе своих жен, но в позднейших возрастах вступления в брак мужчины бывают уже старше своих жен и тем старше, чем позднее они вступают в брак. Напротив, если исследовать возрастную комбинацию брачующихся, исходя от возрастов невест, то самая большая разница в годах брачующихся оказывается при самых молодых возрастах невест, когда последние бывают значительно моложе своих женихов. Эта разница постепенно сглаживается, и невесты старых и самых старых возрастов бывают уже старше своих женихов»¹⁰.

Демографами также было обнаружено влияние занятий и социального положения на комбинацию возрастов в браке. Например, в европейских странах представители интеллигенции и служащих женились в более позднем возрасте из-за достижения экономического положения, в котором они в состоянии содержать семью. Р. Мэйо-Смит приводит данные, в соответствии с которыми в Пруссии самый младший возраст вступления в брак оказался среди рудокопов, наборщиков, фабричных рабочих и поденщиков; самый старший – среди артистов, литераторов, трактирщиков, духовенства и солдат; женщины высших классов выходили замуж в более позднем возрасте, чем женщины рабочих¹¹.

В России принадлежность к сословию имела аналогичное влияние на возраст вступления в

брак и на разницу возрастов жениха и невесты: браки между мужчиной и женщиной разных поколений среди сословий общества были распространены с различной частотой. Как правило, юный возраст невесты не был главной целью и ценностью для мужчины при заключении брака. В крестьянской среде и женщина, и женщина занимались тяжелым физическим трудом, что обостряло проблему воспроизводства здорового поколения. В силу жестких законов феодальной иерархии возможность повышать свои позиции в обществе для крестьян отсутствовала. Традиционно крестьяне создавали семью по достижении возраста венчания. В сословии чиновников, военных и купцов мужчины тратили годы на приобретение положения в обществе и экономического статуса для содержания семьи, поэтому они намного позже вступали в брак, по сравнению с мужчинами из крестьян, пролетариев и мещан. Отсюда большая разница в возрасте супругов в браках мужчин, находящихся на военной и государственной службе, а также предпринимателей, несмотря на то, что женщины соответствующих сословий, так же как и в западноевропейских странах, позже выходили замуж, как бы «подтягиваясь» под условия мужчин. Ю. М. Гончаров приводит следующие показатели разницы возрастов супругов, характерных для ряда городов Сибири в 70-е гг. XIX в.: «...для дворян и чиновников – 8,4–9,5 года, военных – 6,4–9,9 года и купцов – 4,3–8,6 года. В других сословиях разница в возрасте супругов была ниже: у мещан 3,9–7,5 лет, крестьян – 3,5–5,9, духовных – 3,3–4,2 года»¹². В купеческих семьях значительная разница в возрасте (свыше 10 лет) встречалась чаще всего: предприниматели могли позволить себе жениться после того, как было налажено собственное «дело». В повторных браках купцов она составляла в абсолютном большинстве случаев 15–20 лет в пользу мужчины¹³. Осуждение общественным мнением безбрачия приводило к высокому уровню брачности, и вдовцы не имели возможности взять повторно в жены ровесниц, так как в зрелом возрасте большинство женщин были замужем. Свободными на брачном рынке оставались юные девушки, к которым обращались зрелые мужчины.

Христианство предписывает и женщинам, и мужчинам обязательное вступление в брак, что служило ориентиром и в случае смерти супруга, однако вдовцам нужна была также хозяйка в доме и воспитательница осиротевших детей. Хозяйственные интересы семьи зачастую мотивировали заключение неравных браков в русских деревнях. Более того, при наличии выгоды для семьи родители не смотрели на то, что невеста могла быть намного старше жениха. Государственная мобилизация крестьян в армию, на строительство вдали от родного дома также создавали условия для асимметричных по возрасту браков. В деревнях оставалось большое ко-

личество незамужних женщин, брачный выбор которых резко ограничивался массовым изъятием мужчин, поэтому в качестве потенциальных рассматривались не только ровесники, но и свободные мужчины разных возрастов.

В целом в царской России разновозрастных браков в абсолютном количестве было очень мало. В начале XX в. чаще всего встречались неравные браки вдовцов с девицами, которые составляли 5–10% от повторных браков. Повторные браки, в свою очередь, составляли 10–15% от всех заключаемых браков в стране. Разница лет брачующихся мужчин и женщин в среднем составляла 4–5 лет¹⁴. По результатам исследования Ю. М. Гончарова относительно сибирского населения, в 70-е гг. XIX в. в среднем в первых браках разница в возрасте супругов составляла 3–4 года¹⁵.

Семейное каноническое право христиан и мусульман ограничивает заключение браков между кровными родственниками и свояками. У христиан запрещены браки до четвертого колена включительно между кровными родственниками и свояками как по вертикальной линии, так и по горизонтальной. У языческих народов, в том числе проживавших на территории Российской империи, напротив, в определенных ситуациях предписывались браки внутри семьи (левират) и нет возрастных установлений как нравственного критерия для заключения брака, отсюда неравные браки были обычным явлением в среде язычников. Экономические соображения двигали родителями при определении семейной жизни детей, среди которых преобладала необходимость обеспечить натуральное хозяйство работниками. Несмотря на то что в обществе язычников был принят определенный возраст для заключения брака (16–20 лет), например, среди некрещеного населения народов Сибири были случаи, когда невесты и женихи начинали жить в доме будущих супругов в малолетнем возрасте. Нередко невеста была старше своего жениха, если труд девушки нужен был в родительской семье и ее долго не выдали замуж, если в доме малолетнего жениха нужна была работница, если вдова брата, на которой вынужден был жениться мужчина по обычаю левирата, была старше его, если малолетнего мальчика родители невесты брали на воспитание в свою семью. Юную девушку бедные родители могли выдать замуж за немолодого мужчину, чтобы получить большой выкуп¹⁶.

Таким образом, в сословном обществе европейских стран комбинации возрастов супругов зависели от среднего возраста вступления в брак мужчины какого-либо сословия или профессиональной группы, а неравный брак существовал в большинстве случаев в виде повторного брака, который заключали как под влиянием религиозных установок, так и с прагматической целью. В целом неравные браки заключались в силу

вынужденных обстоятельств, в которых невозможно было соблюсти социальное правило равенства возрастов супругов. Поскольку для каждого сословия были свои возрастные критерии в брачной практике, разнопоколенные браки не попадали в оценочное поле дихотомии «нормы» и «девиации». В обществе было принято считать неравным брак, если мужчина был старше жены на 10 и более лет¹⁷, но к таким супружествам не было отношения как к отклонению в рамках дихотомии «типичности» и «нетипичности» как нетипичному виду брачного союза. Разновозрастные браки имели выраженную *инструментальную функцию* способа адаптации женщин и мужчин к конкретным социальным условиям развития семьи. Сословная дифференциация исключала общую возрастную комбинацию. Равный возраст жениха и невесты на крестьянской свадьбе и разнопоколенный брак чиновника были одинаково «нормальными» для сословного общества.

Изменилась ли социальная природа неравного брака в российском обществе после уничтожения кастовой иерархии? В современной российской статистике утрачена традиция изучения комбинаций возрастов женихов и невест: в учреждениях Росстата не найти соответствующих данных. Это следствие отделения церкви от государства и ослабления ориентации на нравственность в публичном контроле брачного поведения. Поддерживая традицию отечественной демографии досоветского периода, государственные органы статистики последний раз произвели расчеты комбинаций возрастов вступающих в брак граждан СССР по данным переписи населения 1926 г. Тем не менее, можно констатировать, что в настоящее время тема асимметричного по возрасту брака привлекает внимание ученых, начинает активно обсуждаться в междисциплинарном дискурсе, приобретает новизну в связи с новыми возможностями репродуктивных и медицинских технологий в контексте происходящего процесса размывания системы поведенческих норм в сфере брака, семьи, семейных функций и представлений о содержании семейных ролей. Обобщая результаты авторских эмпирических исследований неравного по возрасту брака можно сделать выводы, фиксирующие наличие разных тенденций в консервации или инновации брачных отношений.

В гендерном порядке в настоящее время сохраняются традиционные гендерные стереотипы, обосновывающие структурное социальное неравенство по принципу пола: женщина – товар, мужчина – покупатель. Мужчина – кормилец, хозяин, обеспечивает достаток, женщина платит за достаток своей молодостью. На фоне сохранения традиционных ориентиров для интерпретации брачных ролей развиваются изменения социальных оснований данной формы брака, которые обнаруживают себя в институциональных нормах

и санкциях, с помощью которых осуществляется легитимация определенной «нужной» формы брачного поведения, в латентном комплексе представлений человека о «нормальном браке», включающем неочевидные культурные знания о возрасте вступления в брак, о сюжетах брачного поведения, о возрастных характеристиках вступающих в брак.

Рельефно проявляются как ролевые, так и инструментальные особенности неравного по возрасту брака. Характерным паттерном асимметричного по возрасту брака выступает наличие ведомых и ведущих. Такое ролевое распределение проявляется либо в явной, либо в латентной формах. Наличие старшего супруга/и – есть некий перескок, нарушающий естественную динамику супружеских отношений в направлении достижения смыслового синтеза, приводящего к образованию нового смыслового поля взаимодействий. Как правило, старший(ая) партнер(ша) располагает ресурсами создания безопасного пространства внутри семьи для выражения и разрешения разногласий, гнева, конфликтов¹⁸. Межпоколенческое распределение ролей в браке дополняется чувственными аналогами. Эмоциональное наполнение эротических отношений женщин и мужчин неравных по возрасту союзов создает комфорт для партнеров, защищает их от страстей и сильных переживаний, с которыми связана любовь, поскольку в этих союзах присутствуют «заменители» чувства любви, вызванные разницей в возрасте. В чувственном плане женщины и мужчины в таком супружестве воспринимают себя как старших и младших родственников, соответственно, уступая, как и принято, «по старшенству», но и пользуясь правом младшего на снисхождение¹⁹.

Неравный по возрасту брак не утратил своей прагматической составляющей, когда он ценится не за его собственные, внутренние свойства, а за то, что с его помощью можно приобрести, к примеру – статус, связи, наследство. В основе такого брачного союза нередко лежит желание использовать его с целью «дотянуться» по релевантным признакам до определенного социально заданного стандарта или получить поддержку и покровительство. Интересно то, что в современном обществе к желаемым «приобретениям» с помощью неравного по возрасту союза присоединился профессиональный статус. В экономике наемного труда и женщины, и мужчины стремятся к конвертируемости человеческого капитала, достижению с помощью профессионального обучения высокого положения в социальной иерархии и экономического статуса. Если женщина не может с помощью своей профессии и занятости подняться «на социальном лифте» на желаемую позицию, она в качестве способа мобильности ориентирована на неравный брак²⁰.

В качестве структурной особенности социального восприятия данной формы брака

можно выделить то, что отношение к асимметричному по возрасту браку коррелирует как с количественным показателем дистанции, так и с гендерным статусом. Допустимость или недопустимость какой-либо разницы в возрасте между супругами является общественно сконструированным феноменом, который сильно подвержен дальнейшей трансформации. По данным наших исследований, для асимметричного брака с возрастным перевесом в сторону мужчины допустима разница в возрасте в 10 и более лет, что соответствует определению классического неравного по возрасту брака, если перевес в сторону женщины, эта разница сжимается до 5 и менее лет. Возрастная асимметрия супругов выступает определенным индикатором изменения моделей гендерного взаимодействия. В настоящее время, несмотря на то что отмечается вариативность возрастной дистанции между супругами как в сторону мужчины, так и в сторону женщины, общество продолжает оставаться более лояльным к союзам, когда мужчина значительно старше женщины, и категоричнее к обратным ситуациям.

Представители разных возрастных групп различно воспринимают асимметричный брак: чем старше возраст, тем менее значима возрастная дистанция между партнерами по асимметричному браку, и наоборот, чем младше возраст, тем в большей степени люди формируются по группам сверстников. Увеличение количества асимметричных по возрасту браков отмечается в старших возрастных группах, что объективно обусловлено демографическим составом населения.

Отметим, что «общее дело» (в области науки, искусства), пропитывающее всю семейную жизнь, «совпадение когнитивных ориентаций», «синхронизация мыслей и чувств», взаимное удовлетворение от обмена «деятелями» и «сантиментами», «выгодами и издержками» делают проблему возрастной дистанции между супругами невидимой²¹.

Социальные представления об асимметричном браке находятся в противоречии с реальным поведением людей. В общественном мнении и сегодня доминирует негативное отношение к неравным бракам, но их восприятие современными женщинами и мужчинами модернизировалось в силу того, что практики семейно-брачных отношений демонстрируют укрепление либеральных ценностей, в которых индивидуализм и возможность выбора различных моделей брака, в том числе и асимметричного, начинают играть одну из ключевых ролей. Когда в обществе семейное право обосновывалось каноническим правом, неравное по возрасту супружество было вынужденным способом социализации в браке. В обществе с демократическими принципами регулирования гендерных отношений, напротив, для неравных браков шире перспектива из-за его выраженной прагматической функции.

Канонические взгляды, законсервированные в общественном мнении, и сегодня часто входят в противоречие с вариативностью брачного и полового партнерств, предъявляя на макроуровне иные требования к содержанию семейных отношений. Однако на микроуровне анализа неравных по возрасту союзов можно констатировать, что женщин и мужчин в таком супружестве устраивает эмоциональное и ролевое наполнение партнерских отношений и дает возможность реализовывать свои жизненные цели.

Примечания

- ¹ См.: *Елютина М. Э., Климова С. В.* Благополучие семьи : парадигма комплексного институционального анализа // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 19–27.
- ² История Российских гражданских законов. Сочинение Константина Неволлина. Т. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб : В Типографии Императорской Академии Наук, 1851. С. 166. «В Синодском указе 1775 г. между незаконностями вступления в брак поименовано и то, что лица весьма различных лет соединяются между собой браком. В других Синодских указах слишком великая разница лет жениха и невесты также рассматривается как препятствие ко вступлению в брак» (Там же. С. 170).
- ³ См.: Движение народонаселения Вятской губернии за 1874 год. Сравнительно с предшествующим 20-летием. Вятка : Губернская типография, 1876. С. 13.
- ⁴ *Мэйо-Смит Р.* Статистика и социология. М. : Издание О. Скимунта, 1900. С. 115.
- ⁵ В последней четверти XIX в. средний возраст вступления в брак в Швеции для мужчин – 30,2 года, для женщин – 27,2 года, во Франции – соответственно 29,5 и 25,2 года, в Пруссии – 29,8 и 26,2 года, в Англии – 28,4 и 26,2 года. (См.: *Яковенко Е. И.* Медицинская статистика : Введение в социальную медицину. М. ; Л. : Госиздат, 1920. С. 40).

- ⁶ Движение народонаселения Вятской губернии за 1874 год... С. 16.
- ⁷ См.: *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : ИИ СО РАН-АГУ, 2002. С. 189.
- ⁸ См.: *Майр Г.* Закономерности в общественной жизни. М. : Типография Т-ва Д. Сытника, 1899. С. 567–568.
- ⁹ См.: *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. С. 183.
- ¹⁰ *Майр Г.* Указ. соч. С. 355.
- ¹¹ См.: *Мэйо-Смит Р.* Указ. соч. С. 116.
- ¹² *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. С. 190.
- ¹³ См.: *Гончаров Ю. М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М. : Изд-во ИЭиА РАН, 1998. С. 129.
- ¹⁴ См.: *Влайков Г. О.* Курс санитарной статистики. Киев : Изд-е Лукьяновского народного дома, 1913. С. 101.
- ¹⁵ См.: *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. С. 200.
- ¹⁶ См.: Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нгасаны Кеты / отв. ред. И. Н. Гемурев. М. : Наука, 2005. С. 149, 462, 603, 698. (Сер. «Народы и культура»).
- ¹⁷ См.: *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. С. 188.
- ¹⁸ См.: *Елютина М. Э., Быкова Н. О.* Модели асимметричного по возрасту брака // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. 2008. № 2 (39). С. 277–283.
- ¹⁹ См.: *Климова С. В.* Любовь как социальный феномен : Гетеросексуальные эротические отношения глазами социолога. Саратов : СГТУ, 2002. С. 97–120.
- ²⁰ См.: *Климова С. В.* Анализ отношений юных женщин с мужчинами среднего возраста // Социс. 2002. № 2. С. 142–145.
- ²¹ См.: *Елютина М. Э., Быкова Н. О.* Асимметричный по возрасту брак в оценках супругов // Социс. 2012. № 1. С. 83–93.

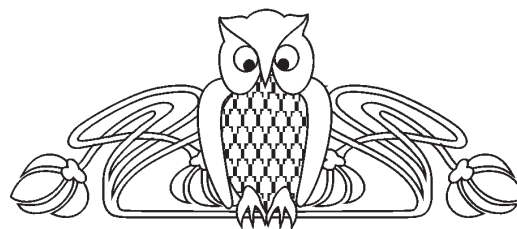
УДК 316.3

КАРЬЕРА СОЦИОЛОГА: ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА

Э. С. Восканян

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

В статье раскрывается актуальная на сегодняшний день тема трудоустройства выпускников социологических факультетов, выделяются и описываются характерные противоречия между ожиданиями выпускников и предложениями работодателей на рынке труда. Автор рассматривает основные сферы приложения труда молодых людей с социологическим образованием, анализирует зарубежный и отечественный опыт взаимодей-

ствия социологического образования и работодателей, в результате выявлены существующие проблемы и сформированы сценарии наиболее эффективного поведения выпускников-социологов на рынке труда.

Ключевые слова: образование, социолог, выпускники, трудоустройство, трудовая занятость, востребованность, профессиональные качества, рынок труда.

Career Sociology: the Problem of Employment

E. S. Voskanyan

The article considers the employment of sociological department graduates which is a most relevant issue today. It highlights and describes typical discrepancies between the graduates' expectations and job offers at the employment market. The author considers the most popular positions occupied by the sociologically educated young people and also studies national and foreign experience of interconnection between sociological education and employers. As a result current problems have been identified and ways to effectively employ sociologists have been found.

Key words: education, sociologist, graduates, job placement, employment, great demand, professional skills, employment market.

Современную ситуацию с трудоустройством молодежи с высшим образованием на рынке труда в России можно охарактеризовать как несбалансированную. Это проявляется, в первую очередь, в несоответствии структуры профессионального образования актуальным и перспективным потребностям рынка труда по квалификационному уровню и по профессиональной структуре. В результате значительная доля молодых специалистов после окончания высшего учебного заведения трудится не по полученной специальности, работает по временным договорам или продолжает некоторое время ищет работу, что говорит о том, что сформировавшаяся за последние годы система подготовки кадров с высшим образованием не полностью отвечает запросам рынка.

Достаточно остро изменения, происходящие на рынке труда, затронули и область профессионального социологического образования, где выпускники сталкиваются с проблемой трудоустройства. Ситуация, когда на рынке труда ежегодно появляются сотни новых соискателей с дипломом социолога, создает определенное напряжение.

Можно выделить некоторые основные критерии успешного трудоустройства выпускника вуза по определенной специальности:

- малый интервал между датой окончания вуза и трудоустройством;
- невысокая статистика временного трудоустройства;
- низкие показатели безработицы среди специалистов данной области;
- высокая доля трудоустройства по полученной специальности;
- налаженные связи между вузами и сферами профессиональной занятости выпускников¹.

Ясно, что нынешняя ситуация в сфере трудоустройства выпускников-социологов в нашей стране еще не отвечает этим критериям. Поэтому важно проанализировать существующие здесь проблемы.

Социологическое образование в России достаточно молодо, поначалу социологи в небольших количествах выходили из стен философских, исторических и экономических фа-

культетов². Более массовое профессиональное социологическое образование началось в нашей стране с открытия в 1989 г. социологических факультетов в МГУ им. М. В. Ломоносова и ЛГУ. С этого времени достаточно много сделано для развития профессиональной подготовки социологов. В настоящий момент более 150 вузов ведут обучение социологов, во многих из них социологические факультеты, отделения и кафедры готовят студентов на достаточно высоком уровне. Однако специалисты отмечают и недостатки в профессиональной подготовке многих выпускников. В основном это относится к низкому уровню мотивации к выполнению профессиональной деятельности, слабой практической подготовке выпускников, неумению проводить собственные исследования, недостаточной компетенции в методах работы с социальной и экономической статистикой, недостаточному владению иностранными языками³.

В России на подготовку и дальнейшую карьеру социологов-профессионалов влияют следующие факторы:

- потребности рынка труда в отношении специалистов с социологическим образованием;
- перевод университетского социологического образования на двухуровневую систему.

Рыночный контекст подготовки будущих социологов достаточно противоречив. С одной стороны, можно утверждать, что социологи недостаточно востребованы. По данным рекрутерских агентств, спрос на социологов в России находится на уровне 3,5 балла по 10-балльной шкале. Более трети российских социологов полагают, что трудоустроиться по данной специальности возможно, но с невысокой заработной платой⁴.

Ныне на российском рынке труда наиболее востребованными являются выпускники инженерно-технических, строительных, компьютерных, биомедицинских специальностей⁵. Существенно меньший спрос на юристов, экономистов, социологов и выпускников гуманитарных вузов. Но, с другой стороны, нельзя говорить и о совсем безнадежной ситуации для социологов на рынке труда. Выпускники-социологи обладают реальной возможностью трудоустроиться в следующих сферах:

- в высших учебных заведениях страны в качестве преподавателей или в качестве сотрудников соответствующих научных учреждений, аналитических центров и т. п.;
- в отделах маркетинга крупных производителей товаров и услуг;
- в подразделениях социологической службы предприятий и объединений, отраслевых министерств и ведомств, совместных предприятий и иностранных фирм;
- в органах массовых коммуникаций, в прессе и на телевидении, в рекламных и PR-агентствах;

– в государственных органах социального обеспечения, страховых компаниях как специалисты по созданию систем социальной информации;

– в штаб-квартирах политических партий в качестве специалистов по планированию и организации избирательных и политических кампаний;

– в государственных и коммерческих учреждениях в качестве специалистов по кадровому мониторингу, по организации связей с общественностью.

Наконец, для выпускников-бакалавров открыт путь в магистратуру широкого спектра гуманитарных и социально-экономических специальностей. Здесь можно отметить, что социолог, окончивший магистратуру, получает определенные преимущества перед бакалавром. Хотя работодателям пока еще не очень ясно, чем отличается магистр от бакалавра, практика показывает, что магистры получают более высокие должности и в среднем на 30% более высокий заработок, чем бакалавры⁶.

Можно предположить, что для успешной адаптации в названных сферах от выпускников требуются ориентация в различных областях социологического знания, сочетание теоретической подготовки и владения техникой эмпирических исследований, а также достаточно широкий кругозор в области экономических, социально-психологических, культурологических знаний. Но наши вузы пока не обеспечивают в полной мере такой подготовки. Например, отмечается не всегда удовлетворительный уровень подготовки выпускников университетов, которые приходят на исследовательскую работу⁷.

Нередко невысокая подготовка выпускников связана с неопределенностью их мотивации. Для многих российских студентов социологическое образование служит не механизмом профессиональной специализации, а «образованием вообще», т. е. способом аккумуляции неспецифического культурного капитала⁸. В результате студент оказывается пассивным потребителем социологического знания. По имеющимся оценкам, освоение знаний и профессиональных навыков и даже получение диплома выступает не основной, а сопутствующей целью почти для половины студентов. Молодые люди при этом довольствуются отсрочкой от призыва в армию, девушки ориентируются на поиски образованных партнеров для семейной жизни, многие считают приобретение круга друзей и вообще студенческую жизнь главным в годы учебы. Для большинства из другой половины студентов главная цель – получение престижного диплома и хорошо оплачиваемого места работы.

В результате многие выпускники выходят на рынок труда плохо мотивированными и надеются в основном на случай или же на помощь родителей или знакомых, а не на собственные силы.

Часто это оборачивается непониманием своей функции, выводами об отсутствии перспектив профессии социолога. В итоге начинающие специалисты-социологи покидают социологию, так и не отыскав себе в ней места. Между тем ситуация на рынке трудоустройства социологов достаточно жесткая и конкурентная. Это подтверждают, например, данные официального сайта Федеральной службы по труду и занятости. Согласно данным, не более двух десятков могли бы устроиться по специальности «Социология» в любом регионе России⁹.

Необходимо отметить, что за рабочие места выпускникам-социологам приходится конкурировать не только между собой. Это видно, например, если познакомиться с профилями подготовки в НИУ ВШЭ, Финансовом университете при Правительстве РФ, Новосибирском государственном университете, где социология выросла из экономики. В НИУ ВШЭ социологический факультет ведет подготовку студентов по специализациям: экономическая социология; прикладные методы социологических исследований; социальная теория и прикладное социальное знание. Неудивительно, что выпускники-социологи этих вузов видят себя в первую очередь в экономической сфере и конкурируют за рабочие места не столько с социологами, сколько с экономистами.

С другой стороны, гуманитарная широта образования историков, журналистов, культурологов позволяет им успешно замещать социологов. Эффект замещения возникает и при вхождении в сферу социологии, напротив, узких специалистов, готовящихся на отделениях маркетинга, кадрового менеджмента, рекламы, PR и др.

Хороша ли такая универсальность для выпускников и работодателей? В той мере, в которой они удовлетворяют рыночные запросы друг друга, – да. Но вряд ли они представляют весь рынок, с учетом низкого спроса на социологов в целом. Универсальностью применения полученных знаний отличаются лишь лучшие студенты. А остальные вынуждены работать не по специальности, не работать вовсе или переучиваться.

В результате понятие «работа по специальности» для социолога является очень размытым, речь скорее идет о наборе сфер занятости, где трудоустраиваются выпускники. Интересно то, что подобная ситуация характерна и для некоторых западных стран, например Франции, Германии и США.

Хотя Франция является родиной социологии, если вспомнить О. Конта и Э. Дюркгейма, до 1980-х гг. в ней не было налаженных каналов трудоустройства многочисленных выпускников социологических факультетов¹⁰. Путь в академическую карьеру был крайне сложным, практические приложения социологии оставались неразвиты. Лишь в последние десятилетия рынок вакансий для социологов заметно расширился за

счет бизнеса, социальных и административных служб. Вместе с тем перепроизводство дипломированных социологов налицо и в наши дни.

В Германии выпускники социологических факультетов задействованы в качестве академического персонала в университетах, в качестве менеджмента в Федеральном статистическом ведомстве или в частных институтах, где занимаются практическими социальными исследованиями, работают в области СМИ, а также в PR и рекламных агентствах, преподавателями в профессионально-технических училищах, в качестве лекторов в колледжах и на дипломатической службе¹¹. Ряд специалистов в Германии отмечают, что трудность студентов-социологов, с одной стороны, состоит в самоутверждении на рынке труда через приобретенные навыки в определенной сфере деятельности, а с другой стороны, профессия социолога не настроена на определенную должность и имеет более широкий спектр возможностей для карьерного роста. Также в стране накоплен определенный способ снижения издержек от перепроизводства социологов. Он состоит в том, что наряду с основной специальностью выпускник-социолог в университете может получить вторую, более востребованную специальность, например библиотекаря, социального работника, специалиста по информационным системам.

В США выпускники-социологи достаточно востребованы на рынке труда в силу изначальной ориентации американской социологии на реальные практические социальные проблемы и на эмпирические исследования. Степень бакалавра социологии открывает перед молодым человеком достаточно широкие перспективы. Социологи в США заняты в здравоохранении, бизнесе, социальном обеспечении и правительственных учреждениях¹². Бакалавр может продолжить обучение, чтобы в будущем стать преподавателем, исследователем или прикладным специалистом.

В представлении американцев социологом относится к области творческих профессий. Здесь она ближе к юридическим и медицинским профессиям, специалисты в которых могут иметь собственную практику, получать гонорар пропорционально квалификации и научному званию, иметь свободный распорядок дня. Социолог сам определяет, что и как ему делать, чтобы заработать приличные деньги.

В США социологического образования достаточно для того, чтобы в будущем стать известным журналистом, политическим деятелем, бизнесменом, специалистом в сфере маркетинга или PR. Многие абитуриенты потому и выбирают социологический факультет, что он дает некую универсальную базу для работы в широком спектре. При этом складывается парадоксальная ситуация: самые широкие возможности трудоустройства дают общие программы социологии (степень бакалавра – три года обучения на

социологическом факультете), менее широкие – степень магистра, степень же доктора оставляет узкую щель на рынке труда, куда не каждый может протиснуться. Но с каждой следующей ступенью возрастают гонорары, квалификация и общественное признание.

Рассмотрим теперь некоторые конкретные факты и проблемы трудоустройства социологов. В качестве показательного примера можно взять факультет социологии СПбГУ, на котором накоплен достаточно большой массив информации, касающийся жизненных стратегий выпускников, сфер их занятости, уровня благосостояния и т. д.¹³

Исследование, проведенное специалистами на факультете, позволило выделить ряд наиболее популярных сфер занятости как на начальном, так и на последнем месте работы. Так, наиболее популярными сферами занятости стали: маркетинг (24,5%), кадровая сфера (12,3%), административный персонал (12,7%), наука и образование (11,4%), сфера торговли (8,6%).

Интерес представляет и то, какую стратегию выбрали выпускники после окончания факультета, а также какими способами они получили первое место работы. Так, 40,3% выпускников нашли первое место работы через родителей и знакомых, 27,3% – через объявления в сети Интернет и 19% – непосредственно обратившись к работодателю.

В соответствии с полученными данными, 47% выпускников не продолжили обучение вообще, оставшаяся часть продолжила его либо сразу после получения диплома (40%), либо в последующие годы (13%). Из тех, кто продолжил обучение, 59% выбрали магистратуру или аспирантуру факультета социологии, остальные либо сменили специальность (11%), либо учились в магистратуре по социологии в иных вузах (12%), либо получали второе высшее образование или прошли курсы профессиональной переподготовки (27%).

Вместе с тем исследования последних лет¹⁴ показывают, что для работодателей в условиях усиления конкуренции все более важными становятся не столько наличие у потенциального работника диплома престижного вуза, сколько практический опыт работы, способность и желание повышать квалификацию, участвовать в программах дополнительного образования. Поэтому в ситуации фактического найма работодатели нередко предпочитают взять работника, совмещающего работу с учебой, студента, обучающегося в заочной форме. Эта тенденция находит встречную ориентацию и у студентов-социологов. Многие из них начинают трудовую деятельность уже со второго-третьего курса, первоначально с самых низших должностей, которые не требуют особых навыков, но дают определенный опыт практической работы. Сейчас на рынке труда такого рода работу предоставляют в основном

маркетинговые фирмы, которые используют различные социологические методики. Вакансии, открытые студентам, – это интервьюер, кодировщик, оператор ввода данных, рекрутер, ведущий подбор респондентов. Наиболее оплачиваемая работа рекрутера. По заданным критериям он ищет необходимых для опроса людей (в основном для фокусированного интервью).

Совмещение работы и учебы в университете, по мнению преподавателей, отрицательно сказывается на подготовке студента. Однако так бывает далеко не всегда, нередко работа по специальности помогает студенту лучше овладеть профессией. Тем более что сейчас все большее развитие получают такие новые виды занятости, как частичная, удаленная работа, работа с гибким графиком и т. п. Это позволяет новым видам занятости не вступать в конфликт с учебным учреждением. С другой стороны, работодатели идут на такие условия из-за экономии заработной платы, с целью проверки профессиональных возможностей работника. К тому же исследования показывают, что влияние работы на успехи в учебе зависит от вида занятости и мотивации студента. «Для студентов, по-разному совмещающих учебу с работой, характерны разные показатели успеваемости. При прочих равных условиях студенты, работающие по специальности, учатся лучше, чем работающие не по специальности, а иногда и чем неработающие»¹⁵. Это подтверждают и количественные результаты: наибольшая доля тех, кто получает высшие баллы по большинству предметов (47,3%), среди тех, кто работает по специальности неполный день. Несколько меньше их среди неработающих (42,1%). И существенно меньше таких отличников среди тех, кто трудится целый рабочий день не по специальности (24,9%).

Таким образом, наиболее оптимальной стратегией совмещения учебы с работой является работа по специальности неполный день или часть недели. В этом случае студент может получить двойную выгоду: во-первых, эта занятость может быть дополнительным источником знаний и навыков, во-вторых, он получает шанс уже к концу обучения получить достаточно большой практический опыт и занять хорошую должность.

Несмотря на некоторые положительные тенденции в вопросах трудоустройства социологов, в этой сфере все же остается больше нерешенных проблем. Между социологическим образованием и рынком труда существует значительный разрыв. Рынок исследовательской продукции функционирует прежде всего как рынок опросов, маркетинговых и консультационных услуг, политически формулируемых проектов. Социологическая проблематика подчинена внешним для нее принципам. Этот рынок, отделенный от образовательного и подчиненный прежде всего экономической и утилитарной логике, сильно фрагментирован и не ориентирован на воспро-

изводство социологии как самостоятельной профессии¹⁶.

Вместе с тем нужно отметить и проблему, которая существует не только у нас и активно обсуждается международным сообществом социологов. Это необходимость дифференциации университетской подготовки социологов. В силу того что социология становится массовой профессией, видимо, целесообразно только небольшую часть студентов обучать по сложным программам и ориентировать в дальнейшем на научную работу. Большинство же студентов должны получать базовые знания и компетенции с направленностью на решение прикладных задач¹⁷.

Современный российский рынок труда, не готовый принимать социологов с узким профилем подготовки, заставляет университеты адаптироваться и готовить кадры в широком диапазоне знаний и компетенций.

Также явной тенденцией в современных экономических условиях является возрастание роли профессионально-личностных качеств выпускников вузов, обеспечивающих их конкурентоспособность на рынке труда, построение успешной профессиональной карьеры. Такие задачи, как развитие личности специалиста, подготовка его к мобильному и мотивированному поведению на рынке труда, не всегда решаются достаточно успешно, что усугубляет трудности трудоустройства после окончания вуза.

Особенности формирования профессиональной карьеры выпускника социологического факультета зависят от двух групп факторов: факторы внешней среды и индивидуализированные факторы.

К группе факторов внешней среды, влияющих на развитие профессиональной социолога, можно отнести следующие:

- 1) уровень развития теории и практики в области социологии;
- 2) развитие рыночных отношений и конкуренция между организациями на национальном и региональном уровне;
- 3) ситуация на национальном и региональном рынке труда;
- 4) социокультурная среда, которая определяет статус, престиж профессии, уровень социальной мобильности, особенности социологии и т. п.

К факторам внешней среды относят те, которые не подлежат коррекции со стороны индивида и являются частично управляемыми со стороны организаций, что, в свою очередь, зависит от ее размеров и сферы деятельности. Поэтому данные факторы можно охарактеризовать как неуправляемые с позиции субъекта развития профессиональной карьеры.

Помимо этого можно выделять отдельную группу факторов, влияющих на развитие профессиональной карьеры, относящихся непо-

средственно к индивиду и раскрывающихся через описание определенных характеристик, присущих ему. В группу индивидуализированных факторов целесообразно включать такие подгруппы:

1) социально-демографические (возраст, пол, семейное положение);

2) профессионально-квалификационные (профиль образования, опыт работы);

3) личностно-психологические (мотивация и мотивы профессиональной деятельности, ценностные ориентации, тип личности, способности).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что профессия социолога с точки зрения ее значимости для функционирования любой сферы социума является весьма востребованной и перспективной, но не востребована в должной мере работодателями. Современный этап цивилизационного развития, переход к постиндустриальному обществу требуют от системы высшего профессионального образования обновления содержания его функций, приведения образовательных программ в соответствие с потребностями рынка труда.

Примечания

- 1 См.: Андросова Е. В. Оценка эффективности трудоустройства выпускников вузов // Экономическая наука и практика : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). Чита : Молодой ученый, 2013. С. 60–62.
- 2 См.: Буланова М. Б. Социологическое образование в России (1960-е годы – настоящее время) // Социс. 2008. № 72. С. 14–26.
- 3 См.: Осадчая Г. И. Заметки о социологическом образовании в России : рефлексия новых требований общества // Социс. 2009. № 2. С. 52.

УДК 316.344.3

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

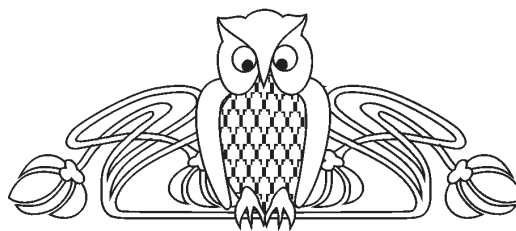
Б. Р. Могилевич

Саратовский государственный университет
E-mail: mogilevich@sgu.ru

В статье рассмотрены основные характеристики диалога как актуализатора человеческой жизнедеятельности. Представлена иерархия типизаций диалоговых отношений коммуникантов. Уточнена специфика межкультурного диалога как компонента социальной реальности. Показано возрастание роли межкультурного диалога в эпоху глобализма.

Ключевые слова: межкультурный диалог, социальная реальность, социокультурные смыслы, равноправное взаимодействие.

- 4 См.: Социальная дифференциация высшего образования / отв. ред. С. В. Шишкин ; Независимый институт социальной политики. М. : Поматур, 2005. С. 154.
- 5 См.: Разумова Т. О. Выпускники высших учебных заведений на рынке труда : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. С. 27.
- 6 См.: Вайсбург А. В. Проблемы профессиональной социализации социологов в регионе // Регионоведение. 2009. № 1. С. 176.
- 7 См.: Воронков В. М. «Я осознал себя социологом в возрасте 43 лет» // Телескоп. 2011. № 6 (90). С. 2.
- 8 См.: Бикбов А. Т. Условия действительности социологического образования в России. URL: <http://cerfsophi.nagod.ru> (дата обращения: 05.01.2015).
- 9 См.: Федеральная служба по труду и занятости (Роструд) : [сайт]. URL: www.rostrud.ru (дата обращения: 09.01.2015).
- 10 См.: Массон Ф. Французская социология и государство // Социс. 2014. № 7. С. 30–38.
- 11 См.: Späte K. Beruf : Soziologie?! : Studien für die Praxis. Konstanz : UVK=Verl. Ges., 2007.
- 12 См.: American Sociological Association (ASA) : [website]. URL: www.asanet.org (дата обращения: 09.01.2015).
- 13 См.: Иванов Н. В. Специфика трудоустройства выпускников факультета социологии СПбГУ // Пятые Ковалевские чтения : материалы науч.-практ. конф. 12–13 ноября 2010 г. / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2010. С. 1179.
- 14 См.: Анализ взаимосвязей системы образования и рынка труда в России за последние 5 лет. Информационный бюллетень. М. : НИУ ВШЭ, 2012.
- 15 Янбарисова Д. Работа по специальности помогает студентам лучше учиться // Вопр. образования. 2014. № 7. С. 46.
- 16 См.: Бикбов А. Т. Указ. соч.
- 17 См.: Титаренко Л. Г. Современная теоретическая социология. Размышления после конгресса // Социс. 2009. № 1. С. 21–22.

Cross-cultural Dialogue and Social Reality

B. R. Mogilevich

The article considers the main characteristics of a dialogue in the context of human activity actualization. The type hierarchy of dialogue relations of communicators is presented. The distinctive features of a cross-cultural dialogue are specified. The increase of cross-cultural dialogue influence under globalization is shown.

Key words: cross-cultural dialogue, social reality, sociocultural meanings, equal mutual activity.

Диалогичность как способ решения социальных, культурных и политических противостояний представляет собой, с одной стороны, показатель открытости социума (стремление к взаимодействию, коммуникативность, толерантность), а с другой стороны – субъективные способности членов социума к взаимобмену культурными достижениями, независимому и демократически ориентированному мышлению.

Основное правило диалога – это равенство возможностей коммуникантов, основанное на рациональном дискурсе, который отвергает двойственность позиций коммуникантов, иллюзорность экспектаций, дезинформацию. Именно владение информацией дает возможность одним коммуникантам управлять другими, поэтому взаимобеспечение и взаимобмен информацией являются залогом успеха коммуникативного процесса.

Диалог как вид социальной коммуникации в настоящее время представлен несколькими видами:

социально-партнерский диалог, участники которого равноправны во владении информацией, взаимных обязательствах, социально, культурно и политически эмпатийны;

социально-толерантный диалог, где стороны занимают разные позиции, сближение невозможно/нежелательно, но они не стремятся к управлению, подавлению друг друга. Такие диалоги отражают высокий уровень демократичности взаимодействующих культур;

оппозиционный диалог как одна из идентификаций истинной демократии предполагает наличие альтернативы;

манипулятивный диалог, при котором партнерство и толерантность заменяются PR-технологиями, ориентированными на управление партнером.

Манипулятивные диалоги могут стать конфронтационными диалогами, которые больше напоминают агрессию. Выходом из этой конфликтной ситуации может быть только диалог¹.

В процессах социального взаимодействия диалогическая типология функционирует, как правило, в комбинации различных характеристик. Вместе с тем наблюдается распространение манипулятивных и конфронтационных диалогов, не приводящих к достижению согласия и обеспечению позитивного взаимодействия непродуктивных способов коммуникации. Напротив, именно социально-партнерский, социально-толерантный и оппозиционный типы диалогов характеризуют рациональный и плодотворный дискурс коммуникативного процесса разрешения конфликтов.

В процессе коммуникации коммуникативные личности (коммуниканты) участвуют в коммуникативном акте – диалоге со сходно-ценностной, полярно-ценностной, со сложной сходно-полярной структурами. В сходно-ценностных

диалогах коммуниканты демонстрируют сходство взглядов, социально-партнерские отношения: «Я думаю, что это так», «Я тоже так считаю».

Полярно-ценностные диалоги могут развиваться по-разному: в зависимости от применяемых коммуникативных тактик в рамках избранной коммуникативной стратегии, преследуемой коммуникативной цели и уровня коммуникативного опыта участников коммуникации они могут быть социально-толерантными, оппозиционными, манипулятивными и конфронтационными.

Диалоги со сложной сходно-полярной структурой также могут развиваться по схеме полярно-ценностных, но имеют больше успеха в достижении взаимоприемлемых коммуникативных целей. При таком типе диалога коммуниканты могут сначала не принимать ценностных норм друг друга, но для достижения своей коммуникативной цели менять свою коммуникативную тактику. В процессе диалога проявляются социальные роли коммуникантов, достигается общественное признание их деятельности.

Диалог по своей сути представляет собой основной механизм жизнедеятельности людей, обеспечивая социальную коммуникацию на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Будучи сложноструктурированным социокультурным феноменом, диалог выполняет множество функций, среди которых можно выделить следующие:

- познавательную как интерпретацию социокультурных смыслов в контексте дихотомии «Я» и «Другие»;

- конструктивную как создание эмерджентной социальной реальности, включающей комбинацию социокультурных смыслов партнеров по коммуникации.

Диалогичность как механизм конструирования социальной реальности особенно важна и актуальна в настоящее время, полное глобализационных рисков и кризиса доверия на межличностном, межгрупповом, межэтническом и межгосударственном уровнях.

Социокультурная унификация, характерная для эпохи глобализма, неизбежно чревата конфликтами, особенно межкультурными. Они, к сожалению, довольно часто приводят к противостоянию, ненависти и террору. Об этом свидетельствуют многочисленные факты насилия и агрессии, имевшие и имеющие место в жизни людей. В этой связи особую актуальность приобретают проблемы установления межкультурного диалога как основного механизма поддержания равновесия и стабильности.

На уровне межкультурной микрокоммуникации диалог представляет собой межкультурное взаимодействие индивидов; межкультурная мидикоммуникация проявляется в диалоге между социальными группами в межкультурном пространстве; межкультурная макрокоммуника-

ция представляет собой продуктивный диалог между народами, государствами и цивилизациями. М. Бубер, дифференцируя диалог (субъект-субъектное взаимодействие) и управление (субъект-объектное взаимодействие), описывал их как «Я – Ты», т. е. перетекание «Я» в «Ты» – диалог, основанный на понимании; «Я – Оно», где «Я» относится к окружающим как к объектам манипулирования, эксплуатации и агрессии. М. Бубер назвал свою теорию «диалогическим персонализмом» и считал, что только диалог реализует личности в полной мере².

Современная общественная система характеризуется широким использованием механизмов межкультурного диалога для разрешения конфликтогенных ситуаций. По справедливому замечанию А. И. Пригожина, «конфликтность современной истории» объясняется «дефицитом диалогичности»³. Само собой разумеется, что все конфликты онтологически разнообразны, но именно недостаток «диалогичности» часто приводит к конфронтации и противоборству. В настоящее время, когда социокультурные конфликты тесно переплетены с политическими, успехи политических диалогов являются залогом разрешения социокультурных конфликтов и наоборот.

Следуя концепции М. М. Бахтина, межкультурный диалог может быть исследован в диахроническом аспекте как процесс интерпретации социокультурных смыслов прошлого⁴. Методологический подход Ю. М. Лотмана рассматривает диалог с синхронических позиций в виде постоянной смены ролей между адресантом и адресатом при интерпретации социокультурных смыслов «Я» и «Другие»⁵. Можно выделить еще один ракурс рассмотрения диалогичности – не только как процесс обмена социокультурными смыслами между коммуникантами, но и как механизм разрешения конфликтов и обеспечения мирного сосуществования также в контексте взаимодействия «Я» и «Другие»⁶.

7 мая 2008 г. на 118-й Сессии Кабинета министров Совета Европы была принята «Белая книга по межкультурному диалогу», содержащая следующую основополагающую идею: «Межкультурный диалог является решающей составляющей в построении новой социальной и культурной модели для быстроразвивающейся Европы»⁷.

Несомненно, что межкультурный диалог актуализирует насущную потребность людей в коммуникации – выражении своих взглядов, стремлении к взаимопониманию и взаимодействию. Более того, в контексте современных реалий – утрате старых и поиске новых идентичностей – он приобретает все возрастающую значимость. В основе межкультурного диалога лежат следующие принципы:

- наличие социокультурных различий;
- взаимный обмен социокультурными смыслами;

- готовность к восприятию «чужой» социокультурной информации;
- выработка взаимоприемлемых механизмов коммуникации;
- включение механизмов эмпатии и толерантности.

Следует отметить, что межкультурный диалог всегда направлен на адаптацию и интеграцию социокультурных смыслов коммуникантов, исключая доминирование, подчинение, уничтожение, сегрегацию и ассимиляцию. Правомерно, что установление и поддержание межкультурного диалога всегда обусловлено спецификой социокультурного бытия коммуникантов, что особенно отчетливо проявляется в их речевых характеристиках и придании значений вербальным и невербальным знакам. Дискурс межкультурного диалога, обусловленный дихотомией «Свой» – «Чужой» как проекцией взаимодействия «Я» и «Другие», актуализирует позицию «речевая агрессия» – «коммуникативная толерантность». Глобальное измерение человеческого общества изобилует речевыми инвективами в виде нагнетания уничижительных сравнений и ассоциаций, обыгрывания неприятных и неприличных деталей, наклеивания ярлыков, использования стилистически сниженной лексики, что свидетельствует о возрастании современной тенденции отказа от межкультурного диалога и провоцирования конфликтов.

Следование межкультурному диалогу – это всегда трудный и долгий процесс, невозможный без признания того, что «Другие» обладают теми же правами, что и «Я». Следовательно, межкультурный диалог невозможен без знания и учета конвенциональных норм чужой культуры. Известно, что эти нормы берут свое начало в культурных традициях и актуализируются в стереотипах и правилах речевого этикета⁸.

Совершенно ясно, что межкультурный диалог выполняет важнейшую коммуникативную функцию – установление равноправного взаимодействия субъектов коммуникации в виде связи между культурами, а также прошлым, настоящим и будущим. Таким образом, межкультурный диалог способствует сближению коммуникантов в рамках оппозиции «Свой» – «Чужой», что придает ему особую значимость как межкультурно-го феномена социальной глобальной реальности.

Примечания

- ¹ См.: *Рахманин В. С.* Диалог политических культур как демократический процесс // *Логос. Философско-литературный журнал.* 2005. № 4 (49). С. 243–251.
- ² См.: *Бубер М.* Я и Ты. М.: Высш. шк., 1993. С. 175.
- ³ *Пригожин А. И.* Диалогические решения // *Общественные науки и современность.* 2004. № 3. С. 52.
- ⁴ См.: *Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров // *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С. 440–441.

- ⁵ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : «Языки русской культуры», 1996. С. 175.
- ⁶ См.: Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Изд-во ИС РАН, 2003.

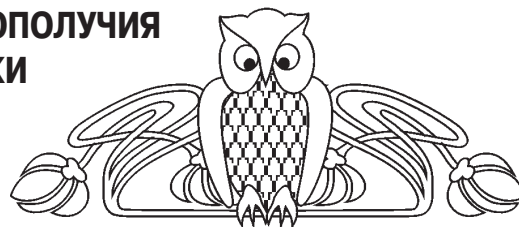
- ⁷ Совет Европы. Белая книга по межкультурному диалогу. М. : Инф. оф. Сов. Евр. в Рос., 2009. С. 59.
- ⁸ См.: Могилевич Б. Р. Межкультурная коммуникация в системе социологического знания. Саратов : Научная книга, 2008. С. 74.

УДК 364.142

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В БИОГРАФИЧЕСКИХ СЮЖЕТАХ МОЛОДЕЖИ

И. В. Бабаян, А. Д. Любимова

Саратовский государственный технический университет
им. Гагарина Ю. А.
E-mail: innabv@list.ru, alena.lubimova@mail.ru

В статье представлены результаты исследования социального благополучия молодежи Поволжья. Анализ биографических сюжетов позволил выявить виды социальной сплоченности, факторы ее формирования, особенности взаимосвязи социального благополучия с социальной сплоченностью молодежи в контексте социокультурной, экономической модернизации регионов.

Ключевые слова: молодежь, социальное благополучие, социальная сплоченность, ценности.

Construction of Social Welfare in the Biographical Stories Youth

I. V. Babayan, A. D. Lubimova

The article presents the results of a study of social well-being of young people of the Volga region. The analysis of materials biographical interviews were identified types of social cohesion, factors of its formation, described the degree of relationship with the social well-being of youth social cohesion in the context of socio-cultural.

Key words: youth, social welfare, social cohesion, values.

Социальное благополучие можно охарактеризовать как многофакторный конструкт, который оценивается успешностью физического, психического, социального и экономического функционирования в обществе. Социальное, культурное, политическое, религиозное наполнение повседневной жизни человека очерчивает фрейм социального благополучия. Выделяют такие показатели социального благополучия, как счастье, удовлетворенность жизнью, работой, материальным положением, здоровьем; неудовлетворенность одним из индикаторов в разной степени влияет на социальное благополучие. Социальное благополучие, являясь категорией, определяющей уровень удовлетворенности социума различными сферами общественного развития, всегда оказывается в фокусе внимания мыслителей, государственных деятелей, исследователей. Интерес к данному феномену обусловлен тем, что развитие общества сопровождается социальными изменениями, воспроизводящими порой кризисные ситуации.

Соответственно, формирование социального благополучия, представляющего некий идеал, оптимальное состояние человека, социальной группы, общества, становится механизмом решения сложившихся проблем. Несмотря на многочисленные исследования данного феномена, четкой характеристики социального благополучия дано не было. Теоретические рассуждения о социальном благополучии формируются вокруг таких тематических блоков, как экономическая стабильность, особенности общественного устройства, социальное поведение и интеракции, позитивное эмоциональное состояние индивида или сообщества.

Согласно идеям Ф. Хайека, взаимосвязь социального благополучия и рыночной экономики определяет конкуренцию в качестве залога эффективности¹. В свете данных воззрений все услуги обеспечиваются рынком, люди имеют возможность выбора, за что платить. Обращаясь к взглядам Дж. Кейнса, можно выделить такие элементы благополучия, как материальный достаток, благосостояние, богатство. Становление данного феномена происходит через создание системы государственной интервенции, рост расходов на оборудование рабочих мест, сохранение рынка, продвижение индивидуальных экономических и политических свобод². Г. Эспинг-Андерсен считал, что основой социального благополучия должна быть декоммодификация, показывающая, каким образом социальная политика смягчает стратификацию в капиталистическом обществе и нейтрализует товарный статус работника в отношении работодателя³.

В фокусе данного исследования – установки молодежи регионов Поволжья в отношении социального благополучия. Нами проведены биографические интервью с молодежью трех областей – Самарской, Саратовской и Астраханской (N=50). Цель биографических интервью – рассмотрение в условиях модернизации региона функционирования социальных институтов образования, труда, профессии в цен-

ностной шкале молодежи; в качестве основного направления анализа выделено определение молодежью социального благополучия. Дизайн выборки сконструирован в соответствии с выделением индикаторов, среди которых – социально-демографические, гендерные характеристики региона. В исследовании приняла участие молодежь в возрасте от 18 до 31 года. Учитывались наличие высшего образования/научной степени, неоконченного высшего образования (статус студента или прерванное обучение), средне-специального образования; социальный статус (экономически активная молодежь, другими словами, занятая в экономике) – студенты, работающие студенты, работающая молодежь (занятость в разных отраслях экономики), безработные; семейный статус – состоят в браке, холостые, гражданский брак; место проживания – большие и малые города, сельские населенные пункты. Выбор населенного пункта основывается на концепции «четырёх России» Н. Зубаревич⁴. В Самарской области собрано 20 биографических интервью, в Саратовской – 17, в Астраханской области – 13 биографий.

В анализе биографического материала субъективное благополучие понималось в качестве обобщенной оценки своей жизни как единого целого, включающей в себя как эмоциональные, так и относительно рациональные компоненты и являющейся операциональным аналогом философского понятия счастья, а также взаимосвязанного с ним понятия качества жизни. Важным представляется рассмотрение соотношения системы ценностей молодежи и более взрослого поколения сквозь призму отношения к социальным институтам. Отметим, что социальное благополучие молодого поколения складывается из таких показателей, как безопасность, семья, материальное положение, здоровье, общение, социальная инфраструктура, среда обитания, целодостижение, экономическая и политическая обстановка, досуг, климат, социальный статус, творческая реализация.

Принимая во внимание значимость семьи как социального института, в биографических интервью был сделан акцент на семейной истории, взаимоотношениях между членами семьи, поколениями, традициях, имеющихся в современной российской семье и поддерживаемых в той или иной форме. Блок вопросов о семье в биографическом интервью представляет собой достаточно объемный материал, на основе которого проведен анализ взаимосвязи семьи с представлениями о субъективном благополучии молодежи регионов Поволжья.

О значимости семьи говорили информанты в биографических интервью, подчеркивая важность семейных взаимоотношений в формировании личности:

...обязательно должны быть братья и сестры, потому что если нет братьев и сестер,

ребёнок в большинстве случаев вырастает эгоистом (Инф. 16, Саратов).

Опираясь на опыт родительской семьи, информанты формируют собственные представления и «критерии» семьи как ячейки общества, включенной в социальные отношения, но вместе с тем выполняющую роль жизненного проекта, который молодежь уже сейчас планирует, выдвигая собственные критерии семейного благополучия. Благополучие семьи для молодежи связано, прежде всего, с взаимопониманием между членами, умением справиться с трудностями:

Я бы описал это не как идеальную семью, точно, но благополучную. Потому что в семье никогда особо конфликтов не было, бабушка с мамой и с прабабушкой вели всегда спокойную жизнь (Инф. 7, Ахтубинск).

Родительская семья нередко становится примером для конструирования представлений и модели будущей собственной семьи:

Моя семья будет строиться на таких фундаментальных основах, на которых построена моя [родительская] семья. То есть ту ячейку, которую, я надеюсь, я построю, ей также будут присущи эти принципы, которые являются ценными в нашей семье (Инф. 25, Астрахань).

На основе материалов биографических интервью также были рассмотрены представления молодежи о семье как социальной ценности, т. е. с точки зрения конструирования социально значимых характеристик, взаимоотношений:

Это должна быть счастливая семья, счастливая во всех направлениях, она должна быть дружная, любящая семья, крепкая. Крепкая в плане того, что все должны держаться, друг другу помогать, в каких бы то ни было ситуациях (Инф. 38, Астрахань).

Отметим, что семья как первостепенная ценность может и не присутствовать во взглядах молодежи при столкновении с негативным опытом личной семейной жизни. В таком случае семья отодвигается на второй план, а первоочередными становятся материальный достаток, профессиональное развитие.

О важности здоровья заявили почти все информанты, подчеркивая, что хорошее здоровье является причиной успешности и благополучия:

Все-таки здоровье накладывает основной отпечаток на дальнейшее развитие жизненное мое ну и любого другого человека. Это очень важный аспект (Инф. 14, Астрахань).

Говоря о самооценке здоровья, молодые люди подчеркивают, что не могут назвать себя полностью здоровыми – это связано и с экологией, и с образом жизни, и с инфраструктурой. Обобщая мнения молодежи о ценности здоровья, подчеркнем, что здоровье является одним из важных аспектов их жизнедеятельности. Несмотря на то что почти все информанты заявили об удовлетворительном состоянии здоровья, все же они подчеркнули, что быть здоровым – важно

и значимо, так как это может в дальнейшем повлиять на успешность, достижения в профессии, работе, семейной жизни.

Образование как ценность выступает регулятором жизненных стратегий – получение университетского образования рассматривается молодежью как ресурс успешного трудоустройства:

Да, после поступления в университет я стал чувствовать себя более уверенно и перестал так сильно беспокоиться о будущем (Инф. 43, Ахтубинск).

Получение высшего образования в оценках молодежи Поволжья представляется основным источником социального капитала, который в дальнейшем обеспечивает социальное благополучие – и в работе, и в профессии, и в коммуникациях с окружающими. Обучение в учебном заведении влияет, по мнению информантов, на мировоззрение, мировосприятие, систему жизненных координат. Молодежь рефлексирует в отношении своего социального статуса, опыта, своих ценности и соотносит их с точкой зрения своих одноклассников или однокурсников, которые представляют собой обобщенную альтернативу:

С поступлением, с новыми знакомствами, я стал по-новому воспринимать жизнь <...> сейчас стремлюсь в плане опыта и знаний, допустим, впитать от моих коллег что-то, это, опять же, работа (Инф. 4, Астрахань).

Таким образом, обучение в учебном заведении для получения профессионального образования является важным этапом накопления культурного и социального капитала, что в дальнейшем влияет на профессиональные планы, поиск и организацию занятости. Важен с точки зрения понимания образовательных и профессиональных планов этап биографии, связанный с выбором учебного заведения, который молодые люди делают после окончания обучения в школе. Именно это решение молодежь считает одним из самых значимых, так как оно влияет на то, чем они будут заниматься после получения полного среднего образования и после получения профессионального образования. Выбор пути обучения после школы периодически переоценивается молодежью, а «ревизия» происходит в связи с оценкой дальнейших (в плане профессии, работы, занятости) возможностей и перспектив:

Я считала, что для меня будет лучше уйти в какое-то другое учебное заведение, чтобы уже получить какое-то образование. А дальше там уже можно куда угодно, хоть на психологию идти (Инф. 12, Самара).

Переоценка и «перевзвешивание» принятых в вопросах получения образования решений характерна для современной молодежи, что связано не только с возрастными и личностными особенностями, но и социально-экономическими условиями города, региона проживания. Итак,

выбор будущего учебного заведения, в котором молодой человек будет получать профессию, состоит из нескольких социальных компонентов: субъективное представление о том, чем он планирует заниматься в будущем; мнение родителей, которые зачастую оказывают сильное влияние, имея не просто жизненный опыт, а предлагая «готовый», в их представлениях, проект взаимосвязи между образованием (и особенно институциональной спецификой – вузовское или средне-профессиональное) и будущей работой или профессией.

Работа в представлениях молодежи – это, прежде всего, возможности заработка и удовлетворения своих потребностей: *Работа – это способ зарабатывать денег и удовлетворять свои потребности в одежде, еде, развлечениях»* (Инф. 20, Саратов). Одним из немаловажных аспектов в работе является ее содержание, характер. Так, информанты высказывали свое мнение о том, что в работе важны творчество и отсутствие рутины, а также надежность рабочего места, которое обеспечивается социальными гарантиями: *...у меня в работе сейчас все очень хорошо, шикарно. Работа творческая, есть, конечно, моменты и монотонные, сложные* (Инф. 39, Саратов).

При этом работа для современных молодых людей является источником опыта, который можно будет в дальнейшем реализовать в виде самостоятельных проектов вне занятости в определенной организации и создании собственного бизнеса. Карьерный рост также связан с самостоятельной организацией своей занятости и работы:

Я бы хотел бы открыть свою собственную фирму по обучению иностранным языкам, либо открыть свое бюро перевода. Но в нашей сфере, в основном, невозможно составить карьеру, потому что особо подниматься некуда (Инф. 25, Ахтубинск).

В биографических интервью на вопрос о свободе информанты отвечали по-разному, и дефиниции связаны, прежде всего, с абстрактностью самого понятия и различиями в наполнении, понимании свободы молодыми людьми. Свобода для молодежи Поволжья связана с независимостью в мобильности, передвижениях:

Для меня свобода – это, прежде всего, свобода передвижения. Если у человека нет свободы передвижения, значит, он уже не свободен, он поработен (Инф. 18, Ахтубинск).

Свобода также ассоциируется со свободой мыслей: *И также свобода для меня – это свобода мыслей. Это для меня две основных свободы, которые существуют* (Инф. 14, Ахтубинск). Свобода также воспринимается как независимость от конкретных людей, группы, как возможность быть самостоятельным, принимать самостоятельные решения: *Независимость от родителей, когда ты можешь принимать уже решения, и пусть*

даже это будет неправильное решение, но ты несешь за него ответственность (Инф. 30, Самара). Свобода понимается как наличие возможностей, которые предоставлены человеку и связаны с его целями и намерениями: Свобода – это, прежде всего, свобода души какой-то, своих порывов. Возможность делать то, что тебе хочется (Инф. 15, Тольятти).

Обобщая представления молодежи о свободе и ее наличии в современном обществе, подчеркнем, что «быть свободным» – значит быть независимым, самостоятельным. Ограничение свободы, которое, по мнению молодых людей, присутствует в России, связано, прежде всего, с законодательными ограничениями – новыми законодательными инициативами, а также со стремлением государства действовать без учета мнения гражданского общества.

Информанты считают, что в целом молодежь представляет собой сплоченную группу, которая, как и все остальные, испытывает недостаток идей:

Существует недостаток идей вообще во всём мире. Но в основном молодёжь сплоченная. Это можно говорить об общем сленге, общих целях жизненных определённых групп молодёжи. Хоть она и не полностью сплочённая, но при этом она является объединённой в некоторых аспектах и некоторых слоёв молодёжи (Инф. 6, Ахтубинск).

Альтернативная точка зрения на наличие сплоченности среди молодежи связана с идеей распространенных в современном обществе эгоизма и индивидуализма в мировоззрении современных людей. Но вероятность быть сплоченной группой, по мнению молодых людей, проживающих в Поволжье, имеется, если возникнет экстремальная ситуация, требующая коллективных действий, позиции:

Каждый сам за себя. Но, тем не менее, на самом деле сплоченность – что такое сплоченность? Она проявляется в каких-то очень экстремальных ситуациях, и надеюсь, что экстремальных ситуаций не произойдет (Инф. 24, Тольятти).

В определении благополучия молодежь Поволжья использует такие категории, как удовлетворенность жизнью, достижение целей: *Благополучие – это уверенность, в себе, в завтрашнем дне, окружении, это стабильность, это вот дает уверенность* (Инф. 2, Саратов). Благополучие, по мнению молодежи, связано с благоприятными отношениями в семье, достатком: *Это все-таки прежде всего семейное благополучие. Это семейное счастье* (Инф. 9, Астрахань). Не только семейные отношения влияют на оценку благополучия, но и социальные отношения (на работе, с друзьями и близкими) – они должны быть комфортными, бесконфликтными, только в этом случае можно говорить о благополучии. Материальное благополучие молодежь Повол-

жья определяет через финансовую удовлетворенность, успешность, через достаток:

В финансовой сфере, я бы сказал, что расходы не превышают доходы, либо доход немножко выше расходов, в этой сфере человек может считаться благополучным (Инф. 14, Ахтубинск).

Молодежь Поволжья репрезентирует достижительское отношение к деньгам, связывая материальную, финансовую обеспеченность с трудолюбием, стремлением добиваться чего-либо в профессии, работе или жизни. Таким образом, деньги и материальное благополучие, по мнению молодых, имеют значение в жизни, и их объем зависит от целеустремленности и заслуг самого человека. При этом подчеркивается, что материальное благополучие конкурирует с жизненными целями и представлениями об успехе: если человек ощущает удовлетворение от тех или иных сторон жизнедеятельности, то финансовые аспекты этой деятельности уходят на второй план. Для того чтобы быть благополучным, по мнению молодежи, необходимо быть целеустремленным, трудолюбивым, следовать принципам гражданского общества, осознавать и нести индивидуальную ответственность перед собой и государством. Отсутствие цели в жизни, моральных и ценностных ориентиров у молодых людей, по мнению участников исследования, является признаками неблагополучности:

Нет, я думаю, что нельзя сказать, потому что многие молодые люди и девушки потеряны в жизни, они не знают, куда они идут, не знают целей, беспокоятся о своём будущем. Этим людям нужно помогать (Инф. 43, Ахтубинск).

Таким образом, благополучие молодежь определяется через понятия удовлетворенности жизнью, социальным самочувствием, которые основываются на оценках социальных взаимоотношений. Индивидуальное благополучие тесно связано с пониманием социального благополучия в контексте жизни общества, города, региона. По мнению молодежи, социальное благополучие связано с активностью горожан, с социальными действиями, акциями, направленными на благо города, региона, страны:

Ну здесь, я думаю, надо принимать непосредственно участие во всех каких-то аспектах, во всех решениях, мероприятиях, которые проводятся, будь то в городе, будь то в политике, которые влияют на развитие государства, в котором ты живешь (Инф. 31, Астрахань).

С одной стороны, у молодежи более развиты адаптивные механизмы к внешним и внутренним изменениям, способствующие гибкой корректировке жизненно-стилевых практик. С другой стороны, действуя как активный актер в поле занятости, образования, культуры, она подвержена влиянию со стороны взрослой когорты, где социальное действие продиктовано не столько индивидуальным выбором, сколько ригидным контролем взрослого поколения. В результате

смена ценностных ориентиров протекает в условиях конкуренции поколений, что не только не способствует сплочению, но и подрывает доверие со стороны молодого поколения, усиливает социальное неравенство.

Результаты анализа биографических интервью показали, что ценностные ориентации оказывают непосредственное влияние на восприятие субъективного благополучия. В вопросах о самых важных аспектах в жизни, об успешности и понимании благополучия информанты используют пересекающиеся или сопряженные категории. Так, например, семья, которая является важной ценностью для молодежи, выступает показателем успешности и благополучия: если у молодого человека в какой-то момент жизни появляется семья – это свидетельствует о благополучии. Работа и профессия тесно связаны с пониманием успешности – занятость в области, которая сопряжена с образованием и, главное, с интересами самого молодого человека, становится показателем успешности и, как следствие, благополучия.

Важными факторами, которые оказывают основное влияние на уровень удовлетворенности жизнью, как показали материалы биографических интервью, являются образование, профессия, семейные связи (отношения), социальные капитал, работа, ближайшее окружение. Из значимых факторов самым сильным оказывается семья – не только потому, что родительская семья влияет на дальнейший путь молодого человека, но и поэтому, что является эталоном в выстраивании жизненного пути. Именно с ним молодой человек сравнивает собственные достижения и формирует жизненную перспективу, цель, устремления. Вторым по значимости фактором является занятость как сфера профессиональной реализации и трудовой деятельности. Именно работа и профессия влияют на удовлетворенность жизнью, оценку доходов и, как следствие, материального благополучия. Материальное благополучие как составная часть социального благополучия, по мнению молодежи Поволжья, определяет субъективное благополучие.

Несмотря на то что молодежь регионов Поволжья достаточно критично оценивает свои социально-экономические возможности в рамках места проживания, все же ее отличает индиви-

дуализм в оценках собственных достижений и критерий благополучия. Молодые люди не высказывают критических замечаний относительно социально-экономических трудностей, но при этом признают, что государству необходимо повлиять на положение молодежи, чтобы увеличить ее возможности для профессиональной и социальной реализации. Определяя характер взаимосвязи между социальными компонентами субъективного благополучия, заключаем, что представления о счастье и успехе тесно связаны с понятием (и определением самой молодежи) благополучия – как на индивидуальном, так и на социальном уровнях.

Материалы биографических интервью демонстрируют однородность во взглядах молодежи на социальное благополучие, под которым понимается удовлетворенность социальным и социально-экономическим положением, которое определяют семья (родительская), образование, профессия, работа, семейное положение. В целом молодежь можно охарактеризовать группой, которая активно применяет адаптивные механизмы к складывающейся в регионе и стране ситуации, при этом не теряя критичности по отношению к власти.

Исследование выполнено в рамках проекта «Социальное благополучие молодежи регионов Поволжья – путь к социальной сплоченности (На примере Саратовской, Самарской, Астраханской областей)», грант Президента МК-753.2014.6.

Примечания

- 1 См.: Вольчик В. Институты, экономическая координация и неясное знание // TERRA ECONOMICUS. 2011. № 2. С. 28.
- 2 См.: Гасслер Р. Государство благосостояния : теория и практика. URL: <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=36&tek=1396&issue=37> (дата обращения: 12.09.2014).
- 3 См.: Эстинг-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. 2006. № 5. С. 9.
- 4 См.: Зубаревич Н. В. Регионы России : неравенство, кризис, модернизация. М. : Независимый ин-т соц. политики, 2010.

УДК 316.334.2-055.2(470)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТФЕОДАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю. А. Семенова

Саратовский государственный университет
E-mail: semenofa@gmail.com

Статья посвящена историческому аспекту предпринимательства. Особое внимание уделяется постфеодальному мышлению и женскому предпринимательству в современной России.

Ключевые слова: купечество, постфеодальное мышление, предпринимательство, женское предпринимательство.

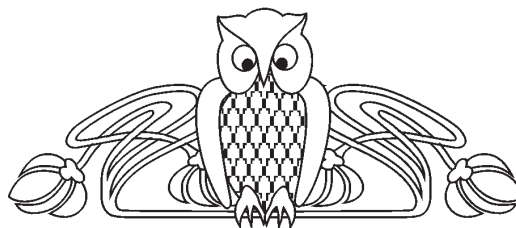
Some Aspects Post-feudal Thinking and Women's Entrepreneurship in Modern Russia

Yu. A. Semenova

The article is devoted to the historical aspect of entrepreneurs. Special attention is paid to post-feudal thinking and women's entrepreneurship in modern Russia.

Key words: merchants, post-feudal thinking, entrepreneurship, women's entrepreneurship.

Проблемы женского предпринимательства в современном российском обществе, несомненно, актуальны. Это обусловлено многими факторами, среди них далеко не последним является длительная традиция «умаления» роли женщины в общественной жизни страны. На протяжении практически всей истории российского общества женщина воспринималась как существо, зависимое от мужчины, отца и мужа. Особенности средневекового феодального мышления обуславливают и положение женщины в обществе. Она прежде всего мать, хозяйка дома, от нее требуются чистота и порядок в доме и послушание. Многочисленные статьи такого известного средневекового произведения, как Домострой, четко регламентируют положение женщины, ее права и обязанности по ведению домашнего хозяйства. Заметим, что здесь нет и намека на предпринимательскую деятельность, которая в то время ассоциировалась преимущественно с купечеством, это прерогатива мужчин. Собственно, купечество и было, пожалуй, первой формой российского предпринимательства. Подешевле купить, подороже продать – это главное условие товарообмена, который господствовал в России практически до середины XIX в. Пореформенная Россия была преимущественно сельскохозяйственной страной. Особую роль в русской сельской жизни играла община, которая выступала в качестве своего рода организованного начала этой жизни.

Реформы, наложившись на эту традиционную форму организации деревенской жизни, способствовали расслоению общины, уходу части общинников из нее. Образовывались во множестве различные артели для постоянных и временных работ во всех сферах жизнедеятельности общества. Структура этих объединений была различна, но общим для них оставался наем помещения для работы и отдыха, выборы старост, частыми были и совместное питание и проживание, при этом каждый член артели вносил определенную плату за кров и пищу. Многочисленные артели рыбаков и охотников, плотников, ткачей, каменщиков являлись собой не только образцы общинного быта, но и являлись прообразом предпринимательства в России. Но не только община оказывала свое влияние на предпринимательство, собственно, и индивидуальная деятельность новых свободных людей имела значительное место.

Ф. И. Шаляпин тонко подметил одну черту предпринимательства в России, а именно то, что предпринимательство есть творчество, есть ограничение себя сегодняшнего во имя будущего. Он так писал об этом: «Я так и вижу в деревенском еще облике его, этого будущего московского туза торговли и промышленности. Выбываясь из сил и потея, он в своей деревне самыми необыкновенными путями изучает грамоту. По сонникам, по требникам, по лубочным рассказам о Бове Королевиче¹ и Еруслане Лазаревиче². Он по-старинному складывает буквы: аз, буки, веде, глаголь... Еще полуграмотный, он проявляет завидную сметливость. Не будучи ни техником, ни инженером, он вдруг изобретает какую-то машинку для растирания картофеля или находит в земле какие-то особенные материалы для колесной мази и вообще что-нибудь такое уму непостижимое. Он соображает, как вспахать десятину с наименьшей затратой труда, чтобы получить наибольший доход. Он не ходит в казенную пивную лавку, остерегается убивать драгоценное время праздничными прогулками. Он все время корпит то в конюшне, то в огороде, то в поле, то в лесу. Неизвестно, каким образом – газет не читает, он узнает, что картофельная мука продается дешево и что, купив ее теперь по дешевой цене в такой-то губернии, он через месяц продаст ее дороже в другой»³.

«И вот, глядишь, начинает он жить в преимущественном положении перед другими му-

жиками, у которых как раз нет его прилежания... С точки зрения последних течений мыслей в России он – “кулак”, преступный тип. Купил дешево, кого-то обманул, продал дорого – опять кого-то обманул... А для меня, каюсь, это свидетельствует, что в этом человеке есть, как и подобает, ум, сметка, расторопность и энергия»⁴. Безусловно, Ф. И. Шаляпин прав, поскольку творчество есть имманентно присущая предпринимательству черта. Это в полной мере касается и женского предпринимательства, женщины не менее творческие люди. Иное дело, что они помещены в «среду», полную предрассудков и предрешений относительно роли женщин в общественной и личной жизни.

Россия позднее других стран вступила на путь промышленного развития, соответственно, и формы предпринимательства, связанные с капитализмом, развивались в ней позднее, чем в других промышленных странах, правда, не менее интенсивно. Здесь можно отметить одно явление, на которое недостаточно обращается внимание в научной литературе, а именно наложение длительных ментальных традиций средневекового общества, тесно связанного с крепостничеством, на интенсивность промышленного развития дореволюционной, да и послереволюционной России. И хотя женский труд, обесцененный домоводством, в советской России постепенно приобретал ценность с точки зрения народного хозяйства, где женщине наравне с мужчинами позволялось становиться передовиками производства, руководителями цехов и производств, тем не менее, это было в значительной мере скорее исключением, чем правилом. В послереволюционной России насильственная коллективизация сельского хозяйства, индустриализация долгое время держались на ущемлении прав и свобод трудящихся, достигалось это самыми различными методами – отсутствие в течение длительного времени паспортов у крестьян, пресловутый «квартирный вопрос» у рабочих, причем последний, трансформировавшийся в так называемое ведомственное жилье, благополучно дожил до наших дней. Прибавим к этому мобилизационный характер российской экономики и командно-приказные методы управления экономикой, где не было места предпринимательству. Более того, оно жесточайше преследовалось.

Известный детский писатель М. Пришвин, оценивая отношение государства к бывшим предпринимателям, писал в 1929 г.: «Долго не понимал значения ожесточенной травли “кулаков” и ненависти к ним в то время, когда государственная власть, можно сказать, испепелила все их достояние. Теперь только понял причину злости: все они даровитые люди и единственные организаторы прежнего производства, которыми до сих пор, через 12 лет, мы живем в значительной степени. Все эти люди, достигая своего, не знали счета рабочим часам своего дня»⁵. Разу-

меется, крайности социалистического режима с течением времени претерпевали изменения. Отход от крайностей и преступлений сталинизма, постепенный дрейф в сторону большего демократизма (в значительной степени более декларативного, чем реального) были объективно обусловлены изменившимися условиями развития страны и ее международного окружения. Появилось теневое предпринимательство, расцвет которого приходился на 70–80 гг. XX в. Собственно, теневое предпринимательство и стало прообразом предпринимательства постсоветского. Отметим, что в теневом предпринимательстве, которое было крайне рискованным делом при социализме, женщин практически не было. Предпринимательство как необходимое явление общественной жизни возникло только с крушением социализма. Возникнув сразу и довольно мощно, начавшись с различных кооперативов, «челночников» и мелких ресторанов, оно практически сразу стало расширять сферы своего существования, проникая в образование, здравоохранение, производство товаров и услуг.

Сегодня, когда необходимость развития малого и среднего предпринимательства давно осознана, это осознание причудливо трансформируется в некие мантры со стороны Президента РФ и Председателя Правительства, которые многократно с самых различных трибун и площадок декларируют необходимость создания благоприятных условий для предпринимателей. Однако осознание необходимости создания условий и собственно эти условия – вещи разные. Сегодня предпринимательство в России задавлено разными налогами, проверками со стороны самых различных федеральных, региональных и муниципальных инстанций, для которых оно является не только средством пополнения бюджета, но и способом внеэкономического принуждения к обеспечению интересов власти предрержащих. Предпринимательство, по сути, попало в систему личных взаимодействий власти и бизнеса, где близость к власти, как правило, является гарантией успешности и развития. Это как раз и выступает одним из ключевых признаков феодального общества. Особенно это «актуально» для современной российской провинции.

Мы солидаризируемся с мнением известного социолога В. Шляпентоха, который считает, что слабость либеральных институтов, политическая пассивность населения, отсутствие единой идеологии и коррумпированность чиновничества, феодальные элементы, по всей видимости, сохранятся в России еще на протяжении нескольких десятилетий⁶. Хочется отметить, что сиюминутные интересы властей преобладают над идеями развития. Хотя давно известно, что практически всегда «предприниматель является катализатором перемен. Он никогда не живет прошлым, лишь иногда – настоящим и практически всегда – будущим»⁷.

Женское предпринимательство сегодня – во многом относительно новое для нашей страны явление, требующее и ждущее своего исследователя. Немаловажную роль в развитии женского предпринимательства как в России, так и в мире имеют также дискриминационные факторы, которые делают процесс становления женского предпринимательства во многом вынужденным процессом, что особенно характерно для России.

Исходные основания для развития мужского и женского предпринимательства в самом общем виде едины. Это экономическая свобода, конкурентная среда, наличие адекватной развитию страны правовой базы, регламентирующей предпринимательскую деятельность. Однако в современном российском обществе можно говорить и о гендерной сегрегации, которая в самом общем виде означает концентрацию мужчин и женщин в разных секторах жизнедеятельности общества, в разных занятиях и профессиях. Характерной ее чертой выступает концентрация женщин в малопрестижных, малооплачиваемых сферах. Основной такой сегрегации выступает традиционное деление патриархального феодального общества на две противоположные сферы – публичную, в которой, как правило, доминируют мужчины, и частную, которая является уделом женщин. Более подробно об гендерной сегрегации говорится в статье «Гендерная асимметрия российского предпринимательства»⁸.

Современная идеология женского предназначения и связанные с нею сексистские стерео-

типы воспроизводятся в смягченном виде и в современном российском обществе, где женщины получили доступ в сферы политики, бизнеса и производства, но по-прежнему остаются на менее престижных уровнях. Постфеодальное мышление с трудом уходит из исторической памяти россиян, и потребуются еще немало времени на то, чтобы женщина-предприниматель заняла достойное место в социально-экономической жизни страны.

Примечания

- ¹ См.: Википедия. Электронная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/Бове Королевиче](https://ru.wikipedia.org/Бове_Королевиче) (дата обращения: 10.01.2015).
- ² См.: Википедия. Электронная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/Еруслане Лазаревиче](https://ru.wikipedia.org/Еруслане_Лазаревиче) (дата обращения: 10.01.2015).
- ³ Шаляпин Ф. И. Маска и душа. М., 1989. С. 109–110.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Пришвин М. Дневник за 1930 год // Записки очевидца. Воспоминания, дневники / сост. М. Вострышев. М., 1991. С. 616.
- ⁶ См.: Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М., 2008. С. 293.
- ⁷ Великие цитаты великих людей о предпринимательстве и предпринимателях. URL: <http://www.catalog-wise.ru/tsitaty/> (дата обращения: 15.01.2015).
- ⁸ См.: Семенова Ю. А. Гендерная асимметрия российского предпринимательства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 7.

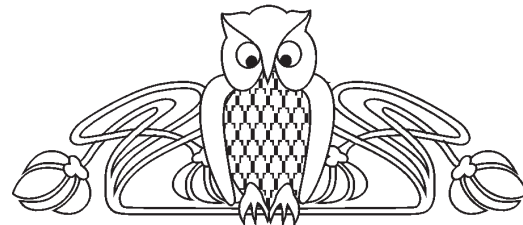
УДК 316. 74:2

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Е. И. Уфимцева

Саратовский государственный университет
E-mail: ufim75@mail.ru

Статья посвящена теоретическому анализу феномена воскресной школы в системе религиозного образования Русской православной церкви. Рассматриваются особенности возникновения и исторического развития воскресной школы в России. Представлена структура современной системы религиозного образования Русской православной церкви, описываются особенности организации религиозного образования в Саратовской митрополии. Рассматриваются основные функции, формы, виды, уровни, типологические свойства современных воскресных школ для детей. **Ключевые слова:** воскресная школа, Русская православная церковь, система религиозного образования, Саратовская митрополия.

Sunday School in the Religious Education System of the Russian Orthodox Church

E. I. Ufimtzeva

The article is devoted to theoretical analysis of the phenomenon of Sunday school in the religious education system of the Russian Orthodox Church. Discusses the origin and historical development of the Sunday school in Russia. The structure of the modern system of religious education of the Russian Orthodox Church, describes the features of the organization of religious education in the Saratov diocese. Describes basic functions, forms, types, levels, typological properties of the modern Sunday schools for children.

Key words: sunday school, Russian Orthodox Church, religious education system, Saratov diocese.

Религиозное образование и воспитание традиционно являлось приоритетным направлением деятельности Русской православной церкви (РПЦ). Однако в современных условиях крайней секулярности социокультурной среды, утраты семьей основополагающей функции первичной религиозной социализации церковное образование в России становится главным институтом воспроизводства православной религиозности. В связи с этим изучение процесса возрождения традиций церковно-приходского воскресного образования, места воскресных школ в системе религиозного образования РПЦ, их функциональной значимости, основных направлений деятельности, особенностей организации приобретает особую актуальность и значимость.

Изучение православной воскресной школы в России имеет свои традиции, прежде всего в области педагогических исследований. Важность воскресных школ в распространении грамотности и религиозно-нравственном воспитании была отмечена основателями русской педагогики Н. И. Пироговым и К. Д. Ушинским. Об истории создания первых воскресных школ писали дореволюционные исследователи Я. В. Абрамов, Д. Вольфсон, И. Пиотровский, М. Н. Салтыкова, Н. В. Чехов. В советский период опыт воскресных школ рассматривался в работах М. Я. Ближневской, И. Т. Дронова, П. С. Ткаченко. Современные педагогические исследования воскресной школы посвящены изучению разных аспектов данного феномена: истории становления и развития воскресных школ в России (А. В. Агеева, А. В. Духавнева, Т. В. Лодкина, Л. А. Марченко, Е. А. Никитская, М. В. Попинова); организации образовательной и воспитательной деятельности воскресных школ (А. В. Агеева, И. В. Архангельская, Г. С. Ващенко, Г. М. Лохонова, А. В. Ляпина); особенностям церковного образования для взрослых (Т. В. Качала); культурно-художественному потенциалу воскресных школ (Н. В. Константинова, И. В. Парамонов, Л. А. Трубникова). Несмотря на достаточную разработанность проблемы российского церковно-приходского воскресного образования в педагогическом дискурсе, данная проблема относится к неизученным вопросам в современной отечественной социологии.

История возникновения и развития воскресных школ в России

Исследователи отмечают, что понятие «воскресная школа» появляется в педагогической литературе в середине XIX в. одновременно с массовым распространением самих воскресных школ¹. В то время к воскресным школам относили образовательные учреждения двух типов: во-первых, церковные школы, предназначенные для конфессионального воспитания детей и юно-

шей; во-вторых, школы, обеспечивающие доступ к получению грамотности людям, не имеющим возможности учиться в обычных школах, – «общеобразовательные» воскресные школы. Общим для этих двух категорий воскресных школ было то, что занятия в них проходили по выходным или праздничным дням.

Первые воскресные церковные школы появились в 1750 г. при иркутских и нерчинских монастырях, но к концу XVIII в. они были закрыты. Второй период развития церковных воскресных школ в России начинается с середины XIX в. Создавались они преимущественно при иноверческих приходах (католических, протестантских) и в тех районах, в которых были сильно распространены еретические учения. Для Русской православной церкви церковные воскресные школы не были характерны, что объясняется рядом причин. Во-первых, до революции первичная религиозная социализация проходила в православной семье и православной культурной среде, и через семью и среду дети получали основные вероучительные знания о Боге, мире, человеке и навыки христианской морали. Во-вторых, Закон Божий – основная вероучительная учебная дисциплина – преподавался во всех начальных и средних учебных заведениях Российской империи. В-третьих, воскресные церковные школы были только дополнительной формой конфессионального образования, получение которого осуществлялось преимущественно через обычные церковно-приходские школы. В-четвертых, малоукрепленность православных приходов священнослужителями и их чрезмерная занятость делали невозможным организацию системы воскресного обучения.

В то же время вторая категория воскресных школ, создаваемых по частной и общественной инициативе при университетах, гимназиях, фабриках, заводах, получила значительное распространение. Целью таких школ было обучение всех желающих грамоте. Основная часть населения России была безграмотна, поэтому потребность в получении элементарного образования была значительна. Первой такой воскресной школой принято считать школу, открытую в Киеве группой студентов Киевского университета и Киевской духовной академии 11 октября 1859 г. по инициативе профессора Киевского университета П. В. Павлова и при активном участии известного русского педагога и хирурга Н. И. Пирогова. В Москве первая воскресная школа была учреждена 12 июня 1860 г. С течением времени народные воскресные школы получили общественное признание, их существование было закреплено законодательно, и к началу 60-х гг. XIX в. они были организованы не только в городах, но и в сельской местности. Количество воскресных школ данного типа выросло до трехсот. Как отмечает А. В. Агеева, постепенно выявились особенности, присущие воскресным шко-

лам и отличающие их от других образовательных учреждений:

- «организация занятий по выходным дням и праздникам;
- малочисленные и разновозрастные группы;
- отсутствие платы за обучение;
- отсутствие возрастных и сословных ограничений для обучающихся;
- прием в течение года и связанное с этим постоянное обновление состава учащихся;
- свободное посещение занятий;
- наличие внеклассных занятий (праздников, чаепитий и пр.);
- организация библиотек при школах»².

К концу XIX – началу XX в. количество «общеобразовательных» воскресных школ стало постепенно сокращаться. Так, в 1899 г. было официально зарегистрировано 487 школ, в 1907 г. их оставалось уже 182. Это было связано с рядом причин, прежде всего экономического, кадрового и политического характера. Особенно остро встала проблема использования народных воскресных школ для пропаганды революционных идей и превращения их в революционные кружки или собрания.

После Октябрьской революции 1917 г. и реформы системы образования опыт воскресных школ был заложен в основу учебно-образовательной деятельности таких учебных заведений, как народные университеты, воскресные университеты, школы рабочей и сельской молодежи.

Возрождение православного церковно-приходского образования и православных воскресных школ в России начинается в 90-х гг. XX в. с учреждения Синодального отдела религиозного образования и катехизации (1991 г.), основной задачей которого стало осуществление общего руководства и контроля за организацией деятельности учебных заведений РПЦ начального, среднего и высшего религиозного образования.

Современная система религиозного образования РПЦ

Современная система религиозного образования РПЦ включает два уровня образовательных учреждений: духовные учебные заведения, осуществляющие подготовку священнослужителей, церковнослужителей, богословов и церковных работников на базе высших и средних специальных учебных заведений, и образовательные учреждения для мирян.

Образовательная деятельность духовных учебных заведений находится под непосредственным руководством Патриарха Московского и всея Руси, осуществляемым через Учебный комитет РПЦ. В соответствии с действующим Уставом об управлении РПЦ Учебный комитет Русской православной церкви, учрежденный в

1867 г. и воссозданный в 1945 г., является отделом при Священном синоде. Возглавляет Учебный комитет архиепископ Верейский Евгений (Решетников), кандидат богословия, профессор, ректор Московской духовной академии. В функции Учебного комитета входят: административная, обеспечивающая общность организации и функционирования духовных школ; контрольно-лицензионная; учебно-методическая, включающая разработку единых стандартов, учебных программ, принципов воспитательной работы, учебников, пособий и методик. Учебный комитет организует церковную научную деятельность, содействуя развитию православной богословской науки в России и за рубежом, а также формированию научного межконфессионального диалога.

Образовательная деятельность духовных учебных заведений регулируется законодательством РФ, нормативными документами Болонского процесса и общецерковными документами. Нормативно-правовую базу духовных учебных заведений формируют: федеральные законы, содержащие основные принципы организации и реализации образовательной деятельности, в том числе Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с учетом изменений от 21.07.2014); постановления Правительства РФ об организации деятельности в сфере образования; приказы Министерства образования и науки РФ; документы Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора); Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлению подготовки 48.03.01 «Теология» (уровень высшего образования бакалавриата, высшего образования магистратуры, высшего образования аспирантуры). Базу общецерковных документов составляют: Устав Русской Православной Церкви от 2000 г. в редакции 2013 г. (Глава VIII. Московская Патриархия и Синодальные учреждения; Глава XVIII. Духовные учебные заведения); Доклад Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Поместном соборе Русской православной церкви (Москва, 27–29 января 2009 г.); постановления Архиерейского собора и Архиерейских совещаний; постановления Священного синода; Концепция высшего духовного образования Русской Православной церкви от 21.08.2007; Концепция дальнейшего реформирования системы духовного образования Русской Православной церкви от 22.03.2011; Церковный образовательный стандарт высшего образования специалиста в области православного богословия (Семинария); Церковный образовательный стандарт подготовки специалиста высшей научной квалификации в области православного богословия (академия); Типовой устав духовной семинарии от 25 декабря 2014 г.

В настоящее время система духовных учебных заведений Русской православной церкви включает 86 организаций³:

1. Общецерковную аспирантуру и докторантуру имени святых Кирилла и Мефодия. На декабрь 2014 г. в Общецерковной аспирантуре и докторантуре обучались 225 человек:

– по кандидатской программе – 101 человек (в том числе 1-й курс – 29; 2-й курс – 31; 3-й курс – 18; 4-й курс – 16; рекомендованные к защите – 7 человек);

– по докторской программе – 23 человека (в том числе 1-й курс – 3; 2-й курс – 6; 3-й курс – 10; с продленным сроком – 1; рекомендованные к защите – 3 человека);

– соискатели и прикрепленные к кафедрам – 52 человека;

– по магистерской программе – 49 человек (в том числе 1-й курс – 11; 2-й курс – 17; с продленным сроком – 3; рекомендованные к защите – 5; дорабатывающих работы – 13 человек)⁴.

2. Духовные академии – 6: две на территории РФ (Московская и Санкт-Петербургская духовные академии), две на территории Украины (Киевская духовная академия, Ужгородская Украинская богословская академия им. святых Кирилла и Мефодия), одна на территории Белоруссии (Минская духовная академия), одна на территории Молдовы (Кишиневская духовная академия).

3. Православные университеты – 4: три на территории РФ (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва), Российский православный университет (г. Москва), Царицынский православный университет им. преп. Сергия Радонежского (г. Волгоград)), один на территории Украины (Луганский богословский университет в честь Архистратига Михаила).

4. Богословские институты – 2: один на территории РФ (Новосибирский Свято-Макарьевский православный богословский институт (НСМПБИ) (г. Обь)), один на территории Украины (Черновицкий православный богословский институт).

5. Семинарии – 42: 35 на территории РФ, 6 на территории Украины, 1 на территории Белоруссии.

6. Духовные училища и пасторские курсы – 31: 22 училища и 1 пасторские курсы на территории РФ, 6 училищ на территории Украины, 2 училища на территории Белоруссии.

Религиозное образование мирян осуществляется на общецерковном, епархиальном, благочинническом и приходском уровнях⁵. На общецерковном уровне данную деятельность возглавляет Синодальный отдел религиозного образования и катехизации РПЦ⁶. Отдел осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими синодальными учреждениями Русской православной церкви, высшими православными

учебными заведениями, а также Министерством образования и науки РФ и других стран канонического присутствия Русской православной церкви. Председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской православной церкви – митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий (Иванов), член Высшего церковного совета Русской православной церкви, член Президиума Межсоборного присутствия Русской православной церкви. Отделом осуществляются координация и оказание методической и информационной помощи епархиям в обеспечении образовательной деятельности, рецензирование и грифование православной учебной литературы. Информационно-аналитическая служба отдела совместно с Российским православным университетом осуществляет издание журнала «Православное образование».

На епархиальном уровне религиозное образование мирян осуществляют профильные епархиальные отделы, общее руководство которыми осуществляют правящие архиереи. На уровне благочиния образовательную деятельность координирует ответственный штатный сотрудник, который подчиняется благочинному и согласовывает свою деятельность с председателем профильного епархиального отдела (профильным ответственным епархиальным сотрудником). На уровне церковного прихода общая организация, координация и контроль религиозно-образовательной работы находятся в компетенции настоятеля, а также штатного приходского катехизатора в тех приходах, где есть возможность создать такую должность.

Основу религиозного образования для мирян составляет процесс катехизации. Катехизация определяется РПЦ как «содействие уверовавшему в Бога человеку в сознательном и ответственном вхождении в жизнь Церкви, в обретении им основ православного мировоззрения и православного образа жизни»⁷. Основным содержанием катехизации является наставление уверовавшего в Бога человека в нравственных нормах христианства, сообщение ему главных вероучительных истин, ознакомление его со Священным Писанием как Божественным Откровением, приобщение его к литургической жизни Церкви, к святоотеческому молитвенному и аскетическому опыту.

Основными направлениями религиозного образования РПЦ для мирян являются:

– дошкольное православное воспитание в детских садах и яслях;

– общее начальное и среднее образование в православных школах, гимназиях и лицеях;

– преподавание Основ православной культуры (ОПК) – учебного предмета, включенного Министерством образования и науки Российской Федерации в школьную программу (4-й класс средней общеобразовательной школы) в качестве федерального образовательного компонента

в рамках курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ);

– церковно-приходские (воскресные) школы для детей;

– катехизация для взрослых.

К сожалению, в открытом доступе актуальной и полной информации о количестве тех или иных церковных учебных заведений РПЦ для мирян нами обнаружено не было. Так, в работе Е. А. Никитской предлагаются статистические данные за 2004–2007 гг.⁸ Согласно этим данным, в Русской православной церкви на 2004 г. насчитывалось 9468 воскресных школ, из них в России – 4696, на Украине – 3044, в Белоруссии – 447, в Молдавии – 955, в странах СНГ и Балтии – 260, в дальнем зарубежье – 66. На начало 2007 г. количество церковно-приходских воскресных школ достигло десяти тысяч. Доступны данные по количеству церковно-приходских воскресных школ на 2014 г., но только по Московской епархии, в которой таких учебных заведений было зарегистрировано 279 с обучающимися в них соответственно 12093 детей и 6841 обучающимся взрослым⁹.

Саратовская митрополия, образованная 6 декабря 2011 г. в границах Саратовской и Вольской епархий, включает Саратовскую епархию (возглавляет митрополит Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин)), Балашовскую епархию (возглавляет епископ Балашовский и Ртищевский Тарасий (Владимиров)), Покровскую епархию (возглавляет епископ Покровский и Николаевский Пахомий (Брусков)). Главой митрополии является митрополит Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин).

На уровне епархий религиозное образование в Саратовской митрополии организуют и координируют епархиальные отделы религиозного образования и катехизации. Так, в Саратовской епархии отдел религиозного образования и катехизации возглавляет протоиерей Сергей Штурбабин. Систему духовных учебных заведений Саратовской епархии составляют две организации¹⁰:

1. Саратовская православная духовная семинария (СПДС) (1830 г.), осуществляющая профессиональную подготовку по специальности «Православное богословие», направлению 48.03.01 «Теология» на базе очного и заочного отделений. В 2014/2015 учебном году набор проводился на две образовательные программы: по Церковному образовательному стандарту; по Федеральному государственному образовательному стандарту 48.03.01 «Теология». По результатам вступительных экзаменов на 1-й курс по специальности «Православное богословие» было зачислено 12 человек; на 1-й курс по направлению 48.03.01 «Теология» – 16 человек. Итого 28 человек. Общее количество студентов очного отделения СПДС составляет 70 человек. На сектор заочного обучения было зачислено 15 человек. Общее

количество студентов заочного отделения СПДС – 110 человек из 21 епархии РПЦ.

2. Межъепархиальное женское духовное училище во имя святой преподобномученицы великой княгини Елисаветы (2006 г.). Обучение в училище осуществляется по двум направлениям:

– регентское отделение. Срок обучения – 4 года (после 11, 9 классов). По окончании выпускницам выдается диплом по специальности «регент церковного хора, преподаватель церковного пения»;

– подготовка сестер милосердия. Срок обучения – 3 года для выпускниц 11 класса. По окончании выдается диплом государственного образца по специальности «медицинская сестра» и епархиальный диплом по специальности «сестра милосердия, социальный работник». В 2014 г. на отделение сестер милосердия принята 1 воспитанница. На регентское отделение приняты 9 человек, 2 – на заочную форму обучения. Всего в учебном центре обучаются 33 человека.

Религиозное образование для мирян осуществляют следующие учебные заведения Саратовской епархии:

1. Дошкольные православные образовательные учреждения (2):

– «Детский развивающий центр «Колосок» при храме во имя святой равноапостольной Марии Магдалины г. Саратова (2014 г.). Организованы три группы ухода и присмотра для детей от 2 до 6 лет с полным дневным пребыванием, питанием и сном. Сейчас в центре 47 воспитанников;

– Общеразвивающая студия при храме во имя святой равноапостольной Марии Магдалины г. Саратова, которую посещают 39 детей от 2 до 5 лет. Для них несколько раз в неделю проводятся занятия по основам православной веры, занятия с логопедом.

2. Православные гимназии (3):

– Свято-Покровская православная классическая гимназия г. Саратова (2007 г.). По данным на начало 2014/2015 учебного года, в 1–11 классах гимназии обучались 174 ученика. В 2013/2014 учебном году в гимназии было 5 выпускников-одинадцатиклассников. Все они успешно прошли итоговую аттестацию в форме ЕГЭ. Два выпускника поступили в СПДС, три девушки-выпускницы – в Саратовский государственный университет;

– Хвалынская православная классическая гимназия во имя святого мученика Александра Медема (2010 г.). В 2014 г. она получила конфессиональное представление (документ, который выдается Синодальным ОРОК и дает гимназии право реализовывать программы православного компонента образования) и прошла аттестацию, получив свидетельство о государственной аккредитации. В 2014/2015 учебном году в Хвалынскую православную гимназию приняты 10 человек. Всего обучаются 40 детей с 1-го по 5-й класс;

– Русская православная классическая гимназия имени преподобного Сергия Радонежского г. Саратова (2014 г.).

3. Общеобразовательные учреждения в рамках преподавания Основ православной культуры. Общее количество школ на территории Саратовской епархии составляет 314. Из них в 2014/2015 учебном году ОПК вне рамок ОРКСЭ, в качестве школьного компонента преподается в 124 общеобразовательных учреждениях. В качестве модуля ОРКСЭ ОПК выбрали 72% четвероклассников по Саратовской области (15 293 человека), по Саратовской епархии – 74% (7482 четвероклассника).

4. Церковно-приходские воскресные школы. На начало 2014/2015 учебного года результаты такие: в епархии – 37 воскресных школ, 22 воскресные учебно-воспитательные группы. Центров духовно-нравственного воспитания в Саратовской епархии было решено пока не создавать из-за необходимости приводить материально-техническую базу заявителей в соответствие с государственными требованиями. По данным отдела, воскресные школы всех типов посещает 2331 человек, из них: детей – 1386, взрослых – 945.

В Покровской епархии отдел религиозного образования и катехизации возглавляет протоиерей Александр Милованов. В своей деятельности отдел руководствуется общецерковными документами, регламентирующими религиозно-образовательную деятельность, а также Положением об отделе религиозного образования и катехизации Покровской и Николаевской епархии от 2012 г. и указами правящего архиерея Покровской и Николаевской епархии.

Основными направлениями работы отдела являются¹¹:

- образование и религиозное просвещение;
- катехизаторская деятельность; организация и проведение огласительных бесед перед совершением Таинства крещения; бесед перед совершением Таинства венчания; организация и подготовка богословско-педагогических и катехизаторских курсов с целью подготовки специалистов в области катехизации;
- курирование работы действующих и инициация создания новых духовно-просветительских центров, катехизических курсов, воскресных школ для детей и взрослых, координирование реализации иных форм духовно-просветительской деятельности;
- организация церковных курсов (псаломщиков, регентов, звонарей и др.);
- духовно-просветительская работа в государственных и светских общеобразовательных и детских дошкольных учреждениях;
- духовно-просветительская работа в государственных высших и средних специальных учебных учреждениях;
- духовно-просветительская работа в обществах и учреждениях для инвалидов;

– формирование православных библиотек в учебных заведениях;

– организация и проведение православных конференций, семинаров и олимпиад;

– духовно-просветительская и массовая деятельность;

– работа по информированию общественности об опасной деятельности тоталитарных сект;

– учебно-методическое сопровождение организации летнего отдыха для детей из православных семей.

Образовательная работа в Покровской епархии осуществляется на уровне благочиний и приходов. На уровне благочиния общая организация, координация и контроль катехизической и религиозно-образовательной работы ведутся под руководством благочинного. Распоряжением № 12 от 21 августа 2013 г. епископа Покровского и Николаевского Пахомия в благочиниях епархии создана структура помощников благочинных по вопросам религиозного образования и катехизации. На приходском уровне общая организация, координация и контроль катехизической и религиозно-образовательной работы находятся в компетенции настоятеля. Для обеспечения координации деятельности воскресных школ епархии 16 февраля 2013 г. был создан Совет директоров воскресных школ Покровской епархии. В течение года регулярно проходят встречи правящего архиерея с ответственными помощниками благочинных по религиозному образованию и катехизации, директорами воскресных учебно-воспитательных групп приходов Покровской епархии. На этих встречах подводятся итоги работы за полугодие, планируются мероприятия на предстоящий учебный год.

В свободном доступе данных о количестве воскресных школ и иных образовательных учреждений для мирян в Балашовской епархии найдено не было.

Особенности организации воскресных школ для детей РПЦ

В общецерковных документах РПЦ церковно-приходская воскресная школа определяется как основная форма православного воспитания детей и подростков в приходе. В своей деятельности воскресная школа руководствуется действующим законодательством РФ, нормативными документами Русской православной церкви (Устав Русской православной церкви от 2000 г. в ред. 2013 г.), Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной церкви (Положение о деятельности воскресных школ (для детей) Русской православной церкви на территории РФ от 2012 г., Устав центра духовно-нравственного воспитания местной религиозной организации православного прихода храма от 2012 г., Стандарт учебно-воспитательной дея-

тельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской православной церкви на территории РФ от 2012 г., Положение об аттестации воскресных школ (для детей) РПЦ на территории РФ от 2014 г.), решениями архиерейских соборов РПЦ («О задачах Русской Православной церкви в области религиозного образования» от 1994 г.), постановлениями Священного синода РПЦ («О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной церкви» от 2011 г.), документами епархии (указами и распоряжениями епархиального архиерея).

Современные воскресные школы РПЦ подразделяются на три типа¹²:

- а) воскресная учебно-воспитательная группа;
- б) воскресная школа, не имеющая статуса юридического лица (являющаяся структурным подразделением религиозной организации Русской православной церкви);
- в) центр духовно-нравственного воспитания, являющийся самостоятельным юридическим лицом.

Учебно-воспитательная деятельность, реализуемая в воскресной школе для детей, включает в себя три ступени:

- а) дошкольная (набор детей в возрасте 5–6 лет) – с ориентировочным сроком обучения (максимально 2 года);
- б) начальная (набор детей в возрасте 7–11 лет) – с ориентировочным сроком обучения (максимум 4 года);
- в) основная (набор детей в возрасте 12–16 лет) – с ориентировочным сроком обучения (максимально 4 года).

Ребенок, поступающий в воскресную школу, зачисляется на ступень, соответствующую возрастной категории.

Целью церковно-приходской школы является воспитание детей в системе христианских ценностей и норм поведения, обучение их основам православного вероучения, формирование навыков церковной жизни – участие в богослужениях, церковных Таинствах, а также в социальной и благотворительной деятельности прихода. Задачами дошкольной ступени являются православное воспитание и развитие детей, осуществляемые через приобщение к богослужбной жизни Церкви, игровую, творческую и развивающую деятельность, а также через взаимное общение. Задачами начальной ступени являются обучение основам православного вероучения, православное воспитание, развитие детей, приобщение их к литургической жизни Церкви, приобретение первичных навыков и начального опыта церковной жизни. Задачами основной ступени являются обучение основам православного вероучения, усвоение детьми знаний о вере, осознанное участие в богослужении и Таинствах Церкви, применение полученных знаний в повседневной жизни, формирование навыка ежедневной домашней молитвы, последующее приобщение к

социальной, миссионерской, молодежной деятельности прихода (посещение больниц, издание приходской газеты, организация клубов молодежного общения и т. п.).

Учебно-воспитательный процесс в воскресной школе организуется на базе учебного плана, соответствующего типовому учебному плану, утвержденному Отделом религиозного образования и катехизации Русской православной церкви. Учебно-воспитательная деятельность воскресной школы включает основную (вероучительную) часть и дополнительную часть. Основная (вероучительная) часть представляет собой комплекс базовых вероучительных программ (дисциплин), направленных на усвоение воспитанниками знаний о православном вероучении, богослужении и истории Церкви, а также приобщение их к литургической жизни Русской православной церкви. В дополнительную часть учебно-воспитательной деятельности входит комплекс занятий в областях художественного и музыкального творчества, спорта и туризма. Вероучительным предметом дошкольной ступени подготовки является «Введение в Закон Божий» (28 часов). Вероучительными предметами начальной ступени являются: «Закон Божий» (112 часов), включающий «Священную библейскую историю» (56 часов), «Устройство православного храма и богослужение» (28 часов), «Историю Церкви» (14 часов), «Основы христианской нравственности» на основе Евангелия и житий святых (42 часа); «Церковно-славянский язык» (84 часа) и «Основы хорового и церковного пения» (28 часов). Вероучительными предметами основной ступени являются: «Священное Писание: Ветхий и Новый Завет» (70 часов); «Православное Богослужение» («Литургика») (28 часов); «Основы православного вероучения» («Катехизис») (42 часа); «История Христианской Церкви» (56 часа), «Христианская этика» (28 часов). Количество часов может быть отличным и утверждается епархиальным отделом религиозного образования и катехизации. Дополнительную часть учебно-воспитательной деятельности воскресной школы формируют: духовное краеведение, хореография, рисование, драматический кружок, бисероплетение, рукоделие, рукопашный бой, скаутинг, гончарное искусство и прочие учебные модули, перечень которых определяется педагогическим советом воскресной школы.

Для достижения основных целей и задач воскресная школа осуществляет следующие виды деятельности:

- а) проведение занятий религиозной и духовно-нравственной направленности;
- б) проведение дополнительных лично-социально ориентированных занятий (художественно-эстетических, исторических, научно-технических, социально-педагогических, физкультурно-спортивных, культурологических, естественнонаучных, туристско-краеведческих,

социально-экономических), направленных на воспитание активной и многогранной личности христианина;

в) проведение методической работы, направленной на совершенствование учебно-воспитательного процесса, программ, форм и методов деятельности;

г) организация военно-патриотических, военно-спортивных, археологических, молодежных отрядов;

д) организация и проведение массовых мероприятий, создающих необходимые условия для совместного труда, отдыха детей и родителей (лиц, их заменяющих);

е) организация в установленном порядке досуговых и оздоровительных лагерей и туристических баз, создание различных объединений с постоянным или переменным составом детей в лагерях (загородных или с дневным пребыванием) на своей базе, а также по месту жительства детей;

ж) организация и проведение выставок, олимпиад, конкурсов, соревнований, концертов, конференций.

Как показал анализ деятельности воскресных школ г. Москвы, осуществленный Е. А. Никитской, наиболее типичными для них являются такие направления работы, как катехизическое (просветительское), социальное служение, культурно-образовательное, военно-спортивное¹³. Воскресные школы катехизического направления ориентированы, прежде всего, на воспитание в вере через обучение православному вероучению и христианской нравственности. В воскресных школах социального направления дети принимают активное участие в оказании религиозно-педагогической и социальной помощи нуждающимся. Основой деятельности воскресных школ культурно-образовательного направления является художественное творчество. Военно-спортивное направление воскресных школ реализуется через участие детей в спортивных секциях, военизированных мероприятиях.

Исследование воскресных школ Московской, Санкт-Петербургской, Казанской епархий, проведенное А. В. Агеевой, показало, что в зависимости от преобладающего вида деятельности воскресные школы можно подразделить на «богословские», «воспитательные», «историко-патриотические», «семейные», «миссионерские», «творческие», «смешанные», «паломнические», «многопрофильные»¹⁴. Как отмечает исследователь, в воскресных школах богословского типа большое внимание уделяется преподаванию азов богословия: литургического, догматического, сравнительного, нравственного. Школы данного типа встречаются редко, в отличие от «воспитательных» воскресных школ, в которых главное внимание уделяется духовно-нравственному и религиозному воспитанию детей и подростков. Воспитанники этих школ принимают участие в

поздравлении ветеранов, детей из детских домов, помогают на территории храма. Основополагающей деятельностью воскресных школ историко-патриотического типа является военно-патриотическая работа: военные учения, военизированные лагеря или экскурсии в воинские части. В школах семейного типа образовательным процессом охвачены не только дети, но и их семьи. Миссионерские воскресные школы характеризуют активное взаимодействие с другими воскресными школами, общеобразовательными учреждениями, детскими домами, больницами и т. д. Особенность «творческих» воскресных школ заключается в том, что такие школы организуют свою деятельность вокруг какой-либо досуговой деятельности – подготовка концертов и спектаклей, детский хор или художественная студия. К смешанному типу воскресных школ А. В. Агеева относит такие школы, которые не определили для себя основной вид воспитательно-образовательной деятельности, и потому их учебно-воспитательный процесс характеризует спонтанный и бессистемный характер. Воскресные школы паломнического типа организуются в случае, когда приход не обладает достаточными материально-техническими и методическими ресурсами обеспечения учебно-воспитательного процесса и общение детей строится вокруг организации совместных паломнических маршрутов. «Многопрофильные» воскресные школы, обладая достаточной методической и материально-технической базой, способны системно реализовать дополнительные программы разных направлений: религиозное образование, детский военно-патриотический клуб, художественно-эстетическое мастерство.

Воскресная школа самостоятельно организует общую проверку результатов учебно-воспитательной деятельности, используя разные формы контроля, преимущественно творческие. По итогам аттестации выпускнику воскресной школы выдается диплом установленного образца, заверенный печатью учредителя или воскресной школы.

Порядок работы современных воскресных школ достаточно подробно представлен в исследованиях А. В. Агеевой¹⁵. Она указывает, что 70% воскресных школ начинают занятия в сентябре. При этом 11% – 1 сентября, а 18% – 14 сентября (день церковного новолетия); 18% воскресных школ начинают работу в октябре. Заканчивается учебный год для воскресных школ в мае (59%) и июне (более 17%). Зимние каникулы устраиваются на Святках, т. е. от праздника Рождества Христова (7 января) до праздника Крещения Христова (19 января). Летние каникулы длятся преимущественно с мая по июнь. Время занятий, как отмечает исследователь, для каждой школы индивидуально. В основном они проводятся в воскресенье после литургии (74%), а также в субботу перед всенощной (44%). В за-

висимости от учебной программы, контингента учащихся срок обучения в воскресных школах – от полугода до 10 лет.

Внутреннюю организационную структуру воскресной школы формируют: духовник, который является чаще всего настоятелем храма и возглавляет воскресную школу; директор воскресной школы, в качестве которого опять же может выступать настоятель или клирик храма или активные прихожане с педагогическим опытом работы; педагоги; родительский комитет.

Контингент воспитанников разнообразен. Несмотря на то что в школах могут обучаться люди от 2 до 80 лет, в основном их посещают дети в возрасте от 7 до 15 лет. Основную группу воспитанников составляют дети из воцерковленных семей, где родители являются активными прихожанами. В то же время нередки случаи, когда детей приводят далекие от церкви люди с целью занять их чем-либо и уберечь от празднотства. Как отмечает А. В. Агеева, дети священников редко посещают воскресные школы, так как основную религиозную социализацию проходят в семьях.

Итак, как показал анализ особенностей организации церковно-приходского воскресного образования РПЦ, данная форма религиозного воспитания и обучения сложилась в России во второй половине XIX в. Однако в условиях сформировавшейся к тому времени системы православного церковного образования особой необходимости в воскресных школах как дополнительном институте религиозной социализации не было. На современном этапе восстановления РПЦ и институтов воспроизводства православной конфессиональности церковно-приходские воскресные школы занимают основное место в системе церковного воспитания и образования для мирян. Новые социокультурные условия существования Православной церкви определяют изменение социального статуса воскресных школ, их функциональности, типологического разнообразия, характера организации, а также, можно предположить, системы социальных отношений, моделей социального взаимодействия и социальных практик основных субъектов церковно-приходского воскресного образования, что нам и предстоит изучить в рамках дальнейших исследований.

Примечания

- 1 См.: Агеева А. В. Церковно-приходские воскресные школы : история возникновения и тенденции развития // Вестн. ПСТГУ. Сер. 4 : Педагогика. Психология. 2010. Вып. 3 (18). С. 58–66.
- 2 Там же. С. 63–64.
- 3 См.: Учебные заведения РПЦ // Учебный комитет Русской Православной церкви. URL: http://www.uchkom.info/index.php?option=com_content&view=section&id=2&Itemid=55 (дата обращения: 15.02.2015).

- 4 См.: Приложение к докладу Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (23 декабря 2014 года). URL: <http://pravobraz.ru/prilozhenie-k-dokladu-svyatejshego-patriarxa-kirilla-na-eparxialnom-sobranii-g-moskvy-23-dekabrya-2014-goda/> (дата обращения: 15.02.2015).
- 5 См.: О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной церкви // Православное образование. Синодальный отдел религиозного образования и катехизации. URL: <http://pravobraz.ru/o-religiozno-obrazovatelnom-i-katexizicheskom-služhenii-v-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/> (дата обращения: 15.02.2015).
- 6 См.: Православное образование. Синодальный отдел религиозного образования и катехизации. URL: <http://pravobraz.ru/> (дата обращения: 15.02.2015).
- 7 Рекомендации и инструкции «Об организации катехизической деятельности Русской Православной церкви». URL: <http://pravobraz.ru/rekomendacii-instrukcii-ob-organizacii-katexizicheskoj-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/> (дата обращения: 15.02.2015).
- 8 См.: Никитская Е. А. Воскресная школа как феномен педагогической действительности. История и современность // Вестн. ПСТГУ. Сер. 4 : Педагогика. Психология. 2008. Вып. 2 (9). С. 121–132.
- 9 См.: Приложение к докладу Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (23 декабря 2014 года).
- 10 См.: Доклад Митрополита Саратовского и Вольского Лонгина на Епархиальном собрании Саратовской епархии // Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской епархии. URL: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/doklad-mitropolita-longina-na-eparxialnom-sobranii-saratovskoj-eparkhii-2014> (дата обращения: 15.02.2015).
- 11 См.: Положение об отделе религиозного образования и катехизации Покровской и Николаевской епархии. URL: <http://pravpokrov.ru/eparchy/departments/religious-education.php/> (дата обращения: 15.02.2015).
- 12 См.: Стандарт учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной церкви // Православное образование. Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной церкви. URL: <http://pravobraz.ru/standart-uchebno-vozpitatelnoj-deyatelnosti-realizuemoj-v-voskresnyx-shkolax-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/> (дата обращения: 15.02.2015).
- 13 См.: Никитская Е. А. Православная воскресная школа как воспитательная организация // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15, № 1. С. 114–117.
- 14 См.: Агеева А. В. Церковно-приходские воскресные школы : история возникновения и тенденции развития // Вестн. ПСТГУ. Сер. 4 : Педагогика. Психология. 2010. Вып. 4 (19). С. 43–55.
- 15 Там же. С. 48–50.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316(470+571)+929 Герцен Чернышевский

НАРОДНИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ, ИСТОКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

А. А. Завгородный

Саратовский государственный университет
E-mail: zav88@mail.ru

В статье анализируются условия формирования социалистического общественного идеала в России середины XIX в. Описывается наличие двух основных версий общественной мысли, определивших формат социалистического общественного идеала. Акцентируется специфика идеала крестьянского общинного социализма как общественного идеала, определившего пространство рефлексии отечественной народнической социологии. **Ключевые слова:** крестьянская община, русский общинный социализм, крестьянская революция.

Narodniks Socialist Public Ideal, Sources: Sociological View

А. А. Zavgorodnyi

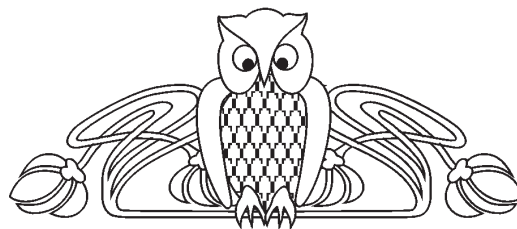
In article conditions the socialist public ideal formation in Russia of the middle of the 19th century are analyzed. Existence of two main versions of social thought which defined a format of a socialist public ideal is described. Specifics of a country communal socialism ideal as the public ideal, which defined space of a reflection of domestic narodniks sociology are accented.

Key words: country community, Russian communal socialism, country revolution.

Народничество традиционно рассматривается как особое явление российской общественной жизни второй половины XIX столетия. Само возникновение и развитие этого феномена вполне правомерно связывается с таким социальным образованием, как русская интеллигенция. По мнению Н. А. Бердяева, идея «печалования и сострадания о неправде и рабстве человека»¹ пронизывает все общественное сознание России второй половины XIX в.

В это время общественное движение России образует три ветви: консерваторы, либералы и радикалы. Каждое – со своими идеологическими знаменами, кристаллизующими соответствующие системы ценностей, общественных идеалов, отражающих интересы определенных социальных слоев. В этом плане российская история мало чем отличается от истории других обществ. В кризисные периоды развития всегда наблюдается подъем общественных движений и, как следствие, растет идейное противостояние.

Применительно к России подъем общественного движения определялся рядом факторов. Во-первых, сохранялась прежняя социально-по-

литическая система, с самодержавным строем и привилегированным положением дворянства при отсутствии минимальных демократических свобод. Во-вторых, оставался нерешенным крестьянский вопрос, который в сплошь крестьянской стране был стержневым. Кроме этого, к основным социальным противоречиям добавились новые, вызываемые хотя и бурным, но медленным развитием капитализма. Вновь возникшие социальные противоречия между трудящимися и предпринимателями, буржуазией и консервативным дворянством, между режимом и народами, входившими в состав Российской империи, накладываясь на старые, не могли не активизировать общественное движение.

Важнейшей стороной общественного движения выступает общественная мысль, которая из-за этой центрированности не могла не быть чрезвычайно политизированной.

Можно отметить, что в этой ситуации идейно-политическая жизнь общества характеризуется двойственностью. С одной стороны, в обществе понималась необходимость обновления, что не могло не вести к определенному сближению разных идейных позиций в ходе воздействия на власть. С другой, сами действия властей в процессе реализации реформ и особенно их результаты вызывали серьезное напряжение идейно-политической борьбы, что не способствовало в целом общественной консолидации.

К тому же идейно-политические баталии шли на фоне политической индифферентности широких масс. Крестьянство, откликнувшееся волнениями на реформу, уже после 1861 г. резко снизило протестную активность, рабочее движение, по существу, себя не заявило. Монархические иллюзии народа не только сохранились, но и получили некоторое упрочение. Это, несомненно, укрепляло позиции консерватизма, с одной стороны, и мало способствовало деятельности радикалов, с другой. Все общественные движения исповедовали различные общественные идеалы, предлагали разные политические программы, организационные формы и методы политической деятельности, апеллировали к собственным духовным и морально-этическим максимумам. Отвлекаясь от консерваторов и либералов, остановимся на идейных позициях российских радикалов.

В истории радикального движения второй половины XIX в. хронологически выделяют три этапа: 60-е гг. – когда оформляется революционно-демократическая идеология и появляются подпольные разночинские кружки; 70-е гг. – оформление народничества как особого движения, что проявляется в широком размахе пропагандистской и агитационной, а также террористической деятельности; 80–90-е гг. – фиксируются снижение популярности и ослабление народничества, начинает набирать силы марксизм.

Все направления народничества, определявшие характер общественного движения второй половины XIX в., идейным основанием имели теорию специфического, небуржуазного развития России и «общинного социализма».

Сама динамика идеологических концептов в радикальной редакции, имеющих в качестве основы идеал социализма, может свидетельствовать о расхождении предлагаемого умозрительного конструкта с реальной социальной практикой. Понятно и объяснимо стремление интеллектуалов посредством разработки проектов совершенного общественного устройства осуществить подготовку общества, и прежде всего широкие крестьянские массы, к социальным изменениям.

Формирование и разработка концепта социалистического идеала в русской версии осуществлялась в двух центрах.

Один центр сложился вокруг герценовского «Колокола», издаваемого в Лондоне. Именно в редакции «Колокола» задается формат и осуществляется пропаганда «общинного социализма», критикуются условия освобождения крестьян. По мнению А. И. Герцена, русский крестьянский мир уже имеет три основы, определяющие возможность экономического переворота в направлении социализма: право каждого на землю, общинное владение землей, мирское управление. Эти начала воплощают элементы бытового, непосредственного социализма и дают возможность миновать стадию капиталистического развития: «Человек будущего в России – мужик, точно так же, как во Франции работник»².

Другой очаг сформировался в России и связан с деятельностью журнала «Современник». Центральной идеологической фигурой его стал Н. Г. Чернышевский.

Истоки формирования оригинальной герценовской трактовки социализма связаны с его разочарованием в характере и результате европейского прогресса, которые оказались далеки от идеала.

Б. М. Шахматов и А. И. Володин считают, что социалистическая мысль, сформулированная, прежде всего, в работах Герцена и Огарева, проявляется «как своеобразное осознание кризиса буржуазно-демократической идеологии, обнару-

жение ее тупиков, указание на ее ограниченность, как результат идейного поиска иных путей, чем те, по которым пошел послереволюционный Запад, как антибуржуазная форма общественного сознания»³. С этой позицией трудно не согласиться. Именно в это время А. И. Герцен пишет: «...государственные формы Франции и других европейских держав не совместимы по внутреннему своему понятию ни со свободой, ни с равенством, ни с братством»⁴. Акцентированный на преимуществе частной инициативы и предпринимательской хватки отдельных индивидов в противовес интересам общества, европейский общественный идеал, по его представлению, не соответствовал общественному прогрессу России.

Самая первая редакция идеи «русского социализма» представлена Герценом в 1849 г. в статье «Россия». Отмечая исторические успехи Западной Европы в теоретической и практической разработке положительных социальных идеалов, Герцен считает, что Запад практически отстоит от этих социальных идеалов дальше, чем Россия, так как сама общественная реальность уклада жизни русского народа аутентична этим идеалам. «То, что является для Запада, – пишет Герцен, – только надеждой, к которой устремлены его усилия, – для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем»⁵. Таким фактом является сельская община, в своем виде воплощающая общественный идеал социалистических теорий стран Западной Европы.

Герцен обращает внимание на ряд моментов, которые определяют специфику российской действительности: историческая длительность существования общины, ее генетическая связь со славянством, реальное равенство распределения земли, находящейся во владении общиной, отсутствие и ненужность института наследования земли, и, главное, подобный тип землевладения блокирует возможность широкого воспроизводства сельского пролетариата. «Итак, – резюмирует Герцен, – элементы, вносимые русским крестьянским миром, – элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, – состоят из трех начал, из: 1) права каждого на землю, 2) общинного владения ею, 3) мирского управления. На этих началах, и только на них, может развиваться будущая Русь». И продолжает: «...десять лет прежде освобождения крестьян мы проповедовали об их праве на землю. На нем и на сельском общинном и выборе самоуправлении основываем мы всю будущность русской социальной организации»⁶.

Особенно Герцен подчеркивает необязательность повторения западного пути, тем более что сам Запад, разочаровавшись в своей собственной действительности, задумывается о социалистических преобразованиях.

Будущее России связывалось им с изменениями экономических отношений, формирова-

нием и развитием отношений солидарности и поддержки между отдельными членами общества. Именно специфика и своеобразие социально-экономических связей в русской общине отвечали этим требованиям. Не случайно Герцен, опираясь на книгу А. Такстгаузена о русской общине, подчеркивает: «Каждая сельская община представляет собой в России маленькую республику, которая самостоятельно управляет своими внутренними делами, не знает ни личной земельной собственности, ни пролетариата и уже давно довела до степени совершившегося факта часть социалистических утопий; иначе жить здесь не умеют; иначе никогда даже здесь и не жили»⁷. Таким образом, нравственность русского крестьянства определялась его врожденным коллективизмом, который намного значительней индивидуалистических ориентаций европейцев. Именно это понимание составило основу герценовской концепции самобытного «русского социализма». «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»⁸.

Рассматривая герценовскую модель социализма, необходимо отметить и важнейшую составляющую – механизм достижения этого социалистического идеала. А. И. Герцен в 1865 г. писал: «Я и теперь еще убежден, <...> что мы можем идти далее по пути социального развития без общих потрясений, без экспроприации, без колонизации, без всех тех страшных вещей, которыми в Европе останавливают, как медузиной головой, естественный ход дел»⁹.

В то же время идея Герцена о «неревлюционном социализме» вызвала критику со стороны Н. Г. Чернышевского и его сторонников, которые исходили из понимания большей универсальности общественно-экономических процессов. Этим самым развивалась идея общности путей развития России и Европы. Вместе с тем, исповедуя социалистические идеалы, Чернышевский рассматривал возможность решения социальных проблем посредством революции как «последнего довода угнетенных».

Н. Г. Чернышевский соглашался с необходимостью и важностью просветительской деятельности интеллигенции, которая призвана просветить народ и подготовить его к грядущим социальным изменениям. Вместе с тем он считал, что эту миссию должны взять на себя не дворяне, а «новые люди», разночинцы. К этому социальному слою не праздных, а занятых по-

лезным делом, принадлежал (в отличие от дворянина-Герцена) и сам Чернышевский. Внимание к крестьянской общине к началу 1860-х гг. сменилось идеей более глубоких трансформаций, основанных на создании городских кооперативов и трудовых ассоциаций как в селах, так и в городах.

Два видения решения вопроса о «народном счастье» стали основанием существования в народническом движении течений – умеренного и радикального. Представители первого стремились к мирному преобразованию реальности, используя сложившиеся традиционные институты и системы ценностей с учетом этнокультурного своеобразия, с опорой на потенциал отечественной интеллигенции. Другие, разделявшие воззрения Чернышевского, желали быстрого, при необходимости насильственного, разрушения существовавшего режима и немедленного осуществления идеалов социализма.

Сторонники новой социалистической теории пытались связать идеи преобразования российской действительности, которые сохраняют свою значимость и сегодня. Их самобытные взгляды на осуществление перехода к социалистическому типу общества посредством сохранения института сельской общины стали краеугольными составляющими народнического общественного идеала, определившего не только характер общественного движения на целый исторический период, но и формирование целых социологических направлений. Становящаяся отечественная социология не могла не преломлять этого своеобразия общественно-го состояния. Не случайно специалисты отмечают высочайшую степень политической ангажированности отечественной социологии этого периода.

Примечания

- ¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философии культуры : сб. М., 1990. С. 66.
- ² Герцен А. И. Русский народ и социализм // Герцен А. И. Соч. : в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 166.
- ³ Володин А. И., Шахматов Б. М. Утопический социализм в России 1833–1883 // Утопический социализм в России : хрестоматия / под ред. А. И. Володина. М., 1985. С. 22.
- ⁴ Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1966. Т. 6. С. 54.
- ⁵ Там же. С. 204.
- ⁶ Там же. Т. 19. С. 164.
- ⁷ Там же. Т. 6. С. 199.
- ⁸ Там же. Т. 7. С. 193.
- ⁹ Там же. Т. 18. С. 381.

УДК 331.5–053.81

МОЛОДЕЖНЫЙ СЕГМЕНТ РЫНКА ТРУДА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АДАПТАЦИЯ К СОВРЕМЕННЫМ РЕАЛИЯМ И СТАБИЛЬНОСТЬ

И. В. Лопаткин

Саратовский государственный университет
E-mail LopatkinIja@rambler.ru

Статья посвящена молодежному рынку труда. Рассматриваются зависимость адаптации от квалификации, практического опыта, а также факторы, обуславливающие нестабильность молодежного рынка.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, безработица, занятость.

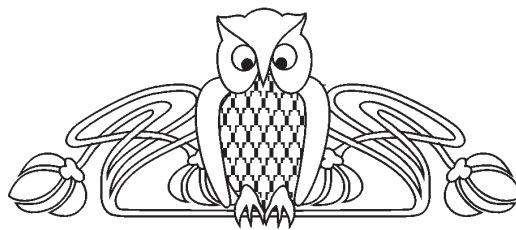
Youth Segment of the Labor Market of the Saratov Region: Adaptation to Modern Realities and Stability

I. V. Lopatkin

The article is devoted to youth labor market. The dependence of the adaptation of qualifications, experience, as well as factors that contribute to the instability of the youth market.

Key words: youth, labor market, unemployment, employment.

Социально-экономические преобразования современного российского общества породили ряд социально значимых проблем, в том числе занятости и безработицы молодежи. Молодежь есть необходимый компонент рынка труда, без постоянного его обновления, связанного с адаптацией вновь прибывающих работников, способных не только занять свой сегмент трудового рынка, но и успешно адаптироваться в нем, с перспективой расширения своей доли для последующего укоренения на указанном рынке. Однако современные реалии российского общества таковы, что быстро разрешить противоречия между ростом потребности работодателей в квалифицированных работниках и невозможностью удовлетворить эту потребность сколь-нибудь быстро достаточно сложно, поскольку в основе этого противоречия лежат не только субъективные, но и объективные факторы. Здесь можно назвать: противоречие между современными профессиональными и устаревшими образовательными стандартами; между обвальным старением квалифицированной рабочей силы и отсутствием эффективных механизмов ее обновления; отсутствие или недостаточную эффективность социальных лифтов, препятствующих продвижению молодежи в выбранной сфере профессиональной деятельности. Исключением в этом плане является, пожалуй, «кумовство» и продвижение по родственным каналам. Молодежь это, кстати, достаточно хорошо осознает. Вполне естествен-

но, что подобные противоречия больше всего отражаются на молодежном сегменте рынка труда, поскольку молодежь чрезвычайно чувствительна к подобным явлениям, и юношеский максимализм в значительной мере обуславливает часто негативное отношение молодежи к современному рынку труда. Молодежь часто не видит для себя реальных перспектив профессионального роста, отсюда значительная текучесть молодых кадров, нежелание работать на непрестижных и тяжелых работах.

Ситуация, складывающаяся на российском молодежном рынке труда в последние годы, представляется достаточно напряженной и нестабильной. Это вызвано отсутствием или недостатком практического опыта: будучи новичками на рынке труда, молодые люди чаще размещаются на нижних ступенях социально-профессиональной лестницы. Особую актуальность в связи с отсутствием у юных граждан необходимых навыков практического использования полученных знаний приобретает вопрос занятости молодежи, впервые выходящей на рынок труда, поскольку она представляет собой наиболее уязвимую категорию. Работодатели неохотно принимают на предприятия молодых людей, не имеющих опыта работы и нужной квалификации, недооценивая тем самым перспективы «старения и выбывания» с рынка труда кадров, переступивших пенсионный возраст.

Естественно, что, говоря о молодежном сегменте рынка труда, необходимо учитывать и его специфические черты. Он характеризуется неустойчивостью спроса и предложения, что обусловлено изменчивостью профессиональных ориентаций молодежи и социально-профессиональной неопределенностью. Положение усугубляется обострением социальных проблем молодежи, связанных с коренным изменением социокультурных и политических условий развития личности, влекущим за собой возрастающие трудности самоопределения молодых людей в профессиональном плане. Во-вторых, для молодежного рынка труда характерна низкая конкурентоспособность по сравнению с другими возрастными группами. Молодежь подвергается наибольшему риску потерять работу или не трудоустроиться. Возможности трудоустройства новой рабочей силы, вступающей на рынок труда, сокращаются. Ограничение спро-

са снижает и возможности трудоустройства выпускников различных учебных заведений. Не случайно поэтому стала практически нормой работа студентов последних курсов с целью приобретения практических навыков, требуемых работодателями. Эта субъективно осознаваемая необходимость прекрасно понимается выпускниками средних специальных и высших учебных заведений.

Это относительно новое явление в современной российской реальности, поскольку на протяжении семидесяти с лишним лет Советское государство было единственным монопольным работодателем. До начала 1991 г. действовал законодательно закрепленный принцип всеобщей занятости. Для каждого предприятия регламентировался численный и профессионально-квалификационный состав работников (в том числе и по возрастному признаку), уровень оплаты труда. Руководители обладали чрезвычайно узкими полномочиями по найму и увольнению кадрового состава, сфера занятости была лишена гибкости. Условия выхода молодежи на рынок труда были жестко регламентированы. Приток молодых кадров происходил двумя путями: для выпускников школ и лиц, закончивших профессионально-технические училища и решивших идти на производство, осуществлялось бронирование рабочих мест; выпускники других учебных заведений распределялись с учетом вакансий, с обязательным условием работы на данном месте в течение нескольких лет.

В 1991 г. законом о занятости населения было определено право собственности граждан на свою рабочую силу в полном объеме. Расширились права руководителей в вопросах найма и увольнения работников, что предполагало более эффективное использование рабочей силы. Однако переход предприятий в частные руки, имплицитно предполагавший модернизацию производства, ужесточил требования к профессионализму работников и наличию трудового стажа. Большинство предприятий негосударственных форм собственности были созданы путем акционирования государственных предприятий, а новые возникали в основном в сфере услуг и финансово-кредитной сфере. В результате рабочие места с менее жесткими требованиями были ликвидированы, а вновь созданные характеризовались более жесткими условиями найма. Существующая система подготовки и переподготовки кадров не отвечала новым требованиям, что значительно уменьшило шансы трудоустройства молодежи, впервые выходящей на рынок труда, в том числе и на занятие престижных должностей в новых секторах экономики.

Работодатели частного сектора подчас игнорируют правовые нормы, регулирующие найм, увольнение, продолжительность рабочего дня, предусмотренные действующим законодательством льготы. В некоторых случаях отношения

занятости в целях ухода от налогов и социальных отчислений не оформляются юридически и нигде не регистрируются, что приводит к грубым нарушениям норм трудового права. В борьбе за экономическое выживание в конкурентной среде постепенно сходят на нет привычные социальные приоритеты, стираются границы между понятиями «престижная работа» и «высокий доход», начинает доминировать материальная сторона. Собственно, само значение нематериальных факторов труда, таких как характер, условия и режим работы, перспективы роста, гарантии сохранения рабочего места, имеют тенденцию к снижению.

Современная российская молодежь сформировалась полностью в новых условиях, которые она признает в качестве естественных. Сегодняшние молодые люди поставлены в достаточно сложные условия: переворот в социально-экономическом укладе сопровождается кризисом ценностного сознания. Сегодня многие вопросы, решаемые в прошлом государством, молодому поколению приходится решать самому. Оно стоит перед непростым выбором: что ценнее – обогащение любыми средствами или приобретение высокой квалификации, обеспечивающей в перспективе способность адаптироваться к новым условиям. И, как правило, выбирается здесь чаще первое, нежели второе. Всемерное стремление к материальному благополучию отнюдь не сопрягается в сознании молодых людей с необходимостью много работать для его достижения. Естественно, что развитие такой тенденции ведет к дальнейшему разрушению трудовой мотивации молодежи, без которой трудно себе представить цивилизованный рынок труда.

Двойственность молодежного рынка труда проявляется еще и в следующем: с одной стороны, присутствует намерение молодых людей, базирующееся на интересе к специальности, освоить ее, реализовать свою профессиональную подготовку, найти соответствующую работу; но с другой – поскольку реализация такого плана, как правило, крайне затруднительна, выпускники учебных заведений формируют в качестве возможного варианта менее для них привлекательный, но реальный – найти любую работу, не обязательно по специальности, но обеспечивающую приемлемый доход. Социальная опасность этой тенденции очевидна. При сохранении низкой оплаты труда в государственных структурах и высокой значимости материальной обеспеченности у выпускников учебных заведений растет предпочтение трудоустройства в коммерческой сфере. Происходит соответствующее падение престижа госструктур в ущерб трудоустройству по специальности. В силу этого возможна ситуация, при которой вузы практически будут давать профессиональное образование лишь номинально. Между тем уровень образования является

одним из важных показателей качества рабочей силы.

Современная ситуация в сфере труда и занятости ставит молодежь в очень сложные условия. Если раньше распределение выпускников учебных заведений гарантировало им занятость по специальности, то теперь оно проводится в значительно ограниченном масштабе, и молодые специалисты попадают в систему жесткой конкуренции с людьми, имеющими опыт работы. Естественно, что такая ситуация вызывает серьезное беспокойство. В частности, именно для решения данной проблемы принят Закон Саратовской области от 03 декабря 2014 г. № 143-ЗСО «О квотировании рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий несовершеннолетних и молодежи в Саратовской области»¹. В тексте Закона прописаны квоты для трудоустройства отдельных категорий молодежи, где квота понимается как минимальное количество рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий молодежи: несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет; дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в возрасте до 23 лет; безработные граждане в возрасте от 18 до 20 лет,

получившие среднее профессиональное образование и впервые выходящие на рынок труда.

Закон обязывает создавать квотируемые места за счет собственных средств тех работодателей, у которых среднесписочная численность сотрудников составляет более ста человек, среди которых нет работников с вредными или опасными условиями труда. Квота рассчитывается в соотношении с вышеуказанной среднесписочной численностью сотрудников в размере двух процентов.

Данный Закон лишь недавно вступил в силу, поэтому анализировать последствия его принятия, конечно, преждевременно. Однако можно предположить, что он существенно облегчит ситуацию в молодежном сегменте рынка труда, обеспечив молодежи возможность обретения практических навыков и некую стабильность на рынке труда Саратовской области.

Примечания

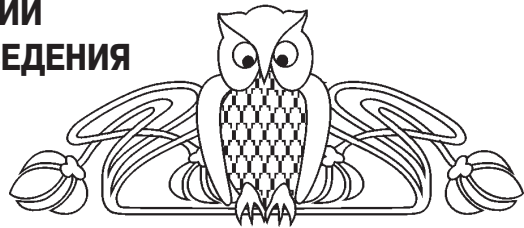
¹ См.: Саратовская областная дума : [официальный сайт]. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 14.01.2015).

УДК 316.7:61

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАКТИК ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

С. С. Шматова

Саратовский государственный университет
E-mail: svshmatova@mail.ru

В статье рассмотрена специфика повседневного поведения на примере здоровьесберегающих практик. Показаны особенности здоровьесберегающего поведения современного человека с точки зрения концепции социального действия и социологии повседневности. Приведены результаты авторского исследования, направленного на изучение здравоохранительного поведения отдельной группы больных.

Ключевые слова: здоровьесберегающее поведение, поведенческие практики, повседневность.

Experience of Sociological Interpretation of Healthy Behavioral Practices

S. S. Shmatova

In this article we had reviewed the specific of usual behavior in example of healthcare practice. We had considered features of people's healthy behavior at point of view conception of social action and sociology of everyday life. We had showed results of author's research which directed to learn of healthy behavior of single group of patients.

Key words: healthy behavior, behavioral practices, everyday life.

В современной России наблюдается возрастание потребности в социологическом осмысле-

нии ценности здоровья как важнейшего фактора развития социума. В социологии ряд аспектов данной проблематики ставился некоторыми авторами, в том числе И. В. Журавлевой¹, А. В. Решетниковым², Л. С. Шиловой³ и др.

Актуальным сегодня является перенос внимания с изучения болезни на анализ поведенческих характеристик человека. Современная жизнь представляет собой череду повседневных, повторяющихся изо дня в день дел, забот, тревог и радостей. Вместе с тем она требует постоянного внимания к специфике повседневного поведения.

Модель поведения человека может быть основополагающей причиной многих заболеваний. Потребность в здоровье, трансформируясь по мере социализации человека, получает свое развитие в здоровьесберегающем поведении. Безусловно, не только биологические факторы определяют индивидуальное здоровье человека. Активность и способность человека в достижении здоровья играют, несомненно, важную роль. Зрелость личности и качество управления индивидуальными жизненными ресурсами может

влиять на уровень здоровья человека в рамках биологически заданных границ.

В этих условиях с целью познания особенностей здравоохранительного поведения современного человека вновь востребованными оказываются идеи как классиков, так и видных представителей современной социологии. Среди них особо отметим Макса Вебера, внесшего значительный вклад в становление «понимающей социологии», трактовку социального действия и поведения. М. Вебер рассматривал социальное поведение как особый тип ориентации на поведение другого социального субъекта, поскольку действие индивида осмысленно, так как личность вкладывает в свои действия определенный смысл. «Социальным действием» следует называть такое, которое по своему смыслу отнесено к поведению других и этим ориентировано в своем протекании⁴.

В своих работах Вебер выделял четыре разновидности социального поведения: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное. Полагаем, что здоровьесберегающее поведение следует рассматривать как особый вид целерационального поведения, имеющего как четко обозначенные мотивации, так и видение необходимых ресурсов и средств достижения целей.

Человек призван осуществлять рациональные действия, которые позволяют ему принимать самые разные решения, и теория социального действия Вебера помогает оценить предпочтения людей в каждой конкретной ситуации. Вебер пишет о социальном действии как о воплощении задуманной цели с оглядкой на общественный порядок.

Встраивание личности в социальную жизнь вообще и здоровьесберегающее поведение в частности не может быть пассивным усвоением предлагаемых обществом норм и ценностей, а также рационализацией уже существующих, объективных форм и моделей поведения. Поэтому здоровьесберегающее поведение может быть рассмотрено в рамках феноменологической социологии, в том числе теоретической парадигмы, развиваемой в трудах одного из ведущих ее представителей – австрийского социолога и философа Альфреда Шюца, предпринявшего попытку адаптировать веберовское понятие смысла действия для нужд социологии повседневности как ситуативное восприятие личностью повседневных практик. А. Шюц отмечал, что повседневная деятельность неизбежна по причине необратимости изменений в мире⁵.

Человек в любой момент своей повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т. е. в определяемом им физическом и социокультурном окружении, в котором он занимает определенное место не только в пространственно-временном, но и в морально-идеологическом контексте.

Думается, что повседневность может быть переосмыслена через общепринятые практики, другими словами, через действия, совершаемые привычным образом в ходе повседневной социальной деятельности⁶. В социологии повседневности сохраняется линия рассуждения, для которой осмысленность повседневного действия является фундаментальным свойством, конституирующим социальность. Действующий субъект должен иметь ясное и отчетливое представление обо всех элементах каждого проецируемого образа действия⁷.

Социальное действие, которое часто повторяется, проходит стадию закрепления образца и становится социальной практикой⁸. А. Шюц пишет о том, что результат повторяющегося действия группы индивидов в последующем воспринимается уже как данность, подлежащая лишь повторению⁹. Социальной практикой можно считать не только целесообразные поступки, но и традиционные действия, которые мы часто совершаем по привычке. Таким образом, она представляет собой совокупность опривыченных действий не только индивидов, но и организаций, обеспечивающих функционирование социальных институтов.

Существуют как традиционные институционализированные практики сохранения здоровья (например формы медицинского врачевания, которые могут быть обозначены как патерналистские), так и практики, имеющие неформальный характер. Здесь следует выделить традиционные и альтернативные здоровьесберегающие практики, предлагающие собственные подходы к самосохранительному поведению.

Учитывая рассмотренные теоретические подходы, можно определить здоровьесберегающее поведение как сложный социальный феномен, особый тип социального поведения, закрепляемый в повседневной реальности и представляющий собой ситуативное восприятие личностью социально-медицинского воздействия.

Авторское исследование, проведенное в 2014 г. в Саратовской области, включающее 850 больных туберкулезом¹⁰, показало, что здоровьесберегающее поведение – это практическая реализация сознательного отношения индивида к своему здоровью как к социальной ценности, что в повседневных поведенческих практиках включает в себя отказ от курения, употребления спиртных напитков, применение диет и режима питания, занятия спортом, т. е. соблюдение основных принципов здорового образа жизни.

На практике, однако, 70% респондентов, имеющих тяжелые заболевания, курят, причем достаточно длительное время. В большинстве случаев поведение больных не соответствует принципам поддержания здоровья (только 7% опрошенных постоянно занимаются физкультурой), наблюдается низкая обеспокоенность

состоянием своего здоровья, хотя 60,5% отмечают, что здоровье – одна из главных ценностей жизни.

Рассмотренная модель поведения личности показывает, что в большинстве своем люди знают основные принципы здорового образа жизни, однако следуют этим принципам немногие. Значительная часть опрошенных совершенно спрavedливо полагают, что в заботе о здоровье необходимо соблюдать режим дня и режим питания, отказаться от вредных привычек, заниматься в свободное время спортом, своевременно обращаться за медицинской помощью, однако большинство этих рекомендаций не придерживаются и даже не могут объяснить причину этого.

Таким образом, понимание социологической значимости практик здоровьесберегающего поведения может определить механизмы управления индивидуальными жизненными ресурсами и способно влиять на уровень здоровья человека в рамках биологически заданных границ.

Примечания

¹ См.: Здоровье студентов : социологический анализ / отв. ред. И. В. Журавлева ; ИС РАН. М., 2012. 1 CD ROM.

УДК 316. 344. 24

СТРАТЕГИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

А. Б. Монтаев

Саратовский государственный университет
E-mail: elim_menim@mail.ru

В статье рассматривается характер стратегии территориально-трудовой мобильности выпускников вузов России и Казахстана в рамках сравнительного анализа. Стратегия определена как фактор, влияющий на отношение к своей специальности, на переезд в другое место, уровень информированности, самооценку уровня своей компетентности, значимость работы, профессиональные ожидания и на желаемую зарплату.

Ключевые слова: стратегия, трудоустройства, мобильность, выпускник.

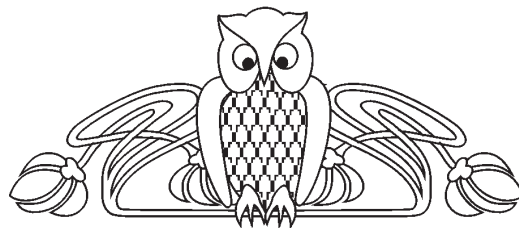
Strategy Territorial Labor Mobility of Graduates in Russia and Kazakhstan

А. В. Montaev

The article considers the nature of the strategy territorial labor mobility of graduates of Russia and Kazakhstan in the framework of the comparative analysis. Strategy is defined as a factor influencing the attitude to their specialty, to move to another place, the level of awareness, self-esteem level of their competence, the importance of work, professional expectations and are desired salary.

Key words: strategy, employment, mobility, graduate.

- ² См.: Решетников А. В. Социология медицины. М. : Медицина, 2002.
- ³ См.: Шилова Л. С. Модернизация российского здравоохранения : вызовы, ожидания и реальность // Вестн. Ин-та социологии. 2013. № 6. С. 146–162.
- ⁴ См.: Вебер М. В. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. С. 13.
- ⁵ См.: Цюц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.
- ⁶ См.: Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект. 2005.
- ⁷ См.: Ерофеева М. А. Осадок смысла : следствия феноменологической трансформации теории действия в теории фреймов // Социология власти. 2014. № 1. С. 31–49.
- ⁸ См.: Шугальский С. С. Социальные практики : интерпретация понятия // Знания. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.
- ⁹ См.: Шюц А. Указ. соч.
- ¹⁰ См.: Шматова С. С. Здоровьесберегающее поведение как категория социологии // Приоритетные направления развития социологии в XXI веке : к 25-летию социологического образования в России : сб. материалов. Электр. изд. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 835–837.

Молодежь является социальной группой, чьи характеристики непосредственно и с небольшим временным периодом определяют характеристики общества. Современные молодые люди через 5–15 лет объективно становятся основными носителями и проводниками любых инициатив, людьми, принимающими решения во всех сферах общественной жизни. При этом молодежь, в силу отсутствия сложившихся социальных стереотипов, является и той социальной группой, на характеристики которой можно влиять, корректировать модели ее поведения, задавать желаемый тип общественного поведения.

Недостаточное внимание к молодежи в настоящее время ставит под вопрос осуществление плана преобразований страны и ее благосостояние в среднесрочной перспективе. Современная инновационная экономика требует и современного подхода к решению проблемы кадрового обеспечения, подразумевающего комплексное развитие человеческого капитала. Государственным приоритетом должно стать развитие человека и формирование условий для его самореализации. Основным адресатом такого подхода

оказывается молодежь, чей потенциал (ресурс) развития способен совершить экономические преобразования, обеспечить бурный экономический рост, качественно изменить уровень жизни в стране. В полной мере это относится и к социально-экономическим стратегиям молодого поколения, которое только заканчивает высшие учебные заведения России и Казахстана.

С декабря 2013 г. по март 2014 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования, нацеленное на изучение стратегий вузовских выпускников Казахстана и России в сфере занятости (целевая выборочная совокупность составила 500 человек – выпускников всех факультетов Западно-Казахстанского аграрно-технического университета имени Жангир хана, Западно-Казахстанского гуманитарного университета имени М. Утемисова и Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского). Опрос позволил выяснить миграционные стратегии вузовских выпускников России и Казахстана. Анализ в рамках сравнительного подхода показал, что значительная доля российских выпускников – 48,6% – хотели бы переехать в другой город, тогда как солидарных с ними казахстанских выпускников 44,7%. Российские выпускники демонстрируют чуть более высокий уровень территориально-трудовой мобильности (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ на планирование выпускников после окончания вуза переехать в другой город

Планирование переехать в другой город	Выпускники вузов России, %	Выпускники вузов Казахстана, %
Да	48,6	44,7
Нет	51,4	55,3
Итого	100,0	100,0

В ходе опроса внимание акцентировалось на готовности выпускников работать в сельской местности. Сравнительный анализ показал, что 47,2% выпускников Казахстана готовы сразу после окончания вуза поехать работать в сельскую местность. Показатель готовности российских выпускников работать в сельской местности несколько иной – 24,3%, тогда как 75,7% выбрали вариант «нет». Таким образом, казахстанские выпускники больше ориентированы на работу в сельской местности, чем российские (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ готовности работать в сельской местности

Готовность работать в сельской местности	Выпускники вузов России, %	Выпускники вузов Казахстана, %
Да	24,3	47,2
Нет	75,7	52,8
Итого	100,0	100,0

При выявлении знания выпускников о программах поддержки молодых специалистов, работающих на селе (табл. 3), было обнаружено, что казахстанские выпускники в большей мере, чем российские, знают о молодежных программах: соответственно 88,1 и 52,1%. Это говорит о том, что казахстанские выпускники больше информированы государственными службами по трудоустройству, чем российские.

Таблица 3

Миграционная специфика информированности о существовании программ поддержки молодых специалистов, работающих на селе

Знание о существовании программ поддержки молодых специалистов, работающих на селе	Выпускники вузов России, %	Выпускники вузов Казахстана, %
Да	52,1	88,1
Нет	47,9	11,9
Итого	100,0	100,0

При выявлении аргументов работы на селе молодого специалиста (табл. 4) было обнаружено, что для российских выпускников преобладающими причинами являются предоставление жилья (26,6%), доплаты к заработной плате (23,6%), выплата подъемных (19,2%). У казахстанских выпускников рейтинг причин несколько иной: для них тоже очень важно предоставление жилья (29,9%), возможность карьерного роста (22,4%), на третьем месте возможность работать по специальности (15,4%). Факт, что возможность предоставления жилья оказалось значимым как для российских, так и для казахстанских выпускников, свидетельствует о том, что выпускники адекватно понимают важность собственного жилья как стратегического ресурса. Кроме того, это говорит о том, что профориентированность у казахстанских выпускников в 2 раза выше, чем у российских. Таким образом, для российских выпускников работа на селе интересна высоким доходом, а для казахстанских важнее карьерный рост и возможность работать по специальности.

Рейтинг необходимых составляющих инфраструктуры в сельской местности для молодых специалистов также имеет специфическую важность (табл. 5). Лидирующие позиции для российских выпускников занимает больница (22,8%), что свидетельствует о том, что выпускники адекватно понимают важность здоровья как стратегического ресурса. Вторую лидирующую позицию в рейтинге среди российских выпускников занимает возможность подключения к сети Интернет (20,3%). Возможно, это связано с сохранением и поддержанием имеющихся социальных связей и расширением круга друзей, информированности. Третье место по важности занимает магазин (19,3%), что связано с необходимостью воспроизводства жизненных усло-

Таблица 4

Желание молодого специалиста работать на селе

Причины желания молодого специалиста работать на селе	Выпускники вузов России, %	Выпускники вузов Казахстана, %
Предоставление жилья	26,6	29,9
Выплата подъемных	19,2	12,4
Доплаты к заработной плате	23,6	14,1
Возможность карьерного роста	15,7	22,4
Возможность работать по специальности	8,7	15,4
Организация социально-бытового и культурного обслуживания	6,1	5,8
Итого	100,0	100,0

вий своей деятельности. Детский сад (школа) в рейтинге занимает четвертое место – 14,3%. Это свидетельствует о том, что выпускники адекватно понимают важность развития своих детей. На пятом месте (7,7%) – коммунальные услуги (газ, вода, свет). Почта (6,3%), библиотека (5%), кинотеатр (3%), клуб (1,3%) не столь значимы для российских выпускников вузов.

У казахстанских выпускников вузов рейтинг минимальных социальных нужд несколько иной: для них главенствующей необходимостью (27,8%) является возможность подключения к сети Интернет. Больница и детский сад (школа) в рейтинге занимают второе и третье места соответственно (16,5 и 12,5%). На четвертом месте – магазин (11,6%). На пятом месте (9,3%) – коммунальные услуги (газ, свет, вода). Для казахстанских выпускников кинотеатр (6,7%) и клуб (5,8%) больше значимы, чем библиотека (5,2%) и почта (4,6%). Вероятно, это связано с тем, что для них больше, чем для российских выпускников, актуализирована проблема изменения своего семейного статуса. Другим аспектом лидирования клуба и кинотеатра является потребность интеграции в местное сообщество, расширение круга друзей для активизаций своих сетевых взаимодействий. В сельской местности Казахстана менее актуальна больница (на треть) в связи с наличием медпунктов в селе и распространенностью обращения к народным целителям или к народной медицине (см. табл. 5).

При анализе желания выпускников работать по специальности, выяснилось, что 65,4% выпускников вузов Казахстана желают работать по специальности, тогда как солидарных с ними российских выпускников – 60,4%. Не определившихся с выбором работать по специальности среди российских выпускников 13,2% против 5,7% казахстанских выпускников (табл. 6). Таким образом, это еще раз доказывает более высокий уровень профориентированности казахстанских выпускников.

Среди причин нежелания работать по специальности для российских выпускников на первом месте – низкая оплата работы по специальности (39,5%), на втором – отсутствие инте-

Таблица 5

Социальная инфраструктура, необходимая для молодого специалиста, трудоустроившегося в сельской местности

Необходимые условия для молодого специалиста, трудоустроившегося в сельской местности	Выпускники вузов России, %	Выпускники вузов Казахстана, %
Магазин	19,3	11,6
Почта	6,3	4,6
Библиотека	5,0	5,2
Детский сад (школа)	14,3	12,5
Больница	22,8	16,5
Кинотеатр	3,0	6,7
Клуб	1,3	5,8
Возможность подключения в сети Интернет	20,3	27,8
Коммунальные услуги (газ, вода, свет)	7,7	9,3
Всего	100,0	100,0

Таблица 6

Желание выпускников работать по специальности

Желание работать по специальности	Выпускники вузов России, %	Выпускники вузов Казахстана, %
Да	60,4	65,4
Нет	26,4	28,9
Не задумывался об этом	13,2	5,7
Итого	100,0	100,0

реса к своей специальности (18,4%), на третьем месте – низкая востребованность специалистов данного профиля (15,8%). Далее идут проблемы с трудоустройством (10,5%), дефицит практических знаний, отсутствие опыта работы (7,9%), низкий статус профессии (7,9%). У казахстанских выпускников рейтинг причин не работать по специальности несколько иной: не хватает практических знаний, нет опыта работы (30,4%), трудности трудоустройства (23,9%), работа по специальности является низкооплачиваемой

(19,6%), отсутствие интереса к своей специальности (19,6%) (табл. 7). Тот факт, что для российских выпускников материальный доход более важен, чем для казахстанских, позволяет говорить о том что российские выпускники более адаптированы к рыночным отношениям.

Таблица 7

Сравнительный анализ причин не работать по специальности

Причина нежелания работать по специальности	Выпускники вузов России, %	Выпускники вузов Казахстана, %
Не могу устроиться	10,5	23,9
В специалистах моего профиля сегодня нет потребности	15,8	6,5
Не хватает практических знаний, нет опыта работы	7,9	30,4
Низкий престиж профессии	7,9	–
Работа по специальности является низкооплачиваемой	39,5	19,6
Моя специальность мне не нравится	18,4	19,6
Итого	100,0	100,0

В ходе анализа внимание акцентировалась на желаемую зарплату молодого специалиста, только что окончившего вуз. 34,0% российских выпускников сразу после окончания вуза ориентированы на размер заработной платы 21–30 тыс. руб., тогда как казахстанские выпускники, ориентированных на подобный уровень заработной платы, – 6,7%. При этом значительная доля казахстанских выпускников (36,2%) указывают желаемый размер заработной платы 11–15 тыс. руб. Таким образом, российские выпускники ориентированы на более высокий уро-

вень заработной платы, чем казахстанские. Это еще раз доказывает, что российские выпускники более адаптированы к рыночным отношениям (табл. 8).

Таблица 8

Желаемая зарплата молодого специалиста сразу после окончания вуза

Предполагаемая зарплата молодого специалиста, тыс. руб.	Выпускники вузов России, %	Выпускники вузов Казахстана, %
5–10	2,1	26,8
11–15	25,7	36,2
16–20	24,3	26,8
21–30	34,0	6,7
31–40	9,0	3,4
41 и выше	4,9	
Итого	100,0	100,0

Таким образом, сравнительный анализ стратегии территориально-трудовой мобильности вузовских выпускников России и Казахстана показал что российские выпускники демонстрируют чуть более высокий уровень территориально-трудовой мобильности, работа на селе интересна высоким доходом, они более адаптированы к рыночным отношениям. Казахстанские выпускники в большей мере, чем российские, ориентированы работать в сельской местности, больше информированы государственными службами по трудоустройству, профориентированность казахстанских выпускников в 2 раза выше. Работа на селе для них интересна карьерным ростом и возможностью работать по специальности. Для казахстанских выпускников больше, чем для российских, актуализирована проблема изменения своего семейного статуса и расширение круга друзей для активизаций своих сетевых взаимодействий.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.172+327.7

ТРАКТОВКИ «СПРАВЕДЛИВОСТИ» И «НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ» И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru,

В статье рассмотрены основные трактовки понятий «справедливость» и «несправедливость» в современной политической науке и дана критическая оценка попыткам найти универсальную формулу реализации социальной справедливости. Акцент сделан на апелляции к ценностям социальной справедливости в сфере международных отношений в контексте их использования в рамках реализации стратегии «мягкой силы» и подготовки «цветных революций».

Ключевые слова: «справедливость» и «несправедливость» в политике, трактовки социальной справедливости, либеральная модель социальной справедливости, технологии «продвижения демократии», «цветные революции», внешняя политика России.

Interpretations of «Justice» and «Injustice» and Their Usage within Contemporary Political Processes

A. A. Vilkov

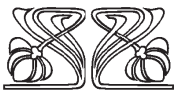
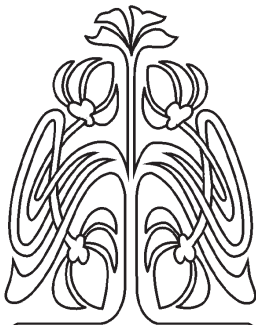
The article considers main interpretations of «justice» and «injustice» within modern political science and makes critical evaluation of attempts to find universal formula of social justice's realization. The author emphasizes an appeal to the values of social justice in the sphere of international relations in the context of their usage within realization of «soft power» strategy and preparation of «colored revolutions».

Key words: «justice» and «injustice» in politics, interpretations of social justice, liberal model of social justice, technologies of «democracy promotion», «colored revolutions», external policy of Russia.

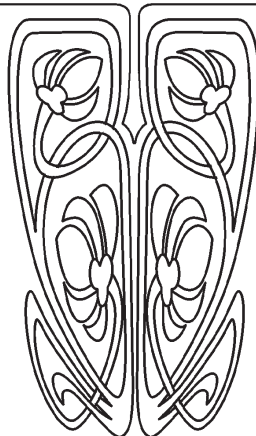
Категории «справедливость» и «несправедливость» являются не просто одними из базовых для понимания ментальных особенностей российской политической культуры, но и определяющими. Ценности «справедливость» и «несправедливость» (как антиценность) были и продолжают оставаться своеобразной призмой, через которую происходит восприятие важнейших институтов общественно-политической и социально-экономической жизни россиян. Не случайно, что отношение к данным ценностям и их понимание занимают важнейшее место в процессах социальной и политической идентификации как отдельных индивидов, так и различных сообществ.

Дискуссии на данные темы продолжают на протяжении всей истории России (так же как и большинства цивилизованных стран), периодически обостряясь в связи с общественной потребностью в осознании очередного выбора вектора политического и социально-экономического развития страны. Более того, нельзя не согласиться с тем, что «в объективном смысле “справедливость” как политическая ценность приобретает сегодня свойство цивилизационного вызова, обращенного ко всем ключевым субъектам современной политики»¹.

После появления в 1971 г. и многочисленных переизданий знаменитой книги Дж. Роулза², не менее известный Ю. Хабермас уже после разрушения СССР и восточно-европейской части социалистической системы, констатировал, по аналогии с Ф. Фукуямой, своего рода «конец истории» и в поисках идеала социальной справедливости: «Поли-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

тический либерализм Джона Роулза фиксирует конец этого развития. Он реагирует на плюрализм мировоззрений и на прогрессирующую индивидуализацию стиля жизни. И, как следствие, он вытаскивает из пропасти философские попытки выделить какой-то определенный образ жизни в качестве образцового или обладающего всеобщей значимостью. «Справедливое общество» предоставляет всем лицам «распоряжаться временем своей жизни» так, как они хотят. Оно гарантирует каждому равную свободу развивать этическое самопонимание для того, чтобы в соответствии с собственными возможностями и благими намерениями осуществить в действительности персональную концепцию «благой жизни»³. Однако не все западноевропейские исследователи поддерживают подобную оптимистическую точку зрения. Например, И. Валлерстайн, признавая значение либеральной доктрины «рационального реформизма», акцент делает на современных факторах напряженности в мировом политическом и социально-экономическом развитии, одним из которых является фактор несправедливости. По его мнению, «распределение неравенства как на глобальном, так и на национально-государственных уровнях зависит от расовой/этнической/религиозной принадлежности. Поэтому комбинированным результатом политической осведомленности и бюджетного кризиса государств станет массовая борьба, которая примет форму гражданской войны, и глобальной, и в отдельных государствах»⁴.

Несмотря на наличие различных исследовательских позиций в западноевропейских странах по поводу сущности социальной справедливости⁵, в практической внутренней и внешней политике США и их союзников она реализуется преимущественно в рамках либеральной парадигмы. Фактически апелляция к либеральным ценностям социальной справедливости лежит в основе американской концепции «мягкой силы» для продвижения либеральной модели демократии во всем мире, в том числе и с помощью применения вооруженных сил. Именно такое понимание «незаменимости» американской нации публично продекларировал президент Б. Обама, выступая перед выпускниками военной академии в разгар украинского кризиса (в значительной степени инициированного американской политикой «продвижения демократии»): «От Европы до Азии мы выступаем центром альянсов, не имеющих себе равных в истории народов. Америка продолжает привлекать целенаправленных иммигрантов. Ценности, заложенные в нашей основе, вдохновляют лидеров в парламентах и новых движениях на площадях по всему миру. И когда на Филиппины обрушился тайфун, или в Нигерии были похищены девочки, или в Украине люди в масках заняли здания – мир обращается за помощью к Америке. (Аплодисменты.) Соединенные Штаты – незаменимая

нация. Так было в прошлом и, вероятно, будет и в будущем»⁶. Из такой незаменимости американский президент вывел однозначный принцип внешней политики США: «Соединенные Штаты будут использовать военную силу в одностороннем порядке в том случае, если этого требуют наши фундаментальные интересы: когда наш народ находится под угрозой, когда наши средства к существованию находятся под угрозой, когда существует угроза безопасности наших союзников. При этих условиях мы все еще должны задавать жесткие вопросы о том, являются ли наши действия пропорциональными, эффективными и справедливыми. Международное мнение имеет значение, но Америка никогда не должна испрашивать разрешения, чтобы защитить наших людей, нашу Родину или наш образ жизни»⁷.

Такая широкая трактовка мессианского предназначения США, способности и необходимости «направлять течение истории в сторону справедливости»⁸ неоднократно показывала свою полную несостоятельность в ходе войны США в Афганистане и в Ираке, в ходе военного вмешательства в события в Ливии и во многих других масштабных и локальных конфликтах. Тем не менее, такая экспансионистская американская внешняя политика «продвижения демократии» по всему миру продолжается. Более того, все отчетливее она приобретает антироссийский характер в рамках возвращения к противостоянию периода «холодной войны», освященного сакральными понятиями борьбы империй «Добра» и «Зла», нравственных максим воплощения «Справедливости» и «Несправедливости».

Данное противостояние осуществляется в условиях, когда многие современные очаги напряженности на постсоветском пространстве и в других регионах мира представляют собой не просто противоречия на религиозной, этнической или цивилизационной почве, но, прежде всего, крайнюю форму реакции на «несправедливость» в отношении какой-либо идентификационной группы. Эта «несправедливость» может носить более или менее объективированный характер и иметь конкретные параметры (в виде дискриминационных решений, правовых ограничений, экономических и социальных показателей, статистики и т. п. данных). Но может быть мотивированной не столько на рациональном уровне, сколько на идеологизированном либо эмоциональном уровне. Чаще всего реальные «ущемления» какой-либо идентификационной группы, воспринимаемые ею как несправедливые, также значительно усиливаются социально-психологическими и ценностными факторами своего группового понимания социальной справедливости и несправедливости.

Например, еще до начала «революции на майдане» украинские политологи недвусмысленно оценивали официальный вектор политического развития страны (это еще в период правления

«пророссийского» президента В. Януковича) как восстановление исторической справедливости: «Формирование в современной Украине своей идентичности – и эта тенденция доминирует на идеологическом уровне – происходит путем противопоставления себя России (конструирование образа России как *другого*. <...> Не случайно одним из господствующих идеологических концептов в Украине сегодня является “историческая справедливость”, поскольку сама украинская история в национал-демократическом дискурсе (базовым для современного этапа украинской государственности) оценивается как осуществление несправедливости в отношении целого народа путем подавления национального развития, вследствие чего нация не имела возможности создать собственное государство»⁹.

Данная официальная установка легитимации украинской государственности подогревалась целенаправленными и последовательными действиями международных центров «продвижения демократии» в рамках «восточного партнерства» и многих других программ, которые формировали у украинских граждан представление о том, что они носители прогрессивной европейской цивилизационной матрицы, в отличие от носителей имперской архаичной российской ментальности. Нужно только сделать окончательный политический выбор в пользу разрыва с Россией, чтобы на равных «вернуться» в семью европейских народов и приобщиться к материальным благам и иным преимуществам либеральной цивилизации. К каким негативным и трагическим последствиям привела подобная политика, показала начавшаяся гражданская война на Украине и фактическое установление националистического режима, подавляющего любое проявление защиты интересов многомиллионного русскоязычного населения в стране.

В России подобная стратегия продвижения западноевропейской модели демократии также находила и находит своих сторонников. Например, до сих пор у отечественных философов можно встретить ничем не подкрепленные идеализированные трактовки процессов глобализации в современном мире: «...в настоящее время глобальная социальная справедливость представляет собой социально-нравственный императив преодоления жестоких форм неолиберальной глобализации, принципов рыночной зависимости, в целом определяемый как движение к формам общественной собственности и солидарной экономики. Одновременно идея общего блага в контексте процессов глобализации понимается как право каждой социокультурной общности самостоятельно развиваться согласно собственным культурно-историческим представлениям о справедливости»¹⁰. Подобную трактовку можно было бы отнести к модальности долженствования, к поиску идеальной модели глобализации, к категории формулирования того, что, по мнению

автора, должно бы быть в процессах глобализации. Однако реальные процессы в современном мире определяются совсем иной мотивацией основных субъектов глобализации, руководствующихся совсем иным принципом: плюрализм допустим и даже целесообразен, но только до тех пор, пока он не выходит за пределы воплощаемой в мировом масштабе либеральной модели. Поэтому идеализация модели глобализации с точки зрения социальной справедливости осознанно или нет, но способствует легитимации осуществляемой модели преобразования мира по либеральным калькам.

В целом ситуация с использованием ценностей социальной справедливости в российской политике оказалась намного сложнее, чем во многих республиках бывшего СССР и странах Восточного блока. Например, на Украине апелляция к восстановлению исторической справедливости однозначно толковалась всеми политическими силами как обоснование необходимости укрепления суверенности украинской государственности (в том числе и политиками, позиционирующими себя в качестве сторонников сохранения и развития сотрудничества с Россией). В постсоветской России единая трактовка социальной справедливости как в широком смысле, так и в ее конкретных проявлениях отсутствовала фактически до обострения международных отношений в связи с возвращением Крыма в состав России.

Сторонники либеральной модели продолжают настаивать, что главная проблема современной России состоит в том, что «наш совокупный социальный интеллект страдает систематической недооценкой роли личности как фермента, движителя, единственной творческой потенции развития социума»¹¹. При этом они стремятся доказать, что в результате системных изменений в политике, экономике и культуре, произошедших в результате преобразований в 1990-е гг., у российских граждан произошли ментальные сдвиги в отношении базовых ценностей.

В качестве доказательств прогрессивных подвижек нередко используются результаты сравнительных социологических исследований изменений в политической культуре граждан на постсоветском пространстве и в политической культуре граждан европейских стран: «В то же время средний россиянин сегодня сильнее, чем жители большинства европейских стран, стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию. В связи с этим в его сознании меньше, чем у представителей других стран, остается места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, для толерантности, заботы о природе и окружающей среде и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружают»¹². Как представляется, результаты данного исследования отражают не столько состояние смятения в умах

недавних советских граждан в условиях официальной борьбы с наследием коммунистической идеологии и ее трактовкой социальной справедливости, сколько ситуацию выживания, в которую было поставлено большинство российского населения в результате «дикой» приватизации и проведения радикальных либеральных преобразований.

Оценивая последствия такой ситуации, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского В. А. Кутырёв справедливо отмечает, что повсеместно происходит «угасание чувственности, которая все больше поддерживается официально разрешенными психостимуляторами и незаконными наркотиками, вытеснение интуиции расчетом, метафор понятиями, идей и мировоззрения знаками, отказ от различения добра и зла в поступках означает, что культурные скрепы жизни заменяются какими-то другими. Но как могут люди жить вместе без чувства вины, совести, веры в воздаяние и сознание долга?»¹³

Признание аномальности последствий целенаправленной деидеологизации российского общества произошло в конце 1990-х гг., когда в научном, публицистическом и политическом пространстве активно стала обсуждаться идея о формировании общенациональной идеологии, способной сплотить общество на единой ценностной основе и стать постоянно действующим стимулом для российских модернизационных процессов. Максимального всплеска данная дискуссия достигла в период обсуждения концепции «суверенной демократии», которая так и не была признана в качестве официальной. Проблема осталась нерешенной, и ее обсуждение переместилось преимущественно на научный и публицистический уровни.

Коммунисты продолжают настаивать на том, что единственно верным идеологическим воплощением социальной справедливости является коммунизм как общество без эксплуататоров и насилия. Двигаться к нему они предлагают уже не на основе новых революционных потрясений, а на основе постепенного реформирования общества и усиления социальных функций государства¹⁴. «Справедливая Россия» сделала данную ценность базовым элементом российского варианта социал-демократической стратегии общественно-политического и социально-экономического развития.

Не угасает интерес к данной проблеме в научном сообществе. Социологи в анализе этой проблемы акцент делают на конкретных проявлениях ценности социальной справедливости и несправедливости (уровень доходов, доступность и характер распределения материальных и иных благ в обществе, характер реализации прав и свобод граждан, равенство перед судом, отношение к собственности, характер социальной защиты, возможности самореализации, карьерного

продвижения и др.¹⁵). Такой подход очень важен, так как позволяет выявить динамику настроений различных социальных групп по важнейшим общественным проблемам, их реакцию на проводимые государством преобразования в различных сферах. Например, по результатам исследования 2014 г., «73,9% опрошенных считают, что современное российское общество устроено скорее несправедливо. При этом 32,4% указывают на то, что за последний год справедливости стало меньше, и только 10,7% – что больше»¹⁶. Но социологический подход оказывается недостаточным, чтобы объяснить, почему, например, российские граждане, в значительной части своей недовольные своим материальным положением и его ухудшением в условиях западных санкций, тем не менее, в абсолютном большинстве поддержали политику В. Путина в отношении возвращения Крыма и укрепления позиций России на мировой арене.

Собственно, введение санкций и было обусловлено утилитарно-рационалистической логикой лидеров западноевропейских стран: санкции неизбежно приведут к ухудшению жизни российских граждан, и те отреагируют недовольством и массовыми протестами, которые приведут к власти либерально ориентированных российских политиков. Однако расчет оказался ложным, и сегодня даже западные социологи признают, что уровень поддержки В. Путина выше, чем это было до начала обострения взаимоотношений с США и их союзниками и до введения санкций. Утилитарно-рационалистический подход не позволяет объяснить, почему, критически оценивая многие институты постсоветской России как несправедливые, российские граждане в то же время воспринимают возвращение Крыма в состав России как восстановление исторической справедливости. И эта «нерациональная» и неутилитарная мотивация оказывается доминирующей, отодвигая на задний план недовольство уровнем коррупции, несправедливостью в распределении общественных богатств и многими другими проявлениями несправедливости в современной России.

Одним из направлений российских исследований стал поиск социокультурных точек соприкосновения в нахождении консенсуса в понимании социальной справедливости. Для полиэтничной и поликонфессиональной России это действительно один из самых важных вопросов, без которого невозможно выработать единую стратегию общественного развития. Это особенно актуально с учетом тех угроз, которые несет в себе распространение радикальных форм ислама в мире и в ряде российских регионов. В этой связи исследователи делают акцент на том, что многовековое совместное проживание представителей различных традиционных религий в едином Российском государстве основывалось, с одной стороны, на наличии относительно урав-

новешенной государственной политики в отношении неправославных конфессий, а с другой – на близости и непротиворечивости многих ценностей основных российских религий.

Например, в отношении мусульман как одной из самых больших религиозных общин в России утверждается, что «концепция справедливости, по исламу, предъявляет ряд требований к обществу и к самому человеку, воспитываемому и постигающему знания в течение всей жизни. Требование к обществу заключается в создании необходимых условий для непрерывного развития личности (передовые институты науки и образования, библиотеки, секции и школы по интересам, здоровая атмосфера, культ нравственности и т. д.). Требования к личности: приложение постоянных усилий к духовному росту и воспитание таких качеств, как нравственность, постоянство, стойкость, любовь к знаниям, ответственность и др.»¹⁷

Особенно активно основа социокультурной консолидации современной России рассматривается в рамках евразийской концепции. «Социокультурный код евразийской цивилизации, объединяющей народы России, составляют такие ценности, как “справедливость и совесть”, лежащие в основе православия; “справедливость и долг”, определяющие основу нормативно-ценностной системы ислама; “толерантность и долг”, являющиеся основой ценностной системы буддизма; “совесть и толерантность” – ценности, отражающие сущность традиционных верований народов Севера, Горного Алтая»¹⁸.

Однако нахождение консенсусных точек в понимании социальной справедливости представителями различных российских конфессий не снимает и не решает вопроса об их восприятии современного общественно-политического устройства как несправедливого. Например, выявившийся в ходе социологического исследования негативизм в отношении постсоветского общества, по мнению Р. Рывкиной, «является косвенным показателем негативного отношения жителей России к российскому варианту капитализма»¹⁹. Согласно данным другого опроса 2014 г., «наиболее популярные ассоциации с понятием “справедливость” – это законность (72% от опрошенных), честность (65%) и права человека (61,6%) – понятия в целом в большей степени характерные для либеральной трактовки справедливости»²⁰. Данные материалы свидетельствуют о том, что понимание социальной справедливости и несправедливости продолжает концентрироваться вокруг вопросов о функциональности государства и принципов и пределов его вмешательства в функционирование гражданского общества.

Н. И. Шестов в своей статье на данную тему после последовательного критического разбора либеральной формулы «меньше государства – больше справедливости» предложил не бес-

спорную (по его же словам) формулу: «Больше государства – больше справедливости, меньше государства – меньше справедливости»²¹. Особенно интересен его тезис о том, что противоречия в либеральной политической теории и практике «проистекают как раз из того, что игнорируется факт органической связи между “справедливостью” и “несправедливостью”»: либо справедливость, либо ничего! По этой логике получается, что всегда есть некое идеально “справедливое” действие государства, которое по определению ни при каких условиях не может стать “несправедливым”. И есть некое столь же идеально “несправедливое” действие государства, которое ни при каких условиях не может считаться “справедливым”. Поскольку большинство государств во взаимных отношениях и внутренней политике действуют примерно одинаково (сообразно своим базовым функциям) и предпринимают примерно одинаковый ряд действий, то взаимная конкуренция заставляет их приспособлять такую логику к реальности. Одно и то же действие государства объявляется “справедливым”, если это действие “своего” государства, и “несправедливым”, если это действия “чужого” государства. Это логика генезиса тех самых “двойных стандартов” политической философии либеральной политики, которая многих возмущает в современном мире, но с которой никто не знает что делать»²². Для снятия данного противоречия Н. И. Шестов предлагает использовать мифологическую трактовку справедливости/несправедливости, которая «является политической ценностью в силу того, что она в основе своей есть базовый социальный миф, пользование которым социум делегирует государству в режиме практик элитообразования. Социум приобщает государство к сакральной основе своего существования и тем легитимирует само его существование»²³. Соответственно, и оценки справедливости и несправедливости любого государства (независимо от характера политического режима) соотносятся с границами его функционирования в пределах «господствующих социально-мифологических представлений о смысле и назначении (функциях) политики и власти»²⁴.

Выход из сложившейся ситуации (в контексте защиты от «цветных революций») автору видится в непрерывном общественном самопознании, в диагностике «своей культуры, своего массового и группового сознания... своей собственной социально-политической мифологии»²⁵. При этом наличие механизмов такой внутренней диагностики автором принимается за аксиому, и проблема видится лишь в том, что они сориентированы, в духе либеральной доктрины, на взаимодействие с государством, а не на взаимодействие с собственным обществом. Ключевой вопрос, над которым Н. И. Шестов предлагает задуматься обществу (в качестве

противодействия технологиям «цветной революции»), – кто или что в политике будет олицетворять «справедливость» и «несправедливость» после уничтожения существующей государственности революционными активистами? Готово ли само общество взять на себя ответственность за то, чтобы побороть несправедливость и установить справедливое общественно-политическое устройство? Отсутствие положительных ответов на данные вопросы Н. И. Шестову видится в качестве главной причины негативных последствий большинства «цветных революций» в различных регионах мира.

При внимательном рассмотрении содержания данного подхода возникает ряд вопросов к его автору, и прежде всего к оригинальности и инновационности самой формулы «больше государства – больше справедливости, меньше государства – меньше справедливости». Логика расширения социальной функциональности государства, с точки зрения реализации принципов социальной справедливости, начала проявляться еще в XIX столетии в результате оформления и распространения коммунистической и анархистской идеологий. Их основатели выступили с резкой критикой существовавших государств как машин, обеспечивающих насилие над личностью и эксплуатацию большинства угнетенных классов со стороны правящих элит. Идеалом справедливого общества теоретикам данных идеологий виделось безгосударственное устройство на основе высокой сознательности всех членов общества в нахождении баланса между личными и общественными интересами. Движение к этому идеалу анархисты видели в революционном разрушении существующих государств и раскрепощении творческих сил и возможностей отдельных индивидов. Коммунисты обосновывали возможность построения такого бесклассового и безгосударственного общества посредством революции и установления диктатуры пролетариата, необходимой для того, чтобы сломить сопротивление господствующих классов и сформировать необходимые социально-экономические и культурные предпосылки для постепенного отмирания государства.

Растущая популярность данных идей, подкрепленная чередой революционных выступлений в Западной Европе и других регионах мира, сделали неизбежной реакцию существовавших капиталистических государств в виде процессов их демократизации и расширения функций социальной защиты, которые должны были снять обвинения в эксплуататорской сущности и социальной несправедливости. Особенно неизбежной такая реакция стала после победы большевиков в России и провозглашения строительства альтернативной капитализму социалистической системы. Эволюция либеральной доктрины «государства ночного сторожа» в доктрину социального государства была неизбежной, особенно с

учетом, что в условиях мирового экономического кризиса после Первой мировой войны возникла еще одна альтернатива демократии в виде различных вариантов фашизма и национал-социализма, которые открыто заявили о своих экспансионистских претензиях на мировое господство.

Таким образом, формула «больше государства» была положительно воспринята представителями **всех** метаидеологий XX столетия, но для обоснования своего собственного, принципиально отличного от других варианта «справедливого» общественно-политического устройства. После уничтожения «коричневой чумы» XX в. противоборство двух систем в рамках «холодной войны» осуществлялось во многом на демонстрации преимуществ двух антагонистических моделей социальной функциональности государства (в их различных вариациях). Конкуренция данных систем предопределяла и вектор развития стран третьего мира, которые могли склоняться к тому или иному варианту выбора своей национальной стратегии.

Экскурс к этим азбучным основам ведущих идеологий сделан для того, чтобы показать, что предложенная формула не дает возможности разрешить дихотомию и двойные стандарты в понимании справедливости или несправедливости конкретных государств и тех политик, которые в них реализуются. Содержание данной формулы в различных сообществах настолько отличается друг от друга, что не может стать универсальной основой для научных исследований деятельности отдельных государств. «Больше государства» может представлять собой, например, режим тотальной слежки за своими гражданами (неявной, как сейчас в США со стороны АНБ, или явной, как в КНДР), но может представлять сложный механизм концентрации общественных ресурсов и их перераспределения на приоритетных направлениях экономического развития, а также для эффективной социальной защиты своего населения. Вариативность комбинаций формулы «больше государства» так велика, что по определению не может быть универсальной.

Более того, в определенном смысле Н. И. Шестов противоречит сам себе, когда констатирует, что «технология “цветных революций” будет успешной до той поры, пока в стратегиях существования гражданских обществ в разных странах все будет определять примитивный и эффективный в условиях либеральной демократии гражданский запрос, обращенный к государству: “Дай!”»²⁶. Однако предложенная автором формула, если редуцировать ее до «сухого остатка», представляется не чем иным, как индивидуальным, групповым и общественным запросом «Дай».

Не менее дискуссионна и отсылка к необходимости руководствоваться базовым социальным мифом для оценки справедливости/

несправедливости деятельности конкретных государств. Дело не только в том, что один и тот же миф может выступать в качестве обоснования антагонистической политики различных государств (например, миф о мессианском предназначении США и СССР, претендующих на то, чтобы осчастливить все человечество и подошедших в борьбе друг с другом к порогу ядерного столкновения, грозящего уничтожением всего живого на земле).

Более обоснованным представляется социальная значимость поставленного вопроса, готово ли общество (по крайней мере, его активная часть), считающее свое государство или его отдельные институты социально несправедливыми, к тому, чтобы заменить их после революции на нечто более эффективное и справедливое? Есть резонное сомнение в том, что именно общество способно ответить на такой вопрос без соответствующей подсказки со стороны элит или контрэлит, например, о том, что «каждая кухарка должна научиться управлять государством». Не случайно, что действующая власть в современной России сконцентрировала свои пропагандистские усилия на ряде стратегических направлений, среди которых одним из важнейших является обоснование значимости Российского государства и его функциональности как великой державы.

Думается, что совсем не является аксиомой авторское утверждение о наличии механизмов внутренней диагностики и самопознания общества. Скорее, целесообразнее вести речь о сущности и характере формирования и функционирования институтов гражданского общества, о степени их соответствия интересам представляемых социальных групп и всего общества, об их политической функциональности и возможностях ограничивать государство и его структуры от возможностей злоупотребления властными ресурсами. Да, действительно, втягивание россиян в функционирование гражданских институтов повышает их политическую культуру, расширяет осознание своих прав и возможностей в сфере политики и обществе в целом. Тем не менее, оно не ограждает от тех технологий манипулирования массовым сознанием, ресурсы которых значительно увеличились в условиях революции информационных технологий и возрастания открытости большинства современных государств для информационного воздействия извне. Поэтому «механизмы самопознания» общества на практике представляют собой объект перекрестного воздействия самых различных внутренних и внешних политических сил, преследующих не только различные не совпадающие, но и антагонистические цели. При этом каждая из них стремится учитывать ментальные особенности тех социальных групп, к которым они апеллируют, чтобы добиться соответствующей поведенческой реакции. Поэтому мифологические представления о социальной справедливости также

выступают в качестве перекрестных мишеней манипулирования для достижения различных инструментальных целей.

Как представляется, не имеет научного смысла сама постановка вопроса о выработке некой универсальной формулы социальной справедливости как основы любой политической системы. Истина всегда конкретна. Если мы признаем, что развитие мировой истории носит конкурентный характер на основе различных цивилизационных моделей, то из этого логически следует, что единого понимания социальной справедливости быть не может. Каждый народ определяет ее исходя из своих исторических особенностей, на основе собственных ментально закрепленных ценностей. Скорее, речь нужно вести о выработке общепризнанных принципов и правил конкуренции данных представлений в рамках взаимодействий суверенных государств. Для этого следует признать, что в современных условиях конкуренция различных ценностных моделей не может осуществляться на основе права сильного, которым на практике тысячи лет руководствовались ведущие мировые державы.

Разрушительные последствия двух мировых войн, противостояние двух альтернативных социально-политических систем в рамках «холодной войны» привели к выработке определенных механизмов и правил регулирования конкурентных отношений суверенных государств. Они не отменили принципа силы в мировой политике, но дополнили его совокупностью международных норм и институтов, нацеленных на мирное регулирование возникающих международных проблем. Их выработка была вынужденным компромиссом, порожденным примерным равенством противоборствующих сил, а впоследствии и осознанием неизбежного взаимного уничтожения в случае применения ядерных вооружений. Сложившаяся система международных отношений не была совершенна, ее функционирование сопровождалось множеством локальных и региональных конфликтов, но сущность противостояния определялась стремлением показать ценностное и институциональное преимущество своей модели общественно-политических и социально-экономических отношений.

США и их союзники акцент делали на материальном благополучии, технологическом превосходстве, объясняя их воплощением либеральных принципов социальной справедливости в реализации прав и свобод человека. СССР и его союзники акцент делали на превосходстве социалистической модели со своей точки зрения социальной справедливости – отсутствие эксплуатации, пропасти между бедными и богатыми, безработицы, гарантированная система бесплатного образования и медицинского обслуживания, других форм социальной защиты. После разрушения СССР и распада социалистической системы, казалось бы, безоговорочную победу

одержали США и их союзники на основе превосходства либеральной модели и соответствующей точки зрения на социальную справедливость. Были провозглашены «конец истории», неизбежность перехода всего мира на либеральную модель в результате процессов глобализации, а США фактически признали себя не просто лидерами однополярного мира, но ответственными за процессы демократизации всего человечества.

Процессы эти оказались очень противоречивыми и конфликтными, и для «продвижения демократии» США и их союзники все чаще стали использовать фактор силы, с учетом, что Россия как правопреемница СССР в 1990-е гг. была значительно ослаблена, а главное, ее либерально-демократические лидеры шли в фарватере американской внешней политики. В результате сложившаяся система норм и правил регулирования международных отношений в значительной степени стала инструментом реализации интересов США и их союзников на основе пресловутых «двойных стандартов». Самым типичным примером их применения стало выборочное использование двух равновеликих прав: права народов на самоопределение и «незыблемость» права суверенных государств на защиту своей территориальной целостности. Поэтому для Запада процессы разрушения СССР, распад Югославии, признание независимости Косово – это реализация права народов на самоопределение, а провозглашение независимости Абхазии, Южной Осетии, Приднестровской Молдавской Республики, Луганской и Донецкой народных республик – это нарушение территориальной целостности Грузии, Молдовы и Украины.

Более того, США и поддерживаемые ими международные организации стали активно вмешиваться во внутренние дела самых различных государств на основе апелляции к необходимости обеспечения прав человека как универсальной модели реализации социальной справедливости. Большинство этих вмешательств имели самые плачевные последствия и вызвали негативную реакцию во многих странах «третьего мира», которые все чаще стали инициировать идею целесообразности многополярного мира. Эта идея активно была подхвачена В. Путиным в рамках реализации стратегии возрождения России как великой державы.

Как представляется, формирование новой системы регулирования международных отношений возможно в том случае, если их ведущие субъекты признают право каждого суверенного государства на реализацию своей собственной модели социально-политического и социально-экономического развития на базе своей собственной трактовки социальной справедливости. Это не означает, что должны будут признаны в том числе и радикальные группировки, например ИГИЛ, в своем праве на собственное понимание «справедливого» социально-политического

устройства, так как они осуществляют его в виде обязательного и единственно возможного варианта, насаждаемого с помощью угроз и террора. Однако и навязывание в качестве обязательной и единственно возможной либеральной модели в ее западноевропейской трактовке также недопустимо. Технологии «цветных революций» и стратегия «мягкой силы» не должны быть инструментами неограниченного и никем не контролируемого вмешательства США и их союзников во внутренние дела суверенных государств.

В рамках формирования многополярной системы целесообразно учитывать накопленный положительный опыт и проверенные временем правовые механизмы легитимации санкционного и силового международного вмешательства в случае военных переворотов и агрессий одних стран против других. В любом случае до тех пор, пока они не будут выработаны, никто не отменял правомочности существующих международных институтов и процедур (прежде всего ООН и Совета Безопасности ООН) для регулирования конфликтных ситуаций. Игнорирование их со стороны США и их союзников не может быть оправдано никакой апелляцией к мессианской роли Америки в распространении либеральных идеалов социальной справедливости. Новая международная система глобальных сдержек и противовесов в рамках многополярного мира должна быть нацелена, прежде всего, на обеспечение взаимного уважения, возможностей мирной конкуренции и взаимовыгодного сотрудничества суверенных государств и их объединений как представителей различных моделей социально-политического устройства и различных ценностных моделей социальной справедливости.

Примечания

- 1 Шестов Н. И. «Справедливость» и государство // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 69.
- 2 На русском языке книга была издана в 1995 г. См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995.
- 3 Хабермас Ю. Будущее человеческой природы : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2002. С. 12.
- 4 Валлерстайн И. После либерализма : пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М. : Едиториал УРСС, 2003. С. 248.
- 5 См.: Гаврилова И. Н. Западные трактовки социальной справедливости (Обзор концепций) // Социс. 2009. № 3. С. 36–44.
- 6 Выступление президента Барака Обамы на выпускной церемонии в военной академии Уэст-Пойнт 28 мая 2014 года. URL: <http://translations.state.gov/st/russian/texttrans/2014/05/20140529300542.html#axzz3WgnRX3v4> (дата обращения: 08.04.2015).
- 7 Там же.
- 8 Там же.

- ⁹ Кирюхин Д., Щербак С. Представления о справедливости в России и в Украине : повседневность и идеология // Социология : теория, методы, маркетинг. 2007. № 1. С. 148.
- ¹⁰ Аитова Г. Ш. Новое в понимании справедливости в эпоху глобализации : социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. С. 32–33.
- ¹¹ Кончанин Т. Л. Великая миссия социогуманитарного образования // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9, № 2. С. 96.
- ¹² Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 19.
- ¹³ Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб. : Алетей, 2009. С. 168.
- ¹⁴ См.: Смолин О. Н. Социальная справедливость : не «все поделить», но «делиться надо» // Журнальный клуб Интелрос «Альтернативы». 2014. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a1-2014/> (дата обращения: 04.04.2015).
- ¹⁵ См.: Хахулина Л. Устойчивость массовых представлений о социальной справедливости // Вестн. общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Январь–июнь. 2014. № 1–2 (117). С. 37–49.
- ¹⁶ Данилова А. В. Почему не справедливо российское общество? Содержательное наполнение понятия «справедливость» и его значение для социальной системы // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems, № 12 (44), 2014. С. 161–175. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/issue/view/122014> (дата обращения: 05.04.2015).
- ¹⁷ Койчуев А. О концепции справедливости в исламе // Власть. 2011. № 3. С. 114.
- ¹⁸ Пальцев А. Системообразующие ценности евразийской (российской) цивилизации // Власть. 2014. № 11. С. 42.
- ¹⁹ Рывкина Р. Социальная справедливость и общественное мнение. URL: <http://polit.ru/article/2005/10/12/ryvkina/> (дата обращения: 05.04.2015).
- ²⁰ Данилова А. В. Указ. соч.
- ²¹ Шестов Н. И. Указ. соч. С. 70.
- ²² Там же. С. 72–73.
- ²³ Там же. С. 73.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 74.
- ²⁶ Там же.

УДК 342.722.1

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ

Г. Н. Комкова

Саратовский государственный университет
Email: kafedra-kmp@mail.ru

В статье рассматривается эволюция понимания категории «равенство» начиная с Древнего Рима и заканчивая современным периодом. Проанализированы мнения ученых разных веков относительно формального и социального равенства. Сделан вывод о том, что равенство означает притязания человека, его требования, чтобы общество и государство давали любому его члену не меньше благ, чем другому. Однако закон утверждения равенства является противоположным другому закону – изменчивости природных способностей человека, который делает людей неодинаковыми, не похожими друг на друга. И чем выше уровень развития человечества, тем более увеличиваются различия между людьми, а потому, несмотря на конституционное закрепление принципа равенства, абсолютное равенство между людьми недостижимо.

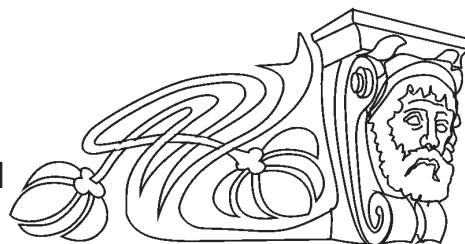
Ключевые слова: равенство, формально-юридическое равенство, социальное равенство.

The Problem of Providing Equality of Citizens' Political Participation: Historical and Modern Interpretations

G. N. Komkova

This paper examines the evolution of the understanding of the category of «equality» since ancient Rome to contemporary period.

© Комкова Г. Н., 2015

Analyzed the opinions of scholars of different ages with respect to formal and social equality. It is concluded that the claims of equality means the person, its requirement that society and the state gave it to any member not less benefits than others. However, the law of equality is the opposite assertion another law – the variability of natural human abilities, which makes people different, different from each other. And the higher the level of human development, especially increasing the differences between people, and therefore, despite the constitutional recognition of the principle of equality, absolute equality between people is unattainable.

Key words: equality, formal legal equality, social equality.

В различные периоды существования человечества возникали и находили свое отражение в умах людей общезначимые понятия, без которых была бы невозможна скоординированная жизнь между людьми. Вначале данные понятия имели форму абстрактных идей, но постепенно конкретизировались, приобретали сторонников, становились всеобщими.

«Цивилизации являются результатами некоторых основных идей, – писал французский ученый Г. Лебон, – когда же случайно изменяются эти идеи, то и питаемые ими цивилизации осуждены скоро измениться»¹. Исследование того или иного явления всегда будет носить неполный характер, пока наряду с другими аспектами

не будет раскрыт исторический срез изучаемой проблемы. Становление и развитие идеи равенства прав человека раскрывает пути познания и объективации свободы.

В науке устоявшиеся идеи облекаются в форму категорий, представляющих продукт умственной деятельности ученых. Значение категорий, по мнению Э. Дюркгейма, состоит в том, что «они выражают собой наиболее общие из отношений, существующих между вещами»². Наука призвана разрабатывать не только базовые научные категории, методы мышления, но и навыки работы с ними.

Для научного осмысления категорий необходимо изучать историю, наблюдать факты существующей действительности, внедрять полученные знания в практику. Это процесс сложный и кропотливый, требующий длительного времени и коллективных усилий. Как отмечает А. С. Автономов, «в категории раскрытие содержания объекта не является самоцелью, а подчинено решению задачи выявления и исследования законов существования конкретной действительности или обширной области этой действительности, в постоянном взаимодействии со средой, в которой эта задача существует и, значит, с необходимостью требует определения места и роли данного объекта среди явлений и отношений конкретной действительности»³.

Одной из глобальных категорий человечества всегда было равенство. По устоявшемуся в науке мнению, равенство – это одинаковое положение людей в обществе, одинаковое отношение к средствам производства и дефицитным ресурсам, одинаковые гражданские права и обязанности, одинаковый доступ к материальным и духовным ценностям, благам, одинаковая ценность людей и групп для общества⁴. Отступление даже от одного из этих условий в обществе расценивается как неравенство. Однако достижение полного равенства во всех сферах жизни – несбыточная идиллия, к которой стремились и стремятся многие человеческие сообщества. История развития теории равенства убеждает нас в этом. Как верно отмечает Т. Н. Самсонова, «уроки истории – это не только созданные ценности, нравственные нормы и принципы, но и совершенные ошибки, трагедии. Не зная истории, в том числе и истории мысли, человечество рискует совершить те же самые просчеты, повторить старые нелепости, наконец, принести новые жертвы»⁵. Именно поэтому актуальным является исследование этапов развития и законодательного закрепления категории равенства.

Каждой ступени в историческом развитии человечества присуще свое понимание равенства между людьми. Оно находило отражение не только во взглядах ученых-философов, но и в источниках права. «Принцип формального равенства, – писал В. С. Нерсисянц, – представляет собой постоянно присущий праву принцип с

исторически изменяющимся содержанием»⁶.

Так, учение древнегреческого философа Протагора, знаменитого своим тезисом «Человек – мера всех вещей», основывалось на идее человеческого равенства. Он считал важными для всех людей такие достоинства, как добродетель, мудрость, политическая активность.

Это представление о равенстве продолжил афинский мыслитель Перикл, живший в V веке до н.э.: «По отношению к частным интересам наши законы представляют равноправие для всех; что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия. Но в зависимости от его достоинств, скромность звания не служит бедняку препятствием к деятельности»⁷.

В рабовладельческом государстве, естественно, не могло быть и речи о равенстве рабовладельцев и рабов. С точки зрения античного права (афинского, римского), не все люди признавались в качестве полноценных и равноправных. Ульпиан писал: «И хотя мы все носим единое наименование “люди”, но, согласно праву народов, возникло три категории: свободные, в противоположность им рабы. И третья категория – отпущенные на волю, то есть те, кто перестали быть рабами»⁸.

Юридически раб не признавался человеком, был не субъектом права, а объектом. Он являлся по своему правовому положению «вещью, говорящим орудием» наряду с хозяйственным инвентарем и средствами производства.

Но и среди свободных граждан, по мнению Аристотеля, большую социальную ценность для государства представляли два сословия: военные и законодатели. Все остальные – торговцы, ремесленники, земледельцы – обладали гораздо меньшими правами. Так, в Спарте и Фивах на государственные должности могли избираться лишь те, кто, по крайней мере, десять лет не занимался никаким ремеслом или торговлей. При этом данное ограничение рассматривалось как бесчестие⁹. Во многих греческих полисах гражданский статус напрямую зависел от наличия у человека земельной или иной собственности. Таким образом, политическое равенство имело под собой экономическую основу. По словам Е. М. Штаерман, политическое равноправие являлось своеобразной проекцией в политическую сферу экономического равенства¹⁰.

Вначале равенство людей обосновывалось их равным божественным происхождением. Основоположники естественной школы прав человека были убеждены, что люди равны перед Богом. Каждый человек есть ценность в себе и сам по себе. Каждый человек наделен равными неотъемлемыми правами, на которые никто не вправе посягать. Нормативное выражение такое понимание равенства впервые появилось в Де-

ларации независимости США 1776 г., где было записано: «Все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых»¹¹.

Статья 1 Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г., принятая во время Великой французской революции и действующая поныне, трактовала равенство уже несколько иначе: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Социальные различия могут быть основаны только на соображениях общей пользы»¹². Здесь мы уже наблюдаем, что не подчеркивается божественный характер происхождения прав человека и равенства между людьми, а запрещается установление неравенства государственной властью, за исключением случаев «общей пользы». Равенство является необходимым следствием естественного характера прав каждого человека, а равны они потому, что принадлежат к одному человеческому племени, с присущими только человеку признаками. Однако каждый человек индивидуален и не может быть тождествен другому. Задача государства – найти и укрепить то общее, что есть у всех представителей человеческого рода. «Очевидный смысл этой статьи, – писал впоследствии А. Олар, – тот, что несправедливо, чтобы к прирожденным неравенствам учреждения прибавляли искусственные»¹³.

Вытекающая отсюда идея морального равенства предполагала, что никто из людей от природы не подчинен воле другого человека, никто не приходит в этот мир, будучи собственностью или подданным другого. Таким образом, другой стороной идеи естественного равенства людей выступает то, что в силу своего равного происхождения люди не могут быть подчинены друг другу.

Прорывом в учении о равенстве были воззрения социалистов-утопистов XVI–XIX вв. Т. Мора, Т. Кампанеллы, Дж. Уинстэнли, Г. Бабефа, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, которые создавали проекты идеального общества, где проблемы установления справедливости и равенства занимали главное место. Однако они по-разному трактовали эти понятия. Одни считали необходимым сохранение определенных различий в труде, в потреблении благ гражданами утопических государств, другие рассматривали равенство как всеобщую уравнительность, видя в этом высшее проявление справедливости. Третьи полагали, что равенство несовместимо с «природой» человека, поэтому выступали за сохранение имущественного неравенства людей, считая его вполне справедливым¹⁴.

Основоположники марксизма-ленинизма считали, что равенство есть социально-историческая категория. Суть требований марксистско-

го понимания равенства состояла в том, «что из того общего свойства людей, что они люди, из равенства людей как людей, оно выводит право на равное политическое и – соответственно – социальное значение всех людей или, по крайней мере, всех граждан данного государства или всех членов данного общества»¹⁵. Причину неравенства в буржуазно-классовом обществе классики марксизма видели в господстве частной собственности. В противоположность ему пролетарское понимание равенства включало в себя обязательное уничтожение классов. Развивая эту идею, продолжатель марксистской теории В. И. Ленин указывал, что «под равенством социал-демократы в области политической понимают равноправие, а в области экономической ... уничтожение классов...»¹⁶. Таким образом, в марксистско-ленинской теории выделялись два вида равенства: буржуазное (формально-юридическое равенство собственников) и пролетарское (фактическое равенство человека в общественной и экономической жизни). В результате победы социалистической революции, считали они, могут быть уничтожены все формы социального неравенства. Однако практика социалистического строительства в СССР и других странах социалистического лагеря показала ошибочность данного вывода.

Особенно тяжело отступление от принципов социалистического равенства переживается в России, так как россиянам всегда были присущи обостренное чувство справедливости и неприязнь неравенства. Православие, которое было введено на Руси, именно потому так укрепилось, что учение Христа основано на признании справедливости в качестве основного постулата веры. Требования равенства выдвигали и большевики, программу которых поддержала большая часть населения Российской империи. Возмущение несправедливостью – одно из самых сильных чувств россиян. Оно могло подтолкнуть к бунту (восстание на броненосце «Потемкин»); к революции (Февральская революция 1917 г.); к созданию тайных обществ и политических партий, выступающих за справедливость (декабристы и большевики); на борьбу с несправедливыми законами (принятие Манифеста 1905 г.).

Победа большевиков в Октябрьской революции осуществилась во многом благодаря привлекательным, справедливым лозунгам: «Фабрики – рабочим, землю – крестьянам». При социализме ставилась задача перехода от «буржуазного формального равенства» к «социалистическому фактическому равенству» всех людей. «В социалистическом понимании принцип равноправия означает абсолютную недопустимость всякой иерархии правовых положений граждан, высших и низших юридических статусов, отсутствие любых установленных законом привилегий у одной категории граждан, правовых ограничений – у других»¹⁷.

Главной задачей социальной политики Советского государства объявлялся процесс сближения всех классов и социальных групп советского общества, стирание межклассовых различий. На деле все обстояло иначе. В советское время в разряд элиты (номенклатуры), обладающей особыми привилегиями, входили лица, занимавшие штатные должности в партийных органах, а также руководители промышленных предприятий, строительства, транспорта, сельского хозяйства, обороны, науки, культуры.

Реальная политика партийного руководства страны вовсе не была основана на принципах равенства и социальной справедливости, которые провозглашались с высоких трибун. Тем не менее, население знало, что конечная цель коммунизма – достижение полного равенства всех членов общества. Однако людей ориентировали на то, что этот процесс длительный и сложный. «Полное социальное равенство не возникает вдруг в законченном виде. Общество дорастает, дорабатывается до него довольно долго, трудно, ценой огромных усилий»¹⁸. Впоследствии многочисленные факты несправедливости способствовали постепенному расшатыванию устоев социализма и его краху. Ведь, как верно отмечает Н. С. Бондарь, «в условиях тоталитарной государственности положение человека в обществе определялось не горизонтальными отношениями равенства всех перед законом, а вертикальными отношениями власти-подчинения»¹⁹. В процессе перестройки всех сторон государственной и общественной жизни в России возникла необходимость и переосмысления равенства.

В связи с принятием Конституции РФ 1993 г. принцип равенства прав и свобод человека и гражданина приобрел новое значение. В российской юриспруденции в качестве особой научной категории общепризнанным является выделение равенства формального, т. е. равенства граждан перед законом, и равноправия, т. е. равенства в сфере прав, свобод и законных интересов граждан. Первый вид является формальным, потому что «он характеризует форму отношения гражданина и закона безотносительно к социальным качествам того и другого»²⁰. Требования формального равенства закреплены в формулировке ч. 1 ст. 19 Конституции РФ «Все равны перед законом и судом».

Однако в современной доктрине конституционного права находит все больше своих сторонников концепция легитимности социального неравенства, в которой «речь идет не о фактическом равенстве, а о равенстве правовых возможностей различных по своему статусу и имущественному положению, способностям и ожиданиям людей и равенстве в законопослушании»²¹.

Равенство в абсолютном смысле слова есть категория, в общественной жизни полностью не-

осуществимая и никогда еще в истории не реализованная. Стремление людей устранить неравенство зачастую приводит к переворотам или революциям, но основная цель – устранение неравенства – не достигается. «Всякая революция в своем стремлении установить равенство обычно только переменяет состав лиц, стоящих вверху и внизу общественной лестницы, или – поскольку действительно меняется самый принцип общественного строя – заменяет неравенство одного порядка неравенством другого порядка или содержания. Но установить социальное равенство в буквальном смысле так же невозможно, как установить физическое равенство между людьми», – писал С. Л. Франк²².

Люди всегда не равны как по своим физическим и душевным свойствам, так и по социальному положению, по своим правам и обязанностям. Нет сомнения в том, что равенство – понятие социальное, оно возможно только между людьми. Равенство означает притязания человека, его требования, чтобы общество и государство давали любому его члену не меньше благ, власти, почета, чем другому. В данном смысле равенство выступает неосуществимой основой: поскольку нет двух абсолютно идентичных людей, постольку не может быть и абсолютного равенства между ними. Рассуждать можно только о равенстве людей относительно чего-то. Что в качестве этого может выступать, пока неясно: Право? Управление государством? Равная доля в общественном богатстве? Ответы на данные вопросы еще предстоит дать. Закон утверждения равенства является противоположным другому закону – изменчивости природных способностей человека, который делает людей неодинаковыми, непохожими друг на друга. И чем выше уровень развития человечества, тем более увеличиваются различия между людьми. Г. Лебон еще в XVIII в. отмечал: «Вопреки нашим мечтам о равенстве, результат современной цивилизации не тот, чтобы делать людей все более и более равными, но наоборот, – все более и более различными»²³.

Действительно, «равноправие» и «социальное равенство» – это два разных понятия. Равноправие предполагает равенство людей в их человеческом достоинстве, т. е. признании абсолютной ценности человеческой личности. Равноправие подразумевает равные права и свободы, зафиксированные в международных документах и основных законах государств. Социальное равенство – это равенство в социальных статусах конкретных людей, чего достичь весьма сложно. Однако в отраслевых правах (избирательных, трудовых), в индивидуальных правовых статусах люди не могут быть равны, что не нарушает общей концепции справедливости.

Переосмысление категории равенства может столкнуться с большими трудностями, поскольку причины популярности лозунга «Равенство

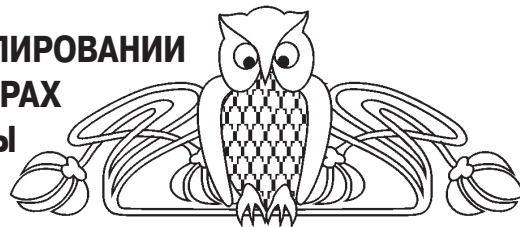
всех независимо от каких-либо обстоятельств» связаны с тем, что равенство сильнее, чем свобода, нравится большинству россиян, которые считают, что быть равными лучше, чем быть свободными.

Примечания

- ¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 106.
- ² Дюркгейм Э. Социология религии и теория познания // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии : в 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 79.
- ³ Автономов А. С. Методологические аспекты исследования системы категорий конституционного права // Теоретические проблемы российского конституционализма / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2000. С. 7.
- ⁴ См.: Кравченко А. И. Основы социологии. М., 2000. С. 384.
- ⁵ Самсонова Т. Н. Справедливость равенства и равенство справедливости. М., 1996. С. 3.
- ⁶ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 18.
- ⁷ См.: История греческой литературы : в 3 т. / под ред. С. И. Соболевского. М., 1946–1960. Т. 1. С. 342.
- ⁸ Там же. С. 377.
- ⁹ См.: Аристотель. Политика. М., 1956. С. 127.
- ¹⁰ См.: Штаерман Е. М. Эволюция античной формы собственности и античного города // Византийский временник / АН СССР ; отв. ред. З. В. Удальцова. Т. 34. М. : Наука. 1973. С. 3–15.
- ¹¹ Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 25.
- ¹² Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. М., 1984. С. 209.
- ¹³ Олар А. Политическая история Французской революции, происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804. М., 1938. С. 66.
- ¹⁴ Подробнее см.: Самсонова Т. Н. Указ. соч. С. 3–5.
- ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. Изд. 2. М., 1955–1981. Т. 20. С. 104.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Изд. 5. М., 1967–1981. Т. 24. С. 362.
- ¹⁷ Мальцев Г. В. Проблемы юридического равенства в современной буржуазной идеологии // Проблемы государства и права в современной идеологической борьбе / под ред. Я. Радаева, В. Туманова. М., 1983. С. 177.
- ¹⁸ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983. С. 16.
- ¹⁹ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 465.
- ²⁰ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 165.
- ²¹ Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России. М., 2013. С. 190.
- ²² Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 118.
- ²³ Лебон Г. Указ. соч. С. 38.

УДК 342.81; 324

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УЧАСТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ВЫБОРАХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ С ДОМИНИРУЮЩЕЙ ПАРТИЕЙ

М. В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

Статья посвящена анализу влияния избирательного законодательства на становление в России партийной системы с доминирующей партией. Законы «О выборах» и «О политических партиях» рассматриваются как инструменты политического инжиниринга. Проанализированы возможности участия партий в избирательных процедурах, порядок формирования блоков и коалиций, изменения в электоральной формуле. В статье сделан вывод о наличии «режима благоприятствования» в законодательной сфере крупным парламентским партиям, и в частности «Единой России».

Ключевые слова: политические партии, партийная система, законы о выборах, доминирующая партия.

The Impact of Changes in the Legal Regulation of the Participation of Political Parties in Elections to the Formation of the Party System with a Dominant Party

M. V. Danilov

This article analyzes the impact of the electoral law on the formation of Russia's party system with a dominant party. Law «On elections» and «On political parties» are seen as tools of political engineering. Were analyzed the possibility of participation of parties in electoral procedures, the procedure for forming blocs and coalitions, changes in the electoral formula. The paper concluded that there was «favorable treatment» in the legislative sphere major parliamentary parties and, in particular the «United Russia».

Key words: political parties, party system, electoral laws, dominant party.

Традиционно в массовом сознании демократия воспринимается, прежде всего, как процедура проведения свободных выборов. Не случайно говорить о начале серьезных демократических преобразований в нашей стране стали после первых конкурентных избирательных кампаний в конце 1980-х гг. Но лишь с принятием Конституции 1993 г. избирательный процесс становится систематическим, даже системным явлением. Конституция 1993 г., закрепив выборный способ легитимации власти, положила начало институционализации избирательного процесса.

На протяжении всей истории новой России политические партии пытались играть заметную роль в электоральных процедурах. Именно партии способствовали закреплению роли выборов в массовом политическом сознании. Не имеющие серьезных законодательно закрепленных институциональных возможностей влияния на исполнительную власть, партии, тем не менее, стали основными субъектами политического процесса именно благодаря их участию в выборах.

Федеральный закон «О политических партиях» был принят лишь в 2001 г., и с этого времени мы можем говорить о полноценном правовом регулировании их деятельности. Однако законодательство о выборах имеет значительно более давнюю историю. Поскольку выборы являются важнейшим способом прихода к власти в демократическом государстве, а партии ставят перед собой целью именно приход к власти, мы можем рассматривать избирательное законодательство как важнейшую составную часть правового регулирования партийной деятельности.

Начало правовому регулированию участия партий в избирательном процессе было положено в 1993 г., когда был опубликован Указ Президента РФ от 1 октября 1993 г. № 1557, утвердивший Положение о выборах депутатов Государственной думы в 1993 г. Согласно ст. 5 данного Указа, правом выдвижения списков кандидатов в состав Государственной думы, избираемых по общефедеральному избирательному округу, обладают избирательные объединения. Под избирательными объединениями, согласно тексту Указа, понимались «общефедеральные партии, общефедеральные политические движения, устав которых зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации, или блок таких общественных объединений, создаваемый на период проведения выборов»¹. Ввиду того, что Указом был определен крайне широкий круг субъектов избирательного процесса, неудивительно, что воспользовались правом участия в выборах далеко не только политические партии, но и общественные объединения, которые до этого момента не позиционировали себя как политические, например движения «Будущее России – Новые имена», «Кедр», «Женщины России».

Учитывая сложный исторический период становления новой российской государствен-

ности, острое политическое противостояние президента Б. Н. Ельцина и Верховного Совета, вполне объяснимо, что Указ стал правовой базой проведения выборов 1993 г. Однако такое положение не могло сохраняться долго, требовались более легитимные основания избирательного процесса. Поэтому логичным выглядит то, что вновь избранная Государственная дума начала работу в этом направлении. В 1994 г. был принят Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», а в 1995 г. – «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Данные нормативные акты еще больше, по сравнению с Указом от 1 октября 1993 г. № 1557, расширили понятие «субъект избирательного процесса». В ст. 2 Федерального закона от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан» приводилось следующее определение избирательного объединения: «...общественное объединение, устав которого предусматривает участие в выборах посредством выдвижения кандидатов, которое создано и зарегистрировано в порядке, установленном федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, не позднее чем за шесть месяцев до объявления дня выборов»². Статья 32 Федерального закона от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» фактически дословно повторяла вышеприведенную формулировку³. Таким образом, политические партии были поставлены на один уровень с любыми другими общественными объединениями, пожелавшими участвовать в избирательной кампании. Никаких преференций для партий законодательство в этом смысле не предусматривало.

Итогом такой законодательной «всеядности» стало резкое увеличение числа участников выборов. Если в 1993 г. в них приняло участие 13 избирательных объединений, то в 1995 г. – уже 43. Полноправными участниками электоральной борьбы стали профсоюзы, отраслевые, фактически лоббистские организации, разнообразные структуры, созданные вокруг ярких политических фигур⁴. Однако столь масштабный рост числа участников выборов сложно считать свидетельством роста эффективности и демократичности политической системы страны. Дело в том, что в 1995 г. почти половина голосов избирателей была фактически потеряна, так как была отдана за объединения, не преодолевшие «заградительного» барьера. Контрпродуктивность складывавшейся на тот момент системы стала вполне очевидной не только академическому сообществу, но и самим политикам. Началось постепенное переформатирование порядка участия

в выборах в сторону сначала предоставления все больших преференций политическим партиям, а затем – минимизирования числа реальных участников борьбы за парламентские места.

В 1997 г. был принят новый Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ). Данный нормативный акт достаточно резко ограничил круг потенциальных участников избирательных кампаний только политическими общественными объединениями. Согласно ст. 2 Закона, политические общественные объединения конкретизируются как политические партии, политические организации, политические движения. Важным шагом законодателя стало то, что был зафиксирован квалифицирующий признак политического объединения. Таковым стали закрепленные в уставе цели участия в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации, участие в организации и деятельности указанных органов⁵. Тем самым от участия в выборах отсекались все неполитические организации, а политические партии были обозначены как приоритетный субъект избирательного процесса. И хоть никаких преимуществ, по сравнению с иными политическими объединениями, партии не получили, был сделан важный, пусть и предварительный, шаг в направлении формирования в России относительно устойчивой партийной системы.

Несмотря на то что всего за полгода до очередных парламентских выборов, 30 марта 1999 г., был принят Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» № 55-ФЗ, в котором было ликвидировано прежнее определение политического общественного объединения⁶, действующее на момент выборов, законодательство позволило существенно снизить число их участников – до 26. Более важным итогом данного этапа законодательного оформления участия партий в избирательном процессе можно считать то, что он подготовил и общественное мнение, и представителей политического класса к мысли о необходимости нормативного закрепления исключительной роли партий в политике.

Новый этап в законодательном оформлении условий для складывания в стране системы с доминирующей партией начался в 2001 г., т. е. с момента принятия Закона «О политических партиях». С этого времени мы можем говорить о том, что участие партий в выборах регулировалось не только избирательным законодательством, но и

непосредственно партийным законом. В Федеральном законе от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» было изначально зафиксировано положение, что «политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом самостоятельно выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти» (ст. 36)⁷. В редакции данного Федерального закона от 23 июня 2003 г. эта статья была скорректирована. Из первоначального текста было изъято слово «самостоятельно»⁸.

Данная корректировка законодательства была вызвана введением запрета на формирование предвыборных блоков. То есть партии с 2003 г. являются в принципе единственными участниками избирательного процесса. Политические последствия данного решения не заставили себя долго ждать. Одновременное повышение формальных требований к регистрации партий и запрет на блоковую избирательную деятельность не могли не привести к резкому снижению как количества партий в России, так и реальных участников избирательной борьбы. Новые партии практически лишались доступа к выборам, так как не могли быть зарегистрированными. Существующие партии второго эшелона, не представленные в парламенте, не могли составить предвыборные коалиции и тем самым нарушить складывающуюся партийную систему с доминирующей партией. Реальными бенефициарами подобных законодательных новаций стали те, кто их и проводил в жизнь, – парламентские партии, и прежде всего «Единая Россия». Кроме того, на данной нормативной основе был осуществлен процесс целенаправленного конструирования «Справедливой России» как одной ведущих парламентских партий⁹.

Очевидно, что мотивы законодателя по этому вопросу лежали не столько в юридической, сколько в политической плоскости. Однако стоит ли оценивать подобную политизированность как однозначно негативную? По нашему убеждению, нет. Дело в том, что российская партийная система выполняет не только функцию выражения политических интересов различных социальных групп, но и является механизмом, скрепляющим политическое пространство. Поэтому курс на построение системы с доминирующей партией призван был стабилизировать социально-политические отношения в стране, избавить общество от революционных метаний 1990-х гг. Оптимизируя число участников электорального процесса, законодатель формировал условия политической стабильности.

Еще одним инструментом политической инженерии является избирательная система. Действовавшая вплоть до выборов в Государственную думу 2003 г. (включительно), смешанная избирательная формула обеспечивала представи-

тельство в парламенте не только партийных кандидатов, но и достаточно большого числа независимых депутатов из числа тех, кто был избран по одномандатным избирательным округам. Логика политического процесса подвела законодателя к тому, что, реформативировав партийную систему в сторону обеспечения нормативными средствами складывания системы с доминирующей партией, осталось сделать последний в этом ряду шаг: ликвидировать непартийных депутатов, обеспечив тем самым полный контроль доминирующей партии над парламентом.

Федеральным законом «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ было установлено, что «депутаты Государственной Думы избираются по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной Думы» (п. 2 ст. 3). Кроме того, был повышен «заградительный» барьер для партий, допущенных к распределению мест в Государственной Думе, до 7 процентов (п. 2 ч. 4 ст. 22)¹⁰.

Установление пропорциональной избирательной формулы с высоким порогом отсека стало решающим шагом на пути формирования системы с доминирующей партией. Сложился целый комплекс юридических норм, которые просто не допускали иного развития событий. Партии были объявлены единственными возможными участниками выборов, резко повысились требования к регистрации партий, был введен запрет на формирование избирательных блоков, отменены выборы в Государственную думу по одномандатным округам, установлен семипроцентный «заградительный» барьер, предусмотрено расширение партийного участия в выборах региональных законодательных собраний¹¹.

Резкая либерализация партийного законодательства в 2012 г., связанная со снижением барьеров входа в партийную систему, по всей видимости, не только не нарушит сложившегося баланса сил в отечественной политике, но упрочит его. Такой вывод мы делаем на основании анализа принятого нового Закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ.

В ст. 3 нового Закона закрепляется возврат к смешанной избирательной системе, при которой 225 депутатов избираются по одномандатным избирательным округам, а другие 225 депутатов – по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов избирателей, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной думы¹². Казалось бы, эта норма должна способствовать нарастанию накала политической конкуренции. Яркие политические фигуры теперь могут быть выдвинуты

не только в составе партийных списков по общефедеральному избирательному округу, но и индивидуально в одномандатных округах.

Однако Закон о выборах депутатов предусматривает весьма недвусмысленные преференции для существующих крупных политических партий и в некоторой степени дискриминирует новые партии, их кандидатов и самовыдвиженцев. Согласно ст. 44 данного Закона, «необходимым условием регистрации федерального списка кандидатов, кандидата является поддержка их выдвижения избирателями, наличие которой определяется по результатам последних выборов депутатов Государственной Думы, депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации либо подтверждается необходимым числом подписей избирателей, собранных в поддержку выдвижения»¹³. Освобождаются от сбора подписей:

- партии, представленные в Государственной думе («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»);
- партии, получившие не менее 3% на последних парламентских выборах («Яблоко»);
- партии, чьи представители попали хотя бы в одно региональное законодательное собрание по партийным спискам («РПР-Парнас» в Ярославской области);
- партии, получившие «утешительный» мандат, набравшие больше 5% голосов, но меньше необходимого количества для преодоления «заградительного» барьера.

Все остальные десятки, а, может быть, и сотни новых политических партий, формально имеющих право участвовать в выборах, должны собрать не менее 200 тысяч подписей избирателей, при этом в одном субъекте Федерации подписей должно быть не более 7 тысяч. Выдвиженцы в одномандатных округах от малых партий и самовыдвиженцы должны собрать не менее 3% от числа избирателей округа. Стоит еще раз подчеркнуть, что предвыборные коалиции запрещены, партии могут участвовать в выборах только самостоятельно.

В руки избирательных комиссий передается такой мощный инструмент фильтрации участников выборов, как контроль за корректностью процедуры сбора подписей. Политическая практика показывает, что даже хорошо известным кандидатам не всегда удается это сделать. Всякий раз существуют опасения о наличии в подписных листах большого количества брака. Более того, сама по себе данная процедура финансово и организационно затратна. Для большинства политических новичков она может оказаться просто не под силу. В результате парламентские партии могут не опасаться за свое особое место в политической системе.

Однако логика построения системы с доминирующей партией предполагает, что долж-

ны быть обеспечены условия, при которых положение «Единой России» не пошатнется под натиском конкурентов из числа других парламентских партий. Именно эту функцию призвана выполнять мажоритарная составляющая избирательной формулы. Хорошо известно и многократно подтверждено на практике, что индивидуальное противостояние оппозиции хорошо отлаженной «политической машине» власти в одномандатных округах крайне затруднительно. По крайней мере, об этом свидетельствует опыт последних лет региональных выборов, где уже была апробирована смешанная избирательная система. Так, например, в Саратовской областной думе нынешнего созыва из 45 депутатов всего двое представляют оппозиционные партии, избравшись в региональный парламент по партийным спискам. Выборы во всех одномандатных округах остались за представителями «Единой России».

Таким образом, трансформация избирательного законодательства и сопряженных с ним статей Закона «О политических партиях» прошла в логике формирования в России системы с доминирующей партией. Об этом свидетельствует целый ряд фактов. К основным из них мы относим: политико-правовой инжиниринг с избирательной системой, выражающийся в отмене и введении мажоритарной составляющей; снижение формальных требований к регистрации партий при одновременном сохранении запрета на избирательные блоки; дискриминация малых партий, выражающаяся в необходимости сбора подписей для участия в выборах.

Примечания

- ¹ Об утверждении Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году : указ Президента РФ от 1 октября 1993 г. № 1557. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ² Об основных гарантиях избирательных прав граждан : федер. закон от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ³ См.: О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- ⁴ См.: Ланаева В. В. Фракции и депутатские группы в Государственной Думе как субъекты парламентского процесса // Адвокат. 1998. № 4. С. 114 ; Салмин А. М. Избирательные системы и партии : выбор выборов // Полития. 2004. № 1. С. 18–19.
- ⁵ См.: Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁶ См.: О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : федер. закон от 30 марта 1999 г. № 55-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁷ О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁸ См.: О внесении изменений в статью 36 Федерального закона «О политических партиях» и внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» : федер. закон от 23 июня 2003 г. № 85-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁹ См.: Вилков А. А., Николаева А. А. Особенности современного партийного строительства (или тернистая дорога через «Родину» к «Справедливой России») // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 60–68.
- ¹⁰ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹¹ См.: О внесении дополнения и изменений в статью 4 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 107-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹² См.: О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹³ Там же.

УДК 321.073(470+345)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. А. Писачкин

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск
E-mail: pisachkin@yandex.ru

В статье рассматриваются политические преобразования как важнейший фактор институциональных, структурных и культурных изменений общества. Особо подчеркивается зависимость интенсивности политических процессов от структуры их пространственных особенностей: отношений центра и периферии, характера горизонтальных и вертикальных связей и отношений субъектов и т. д.

Ключевые слова: политические преобразования, политическое пространство, социальное пространство, социальная политика, политический процесс.

Political Transformation as the Factor of Transformation of Social Space of Modern Russia

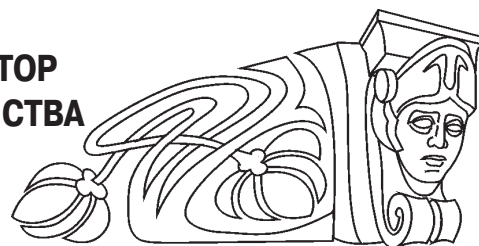
V. A. Pisachkin

The article deals with the political transformation as the important factor of institutional, structural and cultural transformations of society. The main emphasis is laid on the dependence of intensity of the political processes from the structure their spatial features: the relation of center and outlying area, the character of horizontal and vertical relations of subjects and so on.

Key words: political transformations, political space, social space, social politics, political process.

Политические преобразования всегда рассматривались в качестве важнейшего фактора трансформации социального пространства. Исследователи социальной и культурной истории России, философы, социологи, политологи подчеркивают роль политических реформ в институциональных, структурных и культурных изменениях общества, трансформации социального и культурного пространства. В литературе отмечается, что исторический опыт России предостерегает против того, чтобы видеть решение всех проблем лишь в производстве определенной реформы. Проблема эффективности преобразований состоит в «способности субъекта» разумно использовать, «воспроизводить, освоить их в своей культуре». Поиск специфики политических реформ всегда связан с особым вектором социальной реальности, «сферой наличных и потенциальных способностей людей»¹. Успех политических преобразований отражает их соответствие духу времени.

Трансформация социального пространства связана с фактором социального времени, ко-

торое, по мысли Маркса, является «активным бытием человека»². Классики синергетики отмечают, что «пространство приобретает временное измерение» и делают вывод о факте «овременивания пространства»³. В концепции восприятия событий пространства (идентичности) и трансформации объектов английским социологом Э. Жаком⁴ проводится мысль о трансформации объектов, когда они продолжают существовать в иных точках или измененных состояниях, и тогда акцент делается на восприятии процессов последовательной событийности, прослеживающейся как во внешнем мире, так и в сознании, воспринимаемом экзистенциально. Трансформации социального пространства происходят в различных масштабах социального времени, как исторического, так и актуального. Но характер преобразований социального пространства проясняется лишь тогда, когда общественный субъект сознает, в какое время он живет, различая расчленение социального времени на прошлое, настоящее и будущее.

В современном мире под влиянием целого ряда причин произошли различные революции: научно-техническая, информационная, технологическая, концептуально-стратегическая. Социальное пространство подверглось мощнейшим деформациям в плане информатизации, технологизации, институционализации, коммуникативизации, символизации и другим воздействиям и изменениям морфогенетической структуры общества, его социального пространства. Глобализация в современном мире – один из важнейших векторов социальных изменений пространства социума.

Автор миросистемной методологии, президент Международной социологической ассоциации, американский социолог И. Валлерстайн призвал мировое научное сообщество к конструированию исторической социальной науки на базе методологии, соединяющей натуралистический анализ макропроцессов и микроявлений (с культур-центристским измерением отдельных точек). «Мир, по мнению ученого, есть продукт прошлого, задающего параметры для новых путей»⁵. Применение эвристической оценки жизненной стратегии между трансторическими обобщениями и частными изложениями следует связывать с объяснением «действительности как конструируемой реальности», что требует углубления социальной рефлексии в направлении воссоединения мира знания. Глобальный вектор

социально-политических изменений общества действует «вкуче» с векторами регионального и функционального дифференцирования социума.

Параллельно процессу глобализации происходит фрагментация общей и целостной картины мира на пространственные сегменты. Это явление Э. Гидденс рассматривает как регионализацию в процессе зонирования «общепринятых социальных практик в пространстве-времени». Регионализация – это «темпоральная, пространственная или пространственно-временная дифференциация регионов внутри локальностей или между ними». Посредством регионализации «общества определяются как стабильно гомогенные, унифицированные системы». Анализ проблем регионализации связан с необходимостью разработки концептуальной системы «контекстуальности социальной жизни и общественных институтов» во взаимоотношениях социальной и системной интеграции. Различные модели регионализации формируются в процессе социальной интеграции, т. е. во взаимодействиях «в контекстах соприсутствия»⁶.

Большой интерес современной социальной науки привлекает теория социального пространства П. Бурдьё. Теория социального пространства, является базовой для развития и методологического применения социальной топологии. Это понятие служит для обозначения области социального знания, позволяющей изобразить социальный мир «в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме»⁷. Выявляемые свойства социального пространства носят функциональный характер. В структуру социальной топологии Бурдьё вводит понятие поля для обозначения относительно автономного пространства как некоего микрокосма, наделенного собственными законами. Этот микрокосм подчинен социальным законам, но обладает определенной автономией, что относится непосредственно к тем или иным институтам общественной жизни и организации (в науке это институты агрономии, статистики и др.).

Французский автор обращается к вопросу о социальном назначении науки и о культурном производстве как особом виде анализа, претендующего на статус научного. Поле науки является социальным миром и, будучи таковым, осуществляет принуждения, предъявляет требования и т. д. Таким образом, Бурдьё пишет про автономизацию поля в рамках социального пространства. Проявлением автономии поля является его способность к рефракции. Сила его рефракции есть способность к преобразованию. И наоборот, гетерономия поля в основном проявляется в том, что внешние проблемы, особенно политические, находят в нем свое прямое выражение. Интересно рассуждение французского

автора о том, что «политизация» той или иной дисциплины или института служит показателем ее слабой автономии. В подобной ситуации «малокомпетентные, с точки зрения специфических норм поля, люди имеют возможность вторгаться в него, действуя от имени гетерономных принципов, вместо того, чтобы быть немедленно дисквалифицированными»⁸. Поле политики в подобном аспекте выражает логику того, кто призван говорить о социальном мире, социальном пространстве, социальной реальности. Эта логика формулирует картину видения «политического мира», основанного на объективности, поскольку оно «обладает реальными референтами и укорененного в социальной реальности, поскольку оно подтверждается теми, кто принимает его на свой счет и отстаивает». Эта логика выражает способность поля политики к мобилизации людей «через присвоение ими предложенных принципов поведения»⁹.

Масштабные политические преобразования деформируют социальное пространство за счет активизации энергии того или иного капитала, который получает определенные политические предпочтения. Благоприятные условия содействуют преодолению проблемных ситуаций, неблагоприятные – наоборот, свертывают позитивные достижения имеющихся практик. Подобные изменения характерны для современной России, пережившей значительные ломки в сфере производства, демографии, науки, культуры. Рассуждение Бурдьё вполне адекватно описывают ситуации в аспекте практики политических преобразований современного социума. Так, для современных преобразований российской науки и высшей школы травматическая ситуация складывается в контексте действий чиновников, реализующих курс на реформы системы оценки качества работы ученых и преподавателей в сфере высшего образования. Авторы статьи «Какой посткапитализм нужен России?» подчеркивают мысль о том, что проводимый курс в рамках реформы неэффективен, поскольку не существует единой модели общества знания, которую можно было бы поставить «под ключ». Но существует реальная опасность той стандартизации, которая требует переформатировать имеющиеся знания и отказаться от не укладывающихся в «новые форматы традиций». Поэтому для нахождения адекватных ответов на вызовы, связанные со стремительными изменениями в мире, «каждое из существующих в мире обществ должно осознавать и адекватным образом использовать накопленное богатство знаний и способностей»¹⁰.

Информационное пространство социальной реальности – новая качественная определенность, характеризующая пространственно-временной континуум и смыслодеятельную структуру бытия. Современное общество становится информационным по мере того, как информация становится все более существенной составляю-

щей производства и потребления. Современные аналитики говорят об информации как о главном и отличительном признаке современного мира. Утверждаются идеи о том, что мы входим в информационную эру, что новые «способы информации» превалируют, что мы живем в «электронном обществе» и подходим к «виртуальной экономике», движущей силой которой стала информация. Многие эксперты считают, что мы уже существуем в условиях «глобальной информационной экономики». Идея информационного общества пришла по душам политикам и тем, кто политику определяет¹¹.

В рамках качественной или семантической интерпретации понятия информации речь идет об особой форме знания – о владении технологиями применения информации в любом виде деятельности, т. е. умеющем знании. Информация как умеющее знание есть не что иное, как способность к деятельности, возможность запустить в ход определенный процесс, привести его в движение, заставить результативно работать. В данном случае речь идет об инструментальном знании. Только в том случае, если информация способствует процессам взаимодействия, если она обеспечивает каждого ее потребителя и тех, кто ею управляет, возможностью принимать квалифицированные и выверенные решения, она превращается в подлинное знание. Поэтому следует вести речь об информационной культуре¹².

Информация как умеющее знание есть инструментальное знание. Но наряду с ним исследователи также пишут о знании рациональном, в том числе о возрастающей роли теоретического знания. Ф. Уэбстер отмечает, что если под теоретическим знанием понимать абстрактное, обобщаемое и кодифицированное знание, то вопрос о нем редко возникает среди философов и социологов, интересующихся информационным обществом. Дело в том, что теоретическое знание имеет мало общего с информационными технологиями, с качеством информации, сдвигами в структуре занятости или информационными потоками¹³. Процесс информатизации современного общества имеет экономический смысл, который состоит в доминировании информационных продуктов и услуг в производстве и потреблении. Информационные технологии вызывают интеграцию различных форм деятельности. Информация становится движущей силой национального богатства, фактором изменения качества жизни. Социокультурный смысл связан с увеличением динамики социальной жизни, появлением большей свободы выбора, изменением коммуникативного процесса, изменением требований к человеку.

Любой коммуникативный акт осуществляется в рамках пространственно-временных координат. Все коммуникативные взаимодействия реализуются в коммуникативном пространстве и все информационные процессы в обществе

обозначаются термином «социальная коммуникация». Каждое общество образует свое коммуникативное пространство, агентами которого выступают как отдельные люди, так и группы людей и социальные институты. Совокупность связей, возникающих между людьми, их группами, социальными институтами, формирует социальное коммуникационное пространство. Под коммуникативным пространством принято понимать в самом общем виде всю систему многообразных коммуникативных связей, возникающих между различными агентами коммуникации.

Практика, по определению П. Бурдьё, сталкивается с сознанием, но остается внешней ему, а сознание гетерогенно ансамблю практик, однако необходимо как выражение «предельного случая». В роли экстремально «внутренней» и «идеальной» сознание демонстрирует некоторые сущностные характеристики «внешней» социальной практики. Однако, будучи как бы внутренней составной частью совокупности практик, сознание отрицает его универсальный принцип – пространственно-временную локализацию в социальном мире, сингулярность, не говоря уже о многом другом. Парадоксально, но обнаруживаемый разрыв между «внешней» практикой и «внутренним» сознанием есть конститутивный элемент совокупности социальных практик, фиксируемых социологией. Всякая социальная практика в отношении с другими практиками выражает процесс «исторического становления». Любая практика *есть различие*: когда агент что-либо совершает, он отличает себя от предмета своей практики; то, что и как он производит, отличает его предмет деятельности от других; его способ и манера действия отличается от характеристик других агентов и т. д. Только при этом условии практика может быть выделена из хаоса «общественной жизни»¹⁴.

Практика как деятельность, направленная на изменение материального и социального мира и самого человека, реализуется в широком многообразии форм и способов развития общественного бытия, воспроизводства человеческого капитала и опыта совместной жизнедеятельности людей. Рассматриваемая в аспекте социального пространства и времени, практика представляет собой особую социальную связь, механизм накопления и трансляции человеческого опыта, знаний, информации. Практическое перемещение этого опыта может носить как продуктивный характер, так и сопровождаться потерями и утратами, разрушительным действием «разнотипных практических форм» общественного бытия. Для каждой социальной практики существует своя предметная область, представленная в широком аспекте мышления, в ряду возможных схем для индивида, каждого сообщества и общества в целом. Практика служит обязательным компонентом конструирования пространственной ло-

гии воспринимаемой и изменяемой социальной реальности.

Политическое пространство в этом мире представляет собой арену действия различных политических сил, субъектов (институтов, организаций, союзов), движений, процессов, идей, теорий, лозунгов и призывов, а также отношений между классами и государствами, народами и другими политическими образованиями и системами. Политическая практика современного государства такова, что «ни одно практическое действие государства, его политической власти не предпринимается без стратегических расчетов, выделения долговременных научно обоснованных целей, разработки и осуществления перспективных программ развития»¹⁵. Формируемые политические проекты реформ и преобразований, принятые к реализации программы всегда требуют глубокого и всестороннего осмысления, критико-рефлексивного анализа, экспертных оценок и при необходимости коррекции.

Для России характерен опыт «реформ сверху». Например, посткоммунистический переход имеет свое «культурное измерение», связанное с принятием новой системы культурных ценностей, который содержит в себе «генеалогию культурной травмы»¹⁶, выражающей определенную степень дезорганизации, хаоса, глубины диссонанса по отношению к альтернативной культуре. Политические преобразования связаны с социальной политикой, с созданием условий социального благополучия, равновесия в общественной жизни (гарантий амортизации голода, болезней стихийных бедствий, катастроф), условий обеспечения качества и уровня жизни, демографического роста населения, миграционной регуляции, образа жизни, налогообложения, образования, благотворительности, борьбы с преступностью и пр. В российских регионах они в значительной степени обусловлены характером политической субъектности региональных социумов и элит, принимающих участие в конкретных преобразованиях на местах¹⁷. Интенсивность политических процессов во многом определяется структурой их пространственных особенностей: отношением центра и периферии, характером горизонтальных и вертикальных связей и отношений субъектов, концентрацией социальных, политических, военных, экономических, идеологических сил и факторов, действующих в сфере мирового (глобального, межконтинентального), международного и национального, регионального и локального пространства. В. В. Ильин подчеркивает стратификационный характер политического пространства, связывая его с причинами неравного распределения власти, которое «в любом обществе состоит в технологии любой совместной деятельности: ее условием является наличие координации, а координация невозможна без концентрации в координирующем центре определенной власти над людскими и ма-

териальными ресурсами... Политическая власть концентрируется в результате технологической невозможности полного и реального самоуправления»¹⁸.

Действия сообществ людей по социальному конструированию реальности, с одной стороны, направлены на адаптацию к условиям среды и ее улучшение, переструктурирование «условий сред». Отталкиваясь от этой посылки и анализируя этот процесс реальных изменений, американский социолог У. Огборн в середине прошлого века создал теорию отставания культуры. Основная идея его теории состоит в том, что одни элементы культуры не успевают за другими, между ними складывается культурный лаг (запаздывание). Все социальные, технические, технологические и культурные перемены происходят через развитие и кристаллизацию личности, ее моральных качеств. Одновременно происходит организационная революция, связанная с возникновением организационных структур (демократических учреждений, рыночных институтов), которые становятся необходимыми социальными амортизаторами нарастающего усложнения общественной жизни. Однако техническое и технологическое развитие постоянно и быстро идет вперед, а процесс адаптации в других областях (в культуре, морали) запаздывает. Нормы и правила регуляции адекватного поведения входят в практику гораздо позже. Такова особенность в развитии культуры, подмеченная американским социологом¹⁹.

Социальные изменения, шоковая терапия, культурные травмы сопутствуют политическим преобразованиям общества. Социальные последствия сопровождают производимые реформы в обществе, обуславливают изменения между расстановкой акторов общественного бытия, формируемого и концентрируемого капитала (экономического, политического, культурного), определяющих облик социального пространства и систему регуляции общественных отношений.

Примечания

- ¹ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. М. : Изд-во МГУ, 1996. С. 327–328.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. Изд. 2. М. : Гл. изд-во полит. лит., 1955–1981. Т. 47. С. 517.
- ³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. С. 60.
- ⁴ См.: Современные социологические теории социального времени : Научно-аналитический обзор / автор обзора П. Н. Фомичев ; отв. ред. Ю. А. Кимилев. М. : ИНИОН РАН, 1993. С. 7.
- ⁵ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М. : Логос, 2004. С. 285.
- ⁶ Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2003. С. 500.

- ⁷ Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2005. С. 15.
- ⁸ Социоанализ Пьера Бурдые : альм. Рос.-фр. центра социологии и философии ИС РАН / отв. ред. М. А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2001. С. 52–53.
- ⁹ Там же. С. 125.
- ¹⁰ Алексеева И. Ю., Алексеев А. П. Какой посткапитализм нужен России? // Вопр. философии. 2014. № 10. С. 18.
- ¹¹ См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М. : Аспект-Пресс, 2004. С. 6.
- ¹² См.: Кантерев А. И. Информатизация социокультурного пространства. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. С. 478.
- ¹³ См.: Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 370.
- ¹⁴ Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетей, 2001. С. 210.
- ¹⁵ Иванов В. Н. Социальные технологии в современном мире. М. : Славянский диалог, 1996. С. 276.
- ¹⁶ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2005. С. 478.
- ¹⁷ См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- ¹⁸ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Указ. соч. С. 26–27.
- ¹⁹ Цит. по: Асп Э. Введение в социологию. СПб. : Алетей, 1998.

УДК 321.01

ПОСТСОВЕТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ПЕРЕД НОВЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМИ ВЫЗОВАМИ

М. В. Горбачев

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: ktrp@sgar.ru

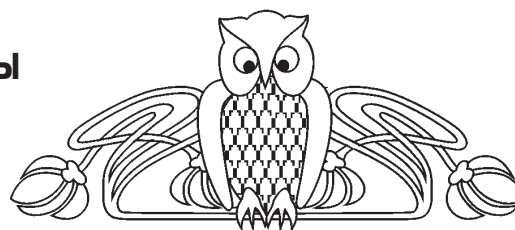
Политическое пространство, которое условно принято называть постсоветским, уникально по своей сущности и природе возникновения. Значительное количество вертикальных политических связей, отношений и механизмов, которыми были объединены государства, входившие в СССР, оказались заменены на горизонтальные формы политических взаимодействий. Одной из таких форм стали разнообразные политические проекты, которые инициировались лидерами постсоветских республик, в том числе и российской политической элитой. Часть этих политических проектов была связана с прозападной перспективой развития, другие затрагивали возможности евразийской интеграции, третьи ориентировали в сторону «восточного вектора» роста. Все эти разнородные политические проекты объединяло одно: выбор интеграционной модели, которая по своей сути означала более значительный и глубокий по своему содержанию цивилизационный выбор. Такой выбор особенно остро встал перед современной Россией как крупнейшей страной постсоветского пространства. В статье анализируются проблемы разработки постсоветских политических проектов цивилизационного уровня. Исследуются их детерминирующие факторы, выявляются их возможные перспективы.

Ключевые слова: политические проекты, евразийское пространство, евразийская политика, западная цивилизация, цивилизационные тренды, политический дискурс, интеграционные модели, постсоветское пространство.

Post-Soviet Political Projects Before the new Civilizational Challenges

M. V. Gorbachev

Political space that is conventionally called post-Soviet, unique in its essence and nature of the occurrence. A significant amount of vertical political ties, relations and mechanisms, which were United States that

were part of the USSR, was replaced by a horizontal form of political interactions. One of these forms have become diverse political projects, which was initiated by the leaders of post-Soviet republics, including the Russian political elite. Part of these political projects was associated with Pro-Western perspective of development, other, raised the possibility of Eurasian integration, third, oriented towards the «Eastern vector» of growth. These diverse political projects had one thing in common: the choice of the integration model, which essentially meant more significant and profound in its content civilizational choice. This choice is particularly stood before modern Russia, as the largest country in the post-Soviet space. The article analyzes the problems of development of Russian political projects civilizational level. Investigates their determining factors, identify their possible prospects.

Key words: political projects, Eurasia, Eurasian politics, Western civilization, civilization trends, political discourse, integration models, post-Soviet space.

Российские политические лидеры различного уровня практически сразу после распада СССР стали предлагать разные варианты участия России в определении параметров постсоветского пространства. Большинство этих проектов носило теоретический характер, их положения и принципы применялись в практической политике только по отдельным направлениям в конкретных ситуациях. Активация проблем постсоветского политического проектирования современными российскими политическими лидерами произошла только в начале 2000-х гг. Это связывается с целым рядом событий, таких как реакция ЕС на конфликт августа 2008 г. в Южной Осетии, продолжении строительства третьей линии ПРО в Восточной Европе, провал попытки установить безвизовый режим с Евросоюзом, нестабильность на Украине¹.

В своих официальных выступлениях в российском МИД(е) начиная с 2008 г. В. В. Путин назвал углубление интеграции на постсоветском пространстве «центральной задачей нашей внешней политики»². В обращении к зарубежным дипломатам неоднократно подчеркивалось, что «мы объективно подошли к тому, чтобы серьезно модернизировать принципы нашего партнерства – как в СНГ, так и в других региональных объединениях... сконцентрировали свое внимание, прежде всего, на развитии торговых и производственных связей»³. При этом ряд кризисных явлений как в мировой, так и в российской экономике назывались дополнительными импульсами развития интеграционных процессов⁴.

В современной российской политической элите существует четкий дискурсивный тренд, согласно которому «прежнюю политику в регионе можно описать как ограничивавшуюся сырьевым и военно-техническим сотрудничеством... ситуация претерпела определенные изменения... Россия отказалась от прозападного интеграционного варианта развития в пользу политики самостоятельного центра силы в мультиполярной среде»⁵. При этом отмечается, что определенная потеря данного пространства, которая произошла в «либеральные» 90-е гг. XX в. активно восстанавливается и «вместо взаимовыгодных либерально-коммерческих отношений, формируются тесные формы сотрудничества на международном уровне»⁶.

Помимо этого, делается акцент на наличие ряда общезначимых военно-политических проектов, а именно: «военные базы в Таджикистане и Киргизии... интересы российских нефтяных компаний в Казахстане и Туркменистане...»⁷, наличие активного внутреннего торгового оборота с такими государствами, как Казахстан, Белоруссия⁸. Поэтому одним из важнейших интеграционных направлений современной России, согласно официальному дискурсу В. В. Путина, является формирование общности на пространстве Евразийского континента. В рамках этой политики, нацеленной на создание определенной политико-экономической общности, формировался так называемый Таможенный союз, в который вступили Белоруссия, Казахстан и Россия⁹. Причем Таможенный союз указывался в качестве промежуточного звена по реализации вышеобозначенной интеграционной цели.

В публичных выступлениях лидера Российского государства отмечается, что «Таможенный союз – это часть Евразийского союза»¹⁰. При этом ряд российских политиков, придерживающихся этого курса, характеризуют Евразийский союз как «часть большого плана по восстановлению “Большой страны”»¹¹. Главная цель данной организации видится В. В. Путиным в расширении региональной интеграционной политики на постсоветском пространстве как в области политических, так и в области экономических

институтов, что более предпочтительно. Об этом свидетельствуют дискурсивные линии типа «в первый раз после распада Советского Союза был сделан начальный шаг, чтобы восстановить естественные экономические и торговые отношения на бывшем советском пространстве»¹² – т. е. не идеология, а экономика должна стать лейтмотивом процесса. В одном из публичных интервью В. В. Путин озвучил и краткосрочные цели Евразийского союза. Он полагает, что «это объединение бывших советских республик по образу и подобию ЕС, которое должно углубить экономические связи между его членами, а в конечном итоге проложить путь к более крепкой политической интеграции»¹³.

Ряд западных экспертов видят в создании подобного интеграционного объединения под эгидой России «завуалированную попытку возродить Советский Союз, распад которого Путин, как хорошо известно, назвал “величайшей геополитической катастрофой двадцатого века”»¹⁴. Более того, некоторые из них утверждают, что «странам СНГ не предстоят легкие отношения с избранным в третий раз президентом Владимиром Путиным, который в довольно агрессивной форме объявил пространство СНГ важнейшим полем в политике Москвы»¹⁵. Эксперты считают, что «Россия снова становится мировой империей, играющей важную роль в Евразии»¹⁶. Тем не менее, они полагают, что формат этого союза будет иметь другой характер, чем являлось интеграционное объединение – СССР. Экспертами отмечается, что «Евразийский союз – не только для того, чтобы проглотить соседей, которые на это пойдут, но и для того, чтобы противостоять исламскому и китайскому вызовам... это – повестка для Москвы»¹⁷. Как показала политическая практика создания Евразийского союза, в него действительно постепенно интегрируются преимущественно бывшие республики СССР, такие как Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. В то же время, существует возможность присоединения к организации такого государства, как Новая Зеландия. В этом случае Евразийский союз действительно приобретает новый формат.

В официальных дискурсах В. В. Путина наблюдается определенное пересечение позиций с западными политиками. В частности, указывается, что Россия не предпринимает попыток создания интеграционного объединения имперского военно-политического типа. Напротив, глобальная цель структуры – «заключение нового договора между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом... однако подобного рода договор, должен быть основан на примерном паритете, а не простом присоединении России к Евросоюзу»¹⁸. Среднесрочные задачи объединения состоят в конструировании связующего экономического звена между Азией и Европой. Это положение выражается посредством

такого дискурсивного тренда, как «Евразийский союз мост и центр геополитического притяжения между Европой и регионами Тихоокеанской Азии, то есть – динамичную территорию, очень напоминающую Европейский союз, которая когда-нибудь сможет ввести свою новую валюту»¹⁹. В данном контексте указывается на наличие многочисленных инфраструктурных проектов, которые способствуют реализации поставленной цели. К ним относят «реконструкцию железнодорожной линии Стамбул – Алма-Ата, коридор Мумбаи – Санкт-Петербург, прокладку железного пути из порта Гвадар в Далбандин, дорогу из Куньмина в Читтагонг и т. д.»²⁰ В данном контексте некоторые французские и итальянские политики делают предположение «о возможном возрождении легендарного “шелкового пути”»²¹.

Обозначенные выше инфраструктурные проекты Евразийского союза (проект российско-белорусско-казахской интеграции, куда вошли Украина и Киргизия²²) и активная деятельность лидеров государств, интернирующихся в эту организацию, вызвали в 2013 г. ряд дискурсивных реверсов со стороны представителей западных государств. В частности, в высказываниях их политических деятелей прослеживалась тенденция о нарушении регионального равновесия в Европе и опасения, что «никто из нас не будет доволен образованием нового “Варшавского договора” у наших дверей»²³; или дискурсивные тренды, согласно которым «В. В. Путин пытается сформировать новую идентичность на территории современной России в том виде, в каком она сейчас существует»²⁴. При этом практически все американские аналитики сходятся во мнении, что «Россия с подчиненной ей Украиной снова превратится в империю... без Украины Россия еще долго будет оставаться в положении раненного медведя»²⁵.

В контексте решения совместных экономических проблем, так же как и в рамках Евразийского союза, В. В. Путин значительное внимание уделяет формированию транспортной инфраструктуры (концепция «транзитной цивилизации»). Так, указывается на необходимость коллективного развития транзитного потенциала, имеющегося на пространстве ШОС, – континентальные коридоры «Север – Юг» и «Азия – Европа». Данный проект, по мнению лидера Российского государства, невозможен без обеспечения необходимого уровня региональной безопасности. Этот тренд находит выражение в заявлениях, касающихся значительного потенциала ШОС в антитеррористической сфере и в противодействии современным вызовам и угрозам. В то же время В. В. Путин проводит параллельный дискурсивный тренд, согласно которому ШОС не будет эволюционировать в сторону расширения совместных военных структур. В частности, подчеркивается, что «ШОС не является военной организацией... учения, прошедшие на терри-

тории Таджикистана в 2012 году, ставят своей основной задачей отработку военного взаимодействия только в рамках антитеррористической борьбы»²⁶.

При этом, как отмечается в официальном дискурсе В. В. Путина, активное расширение Евразийского союза и ШОС ставит перед Европой определенные вопросы, главным из которых является «вопрос появления нового политического пространства в перспективе 2020–2030 гг.»²⁷. Одновременно утверждается, что «Евразийский союз будет создаваться непосредственно по образцу ЕС <...> сильный ЕАС будет естественным партнером Евросоюза, способным договориться с Брюсселем о создании в будущем общего экономического пространства от Атлантического до Тихого океана»²⁸. В европейских общественно-политических дискурсах данная позиция имеет различные толкования. Так, ряд европейских политических лидеров полагают, что «мир движется в направлении господства одной супердержавы, и сегодня кандидатами на мировое лидерство можно считать Китай и Индию, а также федерацию Арабских стран»²⁹. Поэтому попытки России укрепить интеграционные экономические и, возможно, политические процессы по линии ЕС – Евразийский союз воспринимаются как вполне естественные и логичные.

Более того, отдельные европейские политики утверждают, что «только новая Евро-Российская ось сможет сдержать напор азиатских стран и сохранить эту цивилизацию от поглощения ее восточной цивилизацией»³⁰. В частности, данный дискурс характерен для современного руководства Италии. Его специфика выделяется рядом российских экспертов. Так, Италия характеризуется как «краеугольный камень в создании новой Евро-Российской оси»³¹. При этом подчеркивается, что «администрация США хочет подорвать этот процесс, прибегая к финансовому шантажу (не случайно идет война между евро и долларом), создавая марионеточные государства на границах Российской Федерации (финансируя сумасбродные демократические революции типа “оранжевой” на Украине и “зеленой” в Иране)»³². Еще одно толкование попыток России интегрироваться со странами ЕС связано с требованиями сдерживать эти стремления. В частности, включение ряда государств, входивших ранее в СССР (СЭВ, ОВД), в ЕС воспринимается как положительное явление, наращивание же взаимодействий между ЕС и Россией – как попытка одностороннего влияния последней на независимую европейскую политику. Поэтому предлагается ограничить интеграционные процессы рядом экономических проектов («Северный поток», «Южный поток»), а также борьбой с международным терроризмом. Некоторые исследователи отмечают, что украинский кризис и обострение международных отношений подталкивают Россию «к извлечению урока в выстраи-

вании отношений на евразийском пространстве с бывшими союзными республиками на основе более конкурентоспособной политики “мягкой силы”»³³.

Таким образом, постсоветские политические проекты прошли сложную цивилизационную трансформацию. На первом этапе (1993–1999 гг.) она выражалась в попытке найти общие цивилизационные корни с европейскими политическими структурами. На втором этапе (2000–2007 гг.) произошел кризис цивилизационной идентичности постсоветского политического проектирования в целом и российского в частности. Третий этап (2008–2015 гг.) характеризуется внутренним поиском цивилизационных ресурсов для формирования масштабных политических проектов при одновременном отказе от попыток интегрироваться в уже имеющиеся, полностью или частично реализованные как «западные», так и «восточные» политические проекты. Четвертый этап развития постсоветского политического проектирования может быть связан с ростом конкуренции между российскими и западными политическими проектами на постсоветском пространстве, с их активной переориентацией в сторону более широкой открытости для других участников из других регионов мира.

Примечания

- ¹ См.: Крят Д. Общее дело // Беларусь сегодня. 2011. 18 окт. С. 4.
- ² Aron L. The Putin Doctrine // Foreign Affairs. 2013. March 8. P. 11.
- ³ Цит. по: Крят Д. Указ. соч. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 9.
- ⁵ Цит. по: Cheda R. Arabski wirus w Rosji // Wirtualna Polska. 2011. June 27. P. 7.
- ⁶ Бухвалов А. Евразийский проект Путина // Rilsoa. 2013. 5 июня. С. 5.
- ⁷ Россия в СМИ СНГ. URL: <http://inosmi.ru/books/20050421/219061.html> (дата обращения: 04.05.2015).
- ⁸ См.: Editorial. Obscene assumption // Russian Germany. 2012. October 11. P. 9.
- ⁹ См.: Aron L. Op. cit. P. 12.
- ¹⁰ Коэн А. Перегрузка была мертворожденной // День. 2013. 22 апр. С. 4.
- ¹¹ Там же. С. 5.
- ¹² Цит. по: Mauro De Bonis Urss? No grazie, Putin sogna l'Unione Euroasiatica // Limes. 2012. September 3. P. 12.
- ¹³ Mankoff J. What a Eurasian Union Means for Washington // The National Interest. 2012. April 19. P. 7.
- ¹⁴ Ibid. P. 9.
- ¹⁵ Zigfeld K. Ar problēmām NVS // American Thinker. 2012. April 2. P. 14.
- ¹⁶ Aron L. Op. cit. P. 12.
- ¹⁷ Коэн А. Указ. соч. С. 5.
- ¹⁸ Trenin D. The End of the EU-Russia Relationship As You Know It // Carnegie Endowment for International Peace. 2012. December 25. P. 6.
- ¹⁹ Боровский О. Запад есть Запад, а Россия есть Восток // Украина Молода. 2013. 5 июня. С. 2.
- ²⁰ Там же. С. 3.
- ²¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. С. 174–175.
- ²² См.: Боровский О. Указ. соч. С. 2.
- ²³ Zilpimiani L. L'Unione Eurasiatica rappresenta la nuova sfida di Putin all'Occidente // L'Occidentale. 2012. April 23. P. 8.
- ²⁴ Editorial. Without Imperial Russia will perish? // Liberation. 2007. March 28. P. 15.
- ²⁵ Editorial. Fuer Russland geht es in Kiew nicht nur um Macht, sondern auch um die Seele // Die Welt. 2004. December 01. P. 17.
- ²⁶ Цит. по: Мезенцев Д. Мы открыты диалогу // Рос. газ. 2013. Федер. вып. № 6181 (205). С. 3.
- ²⁷ Slaski B. L'Europe risque de pâtir de la montée en puissance de l'Eurasie // Le Monde. 2012. June 16. P. 8.
- ²⁸ Mankoff J. What a Eurasian Union Means for Washington // The National Interest. 2012. April 19. P. 4.
- ²⁹ Обзор зарубежных СМИ, 17 мая 2010 года. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140925/223233485.html> (дата обращения: 12.04.2015).
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Palombo G. Russia : prossima superpotenza mondiale? // Giornalettismo. 2010. May 16. P. 9.
- ³² Ibid. P. 12.
- ³³ Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 74.

УДК 316.462(470+571)

СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАК КОНСТАНТА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИВАНА ИЛЬИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. И. Изергина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск
E-mail: ninaini@yandex.ru

В статье рассматриваются методологические подходы к социально-политическим преобразованиям современного российского общества в свете творческого наследия выдающегося русского философа И. А. Ильина (1883–1954). Особое внимание уделяется роли политической власти в системной модернизации современной России.

Ключевые слова: И. А. Ильин, социально-политические преобразования, теория органической демократии, политика, государство, демократия, сильная власть, христианское правосознание.

Strong Power as the Constant of Russian Politics: the Methodology of Ivan Ilyin and Modernity

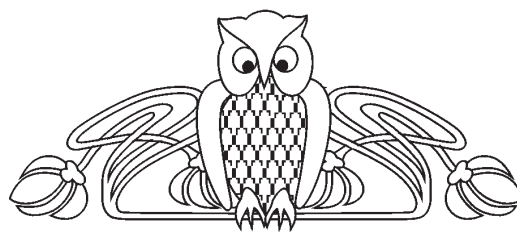
N. I. Izergina

The article deals with the methodological approaches to social and political transformations of modern Russian society by means of views the Great Russian philosopher I. A. Ilyin (1883–1954). The main emphasis is laid on the role of the political power in the system modernization of modern Russia.

Key words: I. A. Ilyin, social and political transformations, theory of organic democracy, politics, state, democracy, strong power, Christian feeling for law and order.

Проблема власти, организующей политику и являющейся посредником, который обеспечивает согласованность действий людей, продолжает оставаться одной из центральных и дискуссионных в политической науке¹. Потребность в новом осмыслении данной традиционной проблемы диктуется современными глобальными и национально-государственными политическими реалиями: попытками США переделать мир по своему образу и подобию, восстановлением Россией своего влияния в мировом сообществе, многообразием сценариев и результатов политической модернизации, информационной революции и т. д.

Начало и теоретико-методологическое обоснование российского демократического перехода по-разному оцениваются современными учеными. Начало трансформации современной политической системы России одни связывают с развалом Советского Союза в 1991 г., другие – с последними годами перестройки, третьи – с 1985 г.² Некоторые видят в нем уникальный опыт политической модернизации неклассического типа – перехода от модернизированного обще-

ства к западному типу современности, характеризующемуся рыночной экономикой, частной собственностью и либерально-демократической политической системой³. Этот европоцентристский подход, предлагающий как эталон для копирования всеми остальными странами мира западноевропейско-североамериканские модели общественно-политического и социально-экономического развития, укладывается в традиционную парадигму научного мышления, согласно которой есть единый путь развития всего человечества. Ориентирами на этом пути являются свобода конкуренции, ориентация на использование достижений НТП, приверженность демократической организации политической жизни и другие, т. е. принципы, сформулированные в рамках западной интеллектуальной и политической традиции. Однако их универсализм в изучении модернизационных, переходных процессов нельзя рассматривать механически, без учета специфики отдельных государств, что предполагает цивилизационная парадигма, рассматривающая отдельные цивилизации как уникальные социокультурные образования. В силу этого понятны провальные попытки навязывания указанных принципов военной силой (только в XXI в. это Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия) обществам и цивилизациям с иными традициями и опытом, объективно не желающим механически копировать западную систему ценностей и решительно отстаивающим собственные идеалы. Следует согласиться с той точкой зрения, что цивилизационная парадигма, при всей ее убедительности в свете итогов модернизационных процессов в разных странах, чревата «абсолютизацией» специфики, «недооценкой» факторов взаимодействия и взаимовлияния отдельных государств и цивилизационных общностей.

В современной России «имеют определенное влияние сторонники западной, либерально-демократической ортодоксии, приверженцы русского национализма, местечкового сепаратизма, «джихадистского» ислама и т. д.»⁴ Результаты исследований Е. Б. Шестопал, проводившихся ею с 1993 г., показали, что в 2010-х гг. (вплоть до 2014 г.) число сторонников либеральных представлений росло наиболее быстро. При этом в период с 2000 по 2010 гг. количество сторонников либеральных и авторитарных представлений о демократии практически сравнялось (38 и 37% соответственно); вместе с тем группа «либера-

лов» увеличилась на 8%, а группа «консерваторов» – на 11%⁵. Приведенные данные интересны, по крайней мере, в двух ракурсах. Прежде всего, они отражают борьбу между традиционными оппонентами в конструировании привлекательной незападной модели развития – «ценностный релятивизм плюс свобода против ценностного абсолютизма в сочетании с авторитаризмом»; во-вторых, они демонстрируют актуальность поиска оптимальной модели демократии для современной России, которая «должна сочетать в себе высокий уровень свободы с системой абсолютных ценностей»⁶. На это указывают и другие исследователи, отмечая, например, особую значимость для России «четкого положительного образа будущего с соответствующими нравственными характеристиками»⁷ и социальной справедливости⁸. Представляется, что основания для создания такой модели заложены в теории органической демократии И. А. Ильина, методологический потенциал которой, на наш взгляд, до настоящего времени недостаточно активно используется в теоретизировании и практике политических преобразований.

В основе политических взглядов И. А. Ильина, в том числе и на будущее демократическое устройство России, лежат особенности его религиозной философии – ясность, жизненность, отказ от подражания иностранным образцам, обращенность к глубинам русского национального духовного опыта, убедительное исследование духа и духовности. Его либерально-консервативная установка в основе своей духовна, характеризуется стремлением проникать во внутренний смысл фактов, в духовное значение исторических явлений. Понятие духа у мыслителя имеет два аспекта: дух как совершенство и дух как личностное основание человека. Философ всегда имел в виду религиозные истоки и аспекты трактуемой им проблемы. Религиозность в его понимании – это духовное состояние, проявляющееся в здоровом правосознании, чувстве ответственности, истинного патриотизма и национализма, во вдохновенном труде и напряженной жизненной борьбе, т. е. то, без чего демократия как народоправство невозможна. Общий принцип ученого по отношению к политическим проблемам выражается в органическом понимании политики, которое противоположно ее формальной трактовке, сводящейся к внешней, количественной стороне. Сильная сторона такого подхода к политике заключается в том, что он акцентирует внимание на факторах духовного, культурного порядка, определяющих развитие экономических и политических систем.

Обоснование неформальной, органической демократии для будущей России Ильин осуществляет исходя из понимания глубинных оснований истории России, русского национального самосознания и русской культуры во всех ее проявлениях. Очертания будущей политиче-

ской формы России как органической демократии, делающей ставку «на воспитываемого ею, самоуправляющегося, внутренне свободного гражданина», определяют ее исторические, национальные, религиозные, культурные и державные основы и интересы⁹. Философ, будучи чужд максимализму, утопизму и беспочвенности, не стремился разработать идеальную форму государственного устройства, руководствуясь формальным пониманием государства вообще и пытаясь перенять чужие сверхнационально-отвлеченные нормы жизни. Он исходил из конкретной задачи воссоздания России после ее революционного крушения, руководствуясь методологическим принципом отсутствия «единой государственной формы наилучшей для всех времен и народов». Убежденный в том, что политический строй нельзя брать с «чужого плеча», Ильин вместе с тем признавал необходимость знать все политические формы и средства человечества для создания самой Россией, с учетом ее собственной проблематики, своего, русского проекта государственного устройства. Нужно осознавать, писал он, что всякое давление Запада будет преследовать не русские, а чуждые России цели. Постсоветское государственное устройство России представляется философу «живой и верной функцией русской истории и... христианских бесспорных аксиом», воплощение которых в жизнь должно осуществляться «не в меру утопического максимализма», но в меру реальной возможности¹⁰. Однако, выступая за национальную самобытность, мыслитель не исключает из национального универсальное, право человека на свободу, реализуемое посредством институтов и учреждений правового государства: «...государственная власть, подавляющая свободу человека, строящая все на тоталитарности и терроре, подтачивает свои собственные силы и силы управляемого ею народа»¹¹.

Стержень методологической основы теории органической демократии составляют пять важнейших положений И. А. Ильина о политике и государстве.

1. Назначение политики есть «властно внушаемая солидаризация народа; авторитетное воспитание автономного правосознания; созидание национального будущего через эксплуатацию национального прошлого, собранного в национальном настоящем». Лишь для осуществления этих функций и «только в меру реальной необходимости» оправданы прямое насилие и «все нравственные компромиссы обыденной политики»¹². Как реалист, он не отрицает нечистых сторон и дел в политике и государственности. «Но именно поэтому политика требует *большой идеи, чистых рук и жертвенного служения*»¹³. В силу этого государственная и политическая деятельность требует человека с *религиозно и нравственно сильным характером*; а также с волевой, моральной, образовательной и профес-

сиональной квалификацией. Отсюда философ делает вывод об аристократической природе государства, значении духовной традиции, отбора характеров и профессионализма (имеется в виду аристократия «по качеству лица и воспитания»): «Нельзя считать желательным и допустимым выдвижение политического прохвоста только потому, что он умел стать угодным массе»¹⁴.

2. Методологически чрезвычайно важна трактовка демократии как формального механизма вовлечения масс в отправление власти, а не как самоценности. Формальная демократия не гарантирует «ни от всеобщей продажности... ни от эксплуатации плутами слабых, добрых... ни от анархии, ни от тирании, ни от тоталитаризма»¹⁵. Она может стать началом распада и гибели государства, если не решает задачи отбора и обновления качественного слоя политиков: «Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию (т. е. выделяет кверху лучших людей)...»¹⁶ Лучший, в понимании философа, есть «искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организационно-даровитый, дальновзоркий и образованный»¹⁷. На самом деле, полагает Ильин, всегда правит меньшинство, а задача демократии – в его выделении. Он указывает, что «политическое дело требует особых знаний, изучения, подготовки, опыта и таланта, которыми “все” никогда... обладать не будут; политическое строительство всегда... будет делом компетентного меньшинства»¹⁸. В постсоветский период политические представления россиян изменились в смысловом отношении и с точки зрения способа политического мышления. Граждане стали сопоставлять политические практики с официально закрепленными демократическими нормами как эталоном. А вот способы политического мышления отличаются ведущей ролью эмоциональных механизмов в процессе принятия решений. Представления большинства граждан о политике бедны, абстрактны, недетализированы: политика отчуждена от них¹⁹. Социальный порядок, стабильность, безопасность для россиян по-прежнему важнее демократии. Однако значительная часть их «не оценивают самих себя как силу, способную обозначить перед государством параметры и способы обеспечения порядка в смысле постоянного поддержания отлаженной системы реализации базовых потребностей... склонны передать решение этих вопросов именно государству»²⁰.

3. Важная задача государственного строительства в постсоветской России – воспитание волевого правосознания. Условиями ее решения являются: потребность в порядке, т. е. строгом соблюдении субъективного правового статуса (своего и чужого), равноправии, социальном мире и справедливости. Философ сформулиро-

вал три правила правосознания: добровольное соблюдение действующих законов и борьба за новые, лучшие на основе конституции государства; внутреннее освобождение себя посредством добровольного самообязывания и поиск свободы только законным путем; всякое действующее право должно исходить из естественного, христиански воспитанного правосознания²¹. Только через верное правосознание своих граждан государство может служить высшей цели – «организовывать и защищать родину на основе права и справедливости»²². Следовательно, создание нового государственного устройства постсоветской России предполагает, по Ильину, личность, обладающую волевой культурой христианского правосознания.

4. Принципиальное значение для разработки теории органичной демократии имеет утверждение ученого о том, что государство всегда останется учреждением и никогда не превратится в корпорацию; но оно должно насытить формы учреждения духом корпорации. Это означает, что прочное государство зиждется на гармоничном сочетании опеки (обслуживаемый гражданин не участвует своим изволением во властном ведении дела) и самоуправления (обслуживаемый гражданин участвует в обслуживающей власти)²³. Признавая ценность и необходимость участия гражданина в строительстве государства, Ильин видит его предел: это участие не должно разлагать единство, авторитет и силу власти. Участие гражданина в делах своего государства должно осуществляться на основе благожелательной воли и уважающего признания государства.

Значит, новое государственное устройство России – это форма, которая органично соединяет начала опеки и самоуправления и непрерывно обеспечивает отбор качественно лучших людей к власти. Исходя из учета российской специфики, философ акцентирует внимание на том, что корпоративный дух должен насаждаться самим государством-учреждением. На наш взгляд, подобное понимание идеи государства, очищенное от различных искажений, соответствует исторической традиции Российского государства и специфике нынешнего этапа социально-политических преобразований. Сложные проблемы современного российского общества, обусловленные внутренними и внешними условиями, определяют необходимость того, чтобы государство, оставаясь учреждением, одновременно развивало самоуправленческое начало в обществе.

5. Актуально, с методологической точки зрения, понимание постсоветского государственного устройства не по образцу западных демократий, обеспечивающих интерес и равновесие конкурирующих классов, а по древней традиции русской государственности, идущей от эпохи татарского ига, от православия и закрепленной пространством и суровым климатом. Согласно

философу, «историко-политическая основа России» есть государство как обеспечение «братского служения, как единение веры, чести и жертвенности»²⁴. Иначе говоря, в соответствии с исторической традицией во главу угла ставятся духовные основы государства.

Из отмеченных выше исходных методологических посылок можно заключить, что постсоветское государство философ преподносит нам как форму порядка и жизни не просто авторитетно предписанную, но принятую правосознанием большинства русских граждан. Такая форма верна завету христианства, которое все связывает с внутренней жизнью духа и созидает из нее. Авторитет государственной формы силен именно тогда, когда он принят народом в порядке добровольного признания, уважения, доверия. Сила государства и власти заключается, по Ильину, в свободной лояльности, преданности за совесть, добровольном содействии, добровольном соблюдении законов гражданами. На протяжении всей своей истории Россия спасалась этим и гибла из-за ослабления свободной лояльности.

Исследовав причины недоверия русского человека к государственному авторитету и органам власти, мыслитель формулирует перечень требований, которым должно удовлетворять будущее устройство России. На первое место он ставит требования к руководителю государства: популярность, добрая репутация, честь, воля, российское гражданство, непринадлежность к иной вере, компетентность, ответственность (и, возможно, временно непринадлежность к какой бы то ни было партии)²⁵. О том, насколько важно руководителю государства соответствовать указанным требованиям с точки зрения влияния на состояние и развитие общества, на поддержку власти со стороны общества, свидетельствует разница смысловых характеристик восприятия россиянами моделей власти ельцинского и путинского периодов. Ельцинский период видится сквозь призму развала экономики и неэффективности политики («хаос», «развал», «бардак»). Путинский период (особенно первые два срока) – консерватизма и стабильности в сочетании с реформами и развитием. Имевшая место консолидация общества в 2000-х гг. происходила исключительно вокруг личности президента, которого поддерживали в тот период разнородные в ценностном отношении слои населения²⁶.

Главное требование к форме государства – вызывать доверие. Ответственность – основное требование ко всем органам государственной власти. Среди прочих требований выделяются принципы: национально-культурной автономии, самоуправления (в особенности в сфере бытовой, культурной, религиозной и благотворительной), законности (должен проводиться неукоснительно и наглядно), равенства перед законом (может нарушаться только в сторону явной справедливости). Предусматривается уголовная от-

ветственность за «всякое подрывание авторитета или доброй репутации органов власти», а также «всякую нелояльную агитацию»²⁷. Все перечисленные требования актуальны в функционировании современного Российского государства.

Таким образом, методологически важный вывод философа о государственном устройстве будущей России заключается в том, что его основой должно стать христианское правосознание, ориентированное на внутреннюю жизнь духа, предполагающее преданность за совесть, добровольное содействие, добросовестное соблюдение законов своего государства. Такое правосознание и составляет источник силы государства и власти. И. А. Ильин показывает, каким образом может и должна быть обеспечена «в общих чертах» сила государственной власти в постсоветской России. Выделяет внешнюю и внутреннюю стороны этой силы, заключенные в государственной форме, народной психологии, волеуправлении власти. Основополагающее заключение философа таково: «...русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе»²⁸. Отправной пункт доказательств данного заключения – государственная аксиома, согласно которой власть есть «волевая сила». Власть слабая, не импонирующая людям, социально бессильная – это «самообман», «обман», «источник крушения». Для России данная государственная аксиома особенно важна по трем причинам: большого размера и объема государства (территория и население); сложного состава государства (нации, исповедания, социальные классы); грандиозности его задач²⁹. Сила, как показывают результаты исследования Е. Б. Шестопал, в представлениях нынешних россиян, является важнейшей характеристикой власти. По мнению почти 90% респондентов, идеальная власть – это сильная власть. Власть в эпоху Путина 2000–2008 гг. кажется россиянам сильной, позитивно оценивается укрепление вертикали власти. На третьем президентском сроке Путина число тех, кто считает власть сильной, уменьшилось с 41,5 до 30,8%. Ситуация поменялась после крымских событий 2014 г., способствовавших существенному усилению образа власти и образа президента³⁰.

Имеются разные пути создания сильной власти. Легче всего создать сильную власть как произвольную, бюрократическую, централизованную, воинскую, полицейско-брутальную. России нужна сильная власть, имеющая иные основы, убежден великий русский философ. *Первая* основа – духовно-психическая: воля, сознание своей силы, правоты и призванности, отсутствие страха перед массой, наличие творческого, национально-идейного замысла властвующего. *Вторая* основа – политико-дипломатическая: независимость власти от международного давления, от каких бы то ни было «временщиков», закулисных группировок и т. п. *Третья* основа

– верность волеуправления: развязывание творческой инициативы народа. Отсюда – всенародное признание. *Четвертая* основа – искусство импонировать, политический такт. *Пятая* основа – наличие достаточного, верного и предметно действующего принудительного (полицейского, воинского и судебного) аппарата. *Шестая* основа – формально-государственное строение власти: свобода от внутренних противопоставлений (между верховными и неверховными органами); принадлежность власти главе государства (ему реально и эффективно должны принадлежать «все права английской короны»; формально это явится «самодержавием»); демократический дух диктаториальной формы власти (сводящийся к творческой самодеятельности лучших сил народа, лояльно и жертвенно служащих государству). В конечном счете, сильная власть в России – это «диктаториальная аристо-демократия или всенародно несомое единовластие»³¹.

Сила власти, по Ильину, заключается и в ее экономности: на местах не должна воспроизводиться система центральных учреждений (как при федеративном и советском строе); полномочие должно быть связано с ответственностью³².

«Россия, как национально-политическое явление, – доказывает Ильин, – была создана сильной государственной властью... Так и в будущем: слабая власть не поведет Россию, а развалит и погубит ее»³³. Сильная власть необходима России в силу большого размера территории, многочисленности населения, высокой степени дифференциации по национальному, языковому, религиозному, бытовому, климатическому и хозяйственному признакам, сложных внутренних и международных задач, русского правосознания, которому импонирует только сильная власть. При этом «по существу и по духу» сильная власть (формально авторитарная) должна быть «народной и всенародной», что означает вовлечение в работу авторитарного центра низовой силы и поддержку ее в случае невозможности самостоятельно решать свои проблемы³⁴. В этом органическом единении для Ильина важнее всего то, чтобы все, что может делаться нецентралью, совершалось автономно: «Тогда сильная власть окажется примиримо со свободною самодеятельностью народа»³⁵.

Таким образом, в представлении И. А. Ильина сильная власть является константой российской политики.

Следует отметить, что во многих современных российских исследованиях, посвященных разным аспектам теории и практики власти и властных отношений, в частности легитимности, коррупции, кадрового обеспечения публичной власти, содержатся аналогичные выводы. Так, Ю. С. Оганисьян пишет: «Идея сильной государственности была и остается главной образующей массового сознания. Она и будет продуктивно осуществляться в процессе развития

России, если, конечно, к власти не придут слабые умом и характером политические лидеры»³⁶. Подытоживая изучение политических реформ в постсоветской России, Е. Б. Шестопал заключает: создание сильного государства, которому доверяют и которое поддерживают граждане, является важнейшим условием сохранения демократических ценностей в нашей стране; для консолидации общества важны ценности и представления, которые органичны нашей политической и духовной культуре; в обществе сформировался серьезный запрос на морально-политические ценности, и оценка власти делается именно с точки зрения справедливости, честности, порядочности³⁷. В противовес выводу о том, что власть не может быть сильной «в условиях все более растущей неопределенности, неравномерности, непредсказуемости мировых процессов» (К. С. Гаджиев)³⁸, звучат утверждения, что «власть может быть сильной даже в этих условиях», правильно распорядившись «кредитом доверия» (А. Ю. Карпова)³⁹.

Думается, что политические процессы на постсоветском пространстве подтверждают вывод И. А. Ильина о необходимости единой и сильной государственной власти, диктаториальной по объему полномочий и государственно-национально настроенной по существу, для вывода страны из неизбежно предстоящего хаоса после крушения коммунизма.

Нынешние российские политические реалии, по нашему мнению, особо актуализируют методологическую мысль философа о правильном соблюдении сильной властью меры своего проявления, когда сила центра не подавляет автономное творчество людей и корпораций и при необходимости оказывает им поддержку. Иначе говоря, дальнейшая демократическая трансформация российского общества может быть успешной при условии органического единства сильной власти и свободной самодеятельности народа.

Примечания

- 1 См.: *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010; *Санжаревский И. И.* Политическое управление и пропорциональность института власти // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 75–81; *Оганисьян Ю. С.* Новая Россия в изменяющемся мире: социально-политический ракурс // Полис. 2014. № 3. С. 76–90; *Гаджиев К.* Перспективы демократии в век информационной революции // Власть. 2014. № 8. С. 19–28; *Карпова А.* Веская сила России (solid power) в новом мировом порядке // Власть. 2014. № 10. С. 24–33; *Черных А.* Политическая ложь как механизм удержания власти // Власть. 2014. № 12. С. 105–107; *Нисневич Ю. А.* Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход // Полис. 2014. № 6. С. 32–51; *Сунгуров А. Ю.* Экспертное сообщество,

- фабрики мысли и власть : опыт трех регионов // Полис. 2014. № 2. С. 72–87 ; *Розов Н. С.* Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти // Полис. 2014. № 5. С. 90–107 ; *Локишин И. М.* «Избрание на царство» : от чего зависит объем президентских полномочий? // Полис. 2014. № 5. С. 118–138 ; *Керимов А.* Легитимность политической власти в современной России : основания и перспективы // Власть. 2015. № 3. С. 121–123 и др.
- 2 См.: *Шестопал Е. Б.* Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Полис. 2015. № 1. С. 136.
 - 3 См.: *Доленко Д. В.* Российский демократический транзит : уникальный опыт политической модернизации // Россия в процессе политической модернизации : сб. науч. тр. / под ред. Д. В. Доленко. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2005. С. 9, 11.
 - 4 *Загладин Н. В.* Новый мир и старые парадигмы его познания // Полис. 2015. № 1. С. 133.
 - 5 См.: *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 140–141.
 - 6 *Лукин А. В.* Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. 2014. № 6. С. 113.
 - 7 *Вилков А. А.* Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 70.
 - 8 См.: *Шестов Н. И.* «Справедливость» и государство // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 68–75.
 - 9 *Изергина Н. И.* Теория органической демократии И. А. Ильина и политическая трансформация постсоветской России. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 24–26.
 - 10 Там же. С. 84–85.
 - 11 *Изергина Н. И.* Теория органической демократии И. А. Ильина и проблемы социально-политической трансформации современной России : дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009. С. 72.
 - 12 *Ильин И. А.* Основы государственного устройства // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1998. Т. 7. С. 492.
 - 13 Там же.
 - 14 Там же.
 - 15 *Ильин И. А.* Предпосылки творческой демократии // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию : Сочинения. М. : Эксмо, 2006. С. 34.
 - 16 *Ильин И. А.* Править должны лучшие // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. М. : Айрис-пресс, 2008. Т. 1. С. 178.
 - 17 Там же. С. 179.
 - 18 *Ильин И. А.* Что есть государство – корпорация или учреждение? // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. С. 26.
 - 19 См.: *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 142.
 - 20 *Поливаева Н. П.* Актуальное состояние политического сознания россиян : гетерогенность vs гомогенность? // Власть. 2014. № 12. С. 18.
 - 21 См.: *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. С. 317, 319, 323.
 - 22 Там же. С. 329.
 - 23 См.: *Ильин И. А.* Что есть государство – корпорация или учреждение? С. 27, 29.
 - 24 *Ильин И. А.* Основы государственного устройства. С. 495.
 - 25 См.: *Изергина Н. И.* Теория органической демократии И. А. Ильина и проблемы социально-политической трансформации современной России. С. 105–108.
 - 26 См.: *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 145, 146.
 - 27 *Ильин И. А.* Основы государственного устройства. С. 496.
 - 28 Там же. С. 498.
 - 29 См.: *Изергина Н. И.* Теория органической демократии И. А. Ильина и политическая трансформация постсоветской России. С. 88–89.
 - 30 См.: *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 144.
 - 31 *Ильин И. А.* Основы государственного устройства. С. 500.
 - 32 См.: *Изергина Н. И.* Теория органической демократии И. А. Ильина и политическая трансформация постсоветской России. С. 89–90.
 - 33 *Ильин И. А.* О сильной власти // Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 311, 315.
 - 34 См.: *Изергина Н. И.* Путь России к демократии : взгляд И. А. Ильина и современность. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 38, 197.
 - 35 *Ильин И. А.* О сильной власти. С. 322.
 - 36 *Оганисян Ю. С.* Указ. соч. С. 87.
 - 37 См.: *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 147–148.
 - 38 *Гаджиев К.* Указ. соч. С. 25.
 - 39 *Карпова А. Ю.* Указ. соч. С. 32.

УДК 323.1; 327.39

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

М. Е. Попов

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: maximus.popov@gmail.com

Статья посвящена исследованию социокультурной интеграции как инструмента разрешения этнополитических конфликтов идентичностей на Северном Кавказе. Автор рассматривает основные факторы конфликтов идентичностей и подчеркивает дестабилизирующую роль политизации этничности. Среди системных условий эскалации региональных конфликтов идентичностей автор выделяет: кризис гражданской идентичности, традиционализацию, этническую напряженность.

Ключевые слова: конфликты идентичностей, этнополитические конфликты, социокультурная интеграция, разрешение конфликтов, эскалация конфликта, гражданская идентичность, традиционализация, политизация этничности, этническая напряженность.

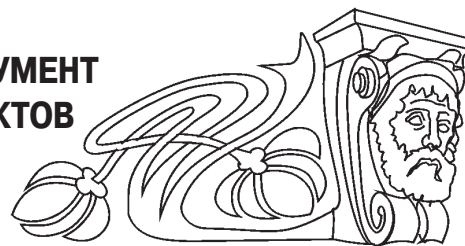
Socio-cultural Integration as a Tool for Resolving Ethno-political Conflicts in the North Caucasus

М. Е. Попов

The paper is concerned with specificity of the socio-cultural integration as a tool for resolving ethno-political identity-based conflicts in the North Caucasus. The author considers the principle factors of the identity-based conflicts and emphasizes destabilizing role of the politicization of ethnicity. Among the systemic conditions of the regional identity-based conflicts escalation, the author calls: civic identity crisis, traditionalization, ethnic tensions.

Key words: identity-based conflicts, ethno-political conflicts, socio-cultural integration, conflict resolution, conflict escalation, civic identity, traditionalization, politicization of ethnicity, ethnic tensions.

Специфика региональных этнополитических конфликтов как вызовов и угроз интеграции российского общества заключается в том, что они протекают на фоне ценностно-мировоззренческого столкновения традиционалистских и постмодернистских проектов национального развития. Понятие ценностно-мировоззренческого столкновения уточняет концепт этнополитического конфликта как конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. По словам И. С. Семенов, «многомерный конфликт идентичностей – между автохтонными и инокультурными группами, между национальными сообществами в составе современных политических наций, между Центром и регионами, между носителями разных групповых идентификаций и культурных норм – оказывается сегодня препятствием на пути консолидации

гражданской нации»¹. Региональные конфликты идентичностей необходимо рассматривать в контексте глокальных социокультурных сдвигов, затрагивающих все формы коллективных идентичностей в изменяющейся России. В дезинтегрированном постсоветском обществе посттрадиционные социокультурные трансформации стали метасредой протекания затяжных идентификационных конфликтов.

Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, «полноценная теория этнического конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и сотрудничестве (интеграции), являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие»². На теоретическом уровне социокультурная интеграция определяется как процесс поддержания и продвижения ценностей, идентичностей и институтов, который позволяет всем социальным субъектам равноправно и бесконфликтно участвовать в социальной, культурной, экономической и политической жизни на основе согражданства, солидарности, мультикультурности, безопасности, справедливости, равенства в рефлексивном пространстве гражданской нации. Применительно к этнокультурной сфере социокультурная интеграция исключает процесс механической консолидации, основанный на силе ассимиляционного принуждения и подавлении культурных различий в репрессивной попытке навязать унифицированную идентичность.

Социокультурная интеграция как социальный конструкт находится в зависимости от трех различных, но взаимосвязанных процессов, которые в своем системном единстве формируют общегражданскую идентичность.

1. Признание множественности этнокультурных идентичностей в целях содействия макросоциальной солидарности в рамках единого гражданского нормативно-правового пространства.

2. Политическое представительство и коллективные права этнических меньшинств в целях предоставления гарантии того, что интересы, идентичности и ценности различных социокультурных групп учитываются в процессе принятия государственных решений и распределения ресурсов.

3. Перераспределение экономических и политических ресурсов между различными социальными субъектами в целях предотвращения

диспропорций и фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности.

Данные основания и принципы интеграции в процессе конструирования гражданской макросоциальной идентичности опираются на концептуальные модели справедливости, прав человека, согражданства, социальной инклюзии, равенства возможностей, равноправия, социального капитала, солидарности. Социокультурная интеграция на основе плюрализма гражданской идентификации, секулярных ценностей и правовых норм (Ю. Хабермас) снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности, безопасности, просвещенности, редуцией интерпретаций социальных проблем посредством негативной стереотипизации культурно «других» как «этнических врагов». В современной России и ее наиболее конфликтогенном Северо-Кавказском регионе основная задача социокультурной интеграции – рационализировать этносоциальные противоречия в процессе гражданско-правовой трансформации традиционалистской иерархической системы этнорегиональных отношений.

На макросоциальном уровне социокультурная интеграция указывает на базовые рационально-коммуникативные, рефлексивно-идентификационные, символические принципы и механизмы, консолидирующие субъектов на основе взаимного ценностного признания и принятия общегражданских норм. Ценностно-нормативным результатом интеграции полиэтнического общества становится солидарное и бесконфликтное взаимодействие этнокультурных сегментов в рамках целостной социально-гражданской системы. В этом аспекте социокультурная интеграция приобретает качества фундаментального структурно-символического принципа и антиконфликтного инструмента поддержания и продвижения макросоциальной солидарности, становится механизмом реализации политики гражданской идентичности. По словам М. К. Горшкова, «требуется целеориентированная государственная политика, направленная на консолидацию народов России, включение потенциала российской идентичности в модернизационные преобразования. Именно отсутствие научно обоснованного и политически значимого проекта, способного консолидировать российское общество как государственную и гражданскую общность, во многом явилось причинами застойных явлений российской идентичности, стимулировало в обществе поиск новой стратегии сохранения и развития идентификационных и консолидирующих оснований»³.

Структурный функционализм актуализирует внимание на нормативно-ценностной характеристике интеграции в процессе социальной консолидации. В рамках конфликтологической парадигмы сущностными характеристиками

социокультурной интеграции являются ее интенция к идентификационной солидарности и способность к трансформации деструктивных конфликтов идентичностей в конструктивные конфликты интересов.

Этноконфликтологические концепции солидарности и интеграции тесно связаны с теориями идентичности и конфликта: социокультурная интеграция интерпретируется как способ разрешения этнических противоречий на основе консенсуса и компромисса, как антиконфликтогенный инструмент включения этничности в символическое пространство гражданской идентичности⁴. Исследование динамики региональных конфликтов связано с определением мобилизационной специфики этнополитических идентичностей. На Северном Кавказе политизация этничности как фактор социальной дезинтеграции и напряженности напрямую зависит от остроты коллективного восприятия и переживания угроз «этнополитической безопасности». Формирующиеся в пространстве этноклановых иерархий групповые идентичности становятся источником реактивной конфликтной мобилизации: в ситуации непрекращающейся политизации этничности государственная интенция конструирования общегражданской идентичности редуцируется к многочисленным конфликтогенным проектам неортрационализма.

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие этнополитических установок к насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать социально-агрессивный потенциал в точке культурной непримиримости. Величина этнополитического насилия в конфликтах идентичностей детерминирована интенсивностью социальной неудовлетворенности и масштабами институциональной поддержки, являющимися условиями открытого противостояния.

В качестве макросоциальных факторов, определяющих специфику и остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию региональных конфликтов идентичностей, выступают масштабная социокультурная фрагментация и экономическая поляризация: регионализация, изоляционизм, этноклановость, непотизм; коррупция в этих условиях приобретает выраженный конфликтогенный характер. В исследовании В. А. Авксентьева и М. М. Шульги, посвященном анализу перспектив развития этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае, отмечается, что «межнациональные и межконфессиональные отношения в крае можно охарактеризовать как стабильно напряженные. Вместе с тем ни те, ни другие не рассматриваются как наиболее острые проблемы и занимают соответственно 11-е и 15-е места из 16-ти предложенных в рейтинге актуальности соци-

альных проблем. Этот результат оказался несколько неожиданным, с учетом того, какое место этнонациональная проблематика занимает в общественно-политическом дискурсе в регионе. Наиболее актуальными, по мнению респондентов, являются проблемы, общие для всей страны: коррупция, взяточничество (48,5%), рост цен, налогов, инфляция (46,5%), безработица (38,6%), рост преступности (34,9%); жилищная проблема и проблемы коммунального обслуживания (32,8%). Хотя респонденты оценили вероятность возникновения межнациональных конфликтов как среднюю, в условиях стабильной напряженности любой конфликт, независимо от его истинных причин, может быстро превратиться в межэтнический. Для таких обстоятельств характерно восприятие действий другой национальности как потенциальной угрозы для безопасности своей национальности. Сложившаяся ситуация создает благоприятные условия для этноконфликтной мобилизации – быстрого объединения людей по национальному признаку для участия в конфликтных действиях. Высокая напряженность в межэтнических отношениях – основная причина постоянно вспыхивающих на территории края локальных конфликтов с межэтническим компонентом»⁵.

В рамках конфликтной модели общества конфликты идентичностей представляют собой социокультурные конфликты, источником которых являются восприятие и стереотипизация угроз групповой безопасности, порождаемые ценностными противоречиями в результате трансформаций идентичностей. Конфликты идентичностей являются атрибутивной частью рефлексивно-модернизационных процессов и модернизационных вызовов «текущей современности»: стирание культурных различий и сближение групповых идентичностей выступают неисчерпаемым источником как интеграций, так и антагонизмов. Социокультурные трансформации изменяют примордиалистскую иерархию коллективных идентичностей в оппозиции «свой – чужой» посредством универсализации общегражданских секулярных ценностей: качественные изменения в структуре групповых идентичностей становятся факторами мощного традиционалистского сопротивления.

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертона и Дж. Ротмана в 1990-е гг. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, автор в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, субъективность и неуправляемость⁶. Мотивы участия

этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идеалов (идентичностей) осознается или вербализуется их участниками. Эскалация этнической конфликтности происходит в том случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как жертву ценностных притязаний со стороны «чужих» культурных групп.

С момента своего возникновения парадигма «конфликтного разрешения» исходит из постулата, что манифестация конфликта не обязательно указывает на его истинную сущность. Подход разрешения конфликтов требует избегать поверхностного анализа открытых антагонистических притязаний, которые являются вершиной айсберга конфликта, и сосредоточиться на его скрытом, глубинном слое. Анализ скрытого смысла конфликтного взаимодействия занимает центральное место в современной теории конфликта в рамках поиска конструктивных методов трансформации, урегулирования, управления и разрешения конфликтов. Не актуализируя проблему, определяется ли этот скрытый слой конфликта экономическими интересами или биологическими потребностями, все школы разрешения конфликтов настаивают на том, что работа с глубинным уровнем конфликта, которым является идентичность, становится более плодотворной и конструктивной при анализе основного противоречия, его породившего⁷.

По мнению Дж. Ротмана, традиционный рецепт, рекомендуемый отделять идентичность от скрытого противоречия и конкретной конфликтной проблемы, является одним из распространенных примеров конфликтологического анализа, способного усугубить, но не разрешить противоречие. Когда конфликт касается ресурсов или осознанных, рационализированных целей, которые четко определены, этот традиционный подход может быть полезным ориентиром в процессе конфликтного разрешения. Однако когда в социокультурные конфликты втягиваются глубинные субъективно-эмоциональные проблемы, такие как поддержание групповой солидарности и безопасность макросоциальной идентичности, отделять идентичность от конфликтной проблемы не представляется возможным, потому что коллективные идентичности участников конфликта находятся под угрозой (по крайней мере, стороны конфликтов идентичностей так интерпретируют их генезис и основное противоречие). В разрешении конфликтов идентичностей нецелесообразно использовать методы управления с помощью структурного разделения различных компонентов конфликта: попытка отделить эмо-

ции и идентичности от сущности противоречия может только усугубить конфликт, придать формам его манифестации деструктивный характер.

В теории международных конфликтов Дж. Бертона предлагается учитывать базовые человеческие потребности, которые отличаются от интересов и включают в себя необходимость в групповой безопасности и признании уникальной идентичности, и использовать их в антиконфликтном менеджменте в процессе разрешения конфликтов идентичностей. Основной целью их разрешения должно быть устранение морально-психологических угроз, напряженности и разочарований в базовых потребностях, а не только удовлетворение материальных интересов⁸.

«Если мы хотим добиться успеха в исследовании причин и динамики конфликтов идентичностей, – отмечает Дж. Ротман, – мы должны начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам их разрешения. Мы рассматриваем идентичности как самовосприятия, наполненные культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях. В конфликтах идентичностей идентичность может быть персональной, групповой или межгрупповой, но она всегда является источником конфликтного восприятия противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве персональных “максимайзеров”, защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть социокультурными группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных социокультурных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне. Все эти восприятия генерируются культурной формулой, или идентичностью. Идентичность становится идеологической базой участника конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами»⁹.

Региональный анализ взаимосвязи конфликтности и идентичности приводит к мысли о деструктивном воздействии внутрисистемных противоречий, обусловленных факторами социальной фрагментации и дезинтеграции, низким уровнем жизни и неудовлетворенностью в базовых потребностях равенства, справедливости, безопасности. В. А. Авксентьев и М. М. Шульга отмечают, что «причинами межконфессиональной напряженности по результатам группировки ответов являются: безработица, низкий уровень жизни, низкие зарплаты; низкий уровень культуры и образования населения; ошибки национальной политики; низкий уровень толерантно-

сти; борьба за земли, за территорию; раздувание конфликтов в СМИ; пропаганда превосходства одних религий над другими, радикализация религии; неконтролируемая миграция, ошибки в миграционной политике»¹⁰.

Конфликтность идентичностей обусловлена стереотипизацией образа «чужих» в процессе «политизации чувств» как основания конструирования этнокультурных «границ». По словам М. В. Данилова, «политизация чувств – одна из абстрактных моделей политизации общества..., при которой происходит интровертная актуализация политического в сознании людей при отсутствии институциональных возможностей трансформировать политические потенции в реальные действия. Главную роль в этом процессе играет рост радикальности повестки дня, связанный с наличием альтернативных власти центров ее формирования. Эти центры могут находиться внутри национальных политических систем и опираться, например, на церковь, университеты, этнические сообщества, но могут располагаться и за пределами суверенных государств»¹¹. Культурные различия не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к интеграции и диалогу; однако когда модернизационная универсализация воспринимается общностью как угроза «этнокультурной безопасности», возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей.

Незавершенные посттрадиционные трансформации служат системными факторами эскалации конфликтов идентичностей, угрожающих социальной безопасности России, выбравшей более 20 лет назад демократический вектор развития. Политические детерминанты региональных конфликтов – кризис гражданского общества и политизация этничности – остаются основными причинами деструктивного воздействия на социокультурную интеграцию северокавказского социума. Модернизационные и интеграционные процессы на Северном Кавказе фрагментарны и асинхронны, что усиливает региональный традиционализм и формирует конфликтные идентичности. В этих условиях социокультурная интеграция становится единственным источником социального консенсуса и компромисса в процессе разрешения конфликтов идентичностей. В полиэтничном обществе, когда в конфликты идентичностей вовлекаются этнокультурные различия, стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах культуры мира как мировоззренческом фундаменте российской гражданской нации.

Исследование выполнено в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», грант Президента МД-7429.2015.6.

Примечания

- 1 Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 12 / под ред. М. К. Горшкова. М. : Новый хронограф, 2013. С. 114.
- 2 Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90, № 4. P. 715.
- 3 Россия реформирующаяся. Вып. 12. С. 20.
- 4 См.: Вилков А. А. Полиэтничность и мультикультурализм как факторы политической идентичности в современном мире // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9 / под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. С. 9–20.
- 5 Авксентьев В. А., Шульга М. М. Ставрополье много-

УДК 323.3

ОБ ОЦЕНКАХ ЛИДЕРСКО-ЭЛИТНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А. В. Понеделков, С. А. Воронцов

Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону
E-mail: ponedelkov@skags.ru; raven_serg@mail.ru

В статье рассматривается сущность лидерства в современной российской ситуации, опираясь на материалы социологического исследования анализируются некоторые характеристики лидерско-элитной составляющей современного российского политического управления на региональном уровне.

Ключевые слова: лидерство, власть, региональная элита, управленческая деятельность, политические процессы, социологическое исследование, профессионализм, компетентность.

On Estimates of the Leadership Elite-constituent Authorities at the Regional Level

A. V. Ponedelkov, S. A. Vorontsov

The article considers the essence of leadership in the modern Russian situation, based on materials of sociological research analyzes some characteristics of leadership, the Russian political elite sostavlyay-uscheysovremennoy management at the regional level.

Key words: leadership, authority, regional elite, management activity, political processes, sociological research, professionalism, competence.

Глобальные изменения внешнего для Российской Федерации политического поля вызвали необходимость переосмысления сложившейся ситуации, что согласно своему статусу должна делать национальная политическая элита. Если в начале реформ 1990-х гг. российский истеблишмент, вобравший в себя партноменклатуру, теневиков и авантюристов, эксперты не решались назвать элитой¹, то за прошедшие два с половиной десятилетия произошла определенная смена состава федерального и региональных уровней

национальное : оплот стабильности или перекресток проблем? // Социс. 2013. № 12. С. 34.

6 См.: Попов М. Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России : общероссийский и региональный аспекты. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2011.

7 См.: Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups : Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. № 28 (3). P. 631–658.

8 Ibid.

9 Ibid. P. 655.

10 Авксентьев В. А., Шульга М. М. Указ. соч. С. 34.

11 Данилов М. В. Модели политизации общественных отношений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 80.

власти. Возникает ряд естественных вопросов:

– какова природа и содержание понятий «элита» и «лидерство»?

– что представляет собой новая политическая элита России?

– как оценивает население состав и деятельность современной политической элиты?

При исследовании названных сущностей будем исходить из общеизвестного толкования термина «элита», согласно которому элита это не только группа субъектов, обладающих властью, но прежде всего те, чьим жизненным кредо является служение национальным интересам, патриотизм, гражданственность, высокий интеллект, профессионализм, честь и достоинство. Часть из перечисленных качеств можно назвать идеализированными, но служение национальным интересам своей страны должно быть определяющим для тех, кто принимает государственные политические решения².

Качество элиты, ее зрелость, ответственность за страну оцениваются не инициативами и популистскими обещаниями лидеров, а направленностью их действий на благо людей, справедливостью, гуманностью, устойчивостью от поражения коррупцией, прозрачностью принимаемых решений, способностью учитывать и совмещать самые разные общественные интересы и запросы. Как отметил Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному собранию, «власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания»³.

Сегодня, в условиях продолжающегося ослабления политической и экономической обстановки, порождающего многочисленные угрозы и вызовы национальной безопасности РФ, постоянно существует объективная необходимость выбора: в чем государство и общество могут ограничить комплекс запланированных социально-экономических, научно-образовательных, культурно-просветительских и иных мер во имя обеспечения достаточного уровня безопасности личности, общества, государства⁴. В этих условиях от лидеров власти на любом уровне требуется не только совершенствование их индивидуальной деятельности, но и качественное улучшение совместной работы всей «команды власти», включающей в себя губернаторов, мэров, глав администраций районов. Формируемые геополитическими противниками России принципиально новые политические и экономические проблемы не могут быть разрешены с опорой на старый инструментарий, прежде всего на традиционные модели лидерства. В условиях глобализации необходимы новые подходы, содержащие в себе не только традиционные методы повышения эффективности управленческой деятельности, но и стратегии, позволяющие находить оптимальный путь достижения цели с опорой на ранее не используемые подходы, не исключая подходов, связанных с оправданным риском, предлагаемых и реализуемых лидерами региональных команд власти.

В связи с изложенным вопрос о природе и содержании понятия «лидерство» в сложившихся условиях представляется весьма актуальным. В современной науке существует более трехсот определений лидерства, в которых делается акцент на такие признаки, как занимаемое положение в органах власти, образование, происхождение, всеобщее уважение, умение убеждать людей и побуждать их к действиям. При этом политическое лидерство – это лидерство особого рода. Здесь можно выделить несколько типов. Первый тип – лидер малой группы, способный принимать нестандартные решения. Второй тип – лидер общественного движения. И наконец, третий тип – политик, действующий в системе властных отношений, в которой политическое лидерство представлено в виде политического института. Наконец, политическое лидерство может быть раскрыто через интегративное понятие политической субъектности как «способность влиять на устойчивость либо неустойчивость происходящих вокруг процессов и формировать собственную оригинальную стратегию и тактику жизненного поведения»⁵.

Мы с достаточной долей уверенности можем утверждать, что в последние годы и в политико-управленческой практике, и в восприятии наиболее политически влиятельных, хотя и весьма различных по идеологическим позициям отечественных элитных и субэлитных групп, и во

взаимодействиях России с другими субъектами в рамках глобального сообщества прослеживается нарастающий интерес к сильному лидерскому представительству Российского государства⁶.

Причины этого явления связаны как с определенной стабилизацией внутрироссийской политической ситуации, так и с изменениями политического и экономического влияния России на внешнеполитической арене, произошедшими в связи с событиями в Украине. Решающую роль в этих процессах играет Президент России В. В. Путин, имеющий сегодня и весомый авторитет как в международных отношениях, так и во внутренней политике, и наиболее серьезный опыт политического управления по сравнению со всеми лидерами ведущих государств мира. Президент России выступает в качестве центра консолидированной и сконцентрированной политической воли и в последнее время предъявляет все более высокие требования к лидерам федеральной и региональных элит.

В данном контексте представляют интерес результаты социологического опроса по исследованию лидерско-элитной составляющей региональных политических процессов в экспертном и массовом сознании, проведенного в 2014 г. Южно-Российским институтом управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России в республиках Адыгея, Дагестан, Коми, в Чеченской Республике, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской, Калининградской, Курганской, Рязанской, Челябинской и Читинской областях. Сопоставление их мнений по наиболее характерным позициям анкеты показывает, что основные тенденции сохраняются во всех наблюдаемых регионах РФ и, вероятно, повсюду в российской провинции⁷.

Результаты исследования показывают, что в качестве лидерско-элитной конфигурации, которая ответственна за стабильность ситуации в стране, регионе, на местах, респонденты выделили Президента РФ, руководителей субъектов Федерации и органы местного самоуправления.

Оценивая результаты указанного социологического опроса, следует отметить, что в оценках экспертов не наблюдается обычно встречающейся в подобных исследованиях коллизии между «сущим» и «должным». Так, в оценках реального стиля взаимоотношений региональных лидеров с бизнес-группами и другими значимыми элитными группами и желаемого образа этих отношений, по мнению почти половины экспертов, преобладает партнерский стиль, что создает рабочую обстановку, позволяющую избегать конфликтных ситуаций.

Вторую ранговую позицию занимает патронатный стиль. И в том, и в другом случае его отмечают около четверти экспертов. Изложенное позволяет утверждать, что представителям различных групп, входящих в элитный альянс, в

большинстве случаев удастся найти общий язык с лидерами административно-политической элиты, что позволяет снизить вероятность возникновения публичных конфликтов.

Что касаются «должного», то большая часть экспертов желали бы видеть развитие демократических начал во взаимоотношениях административных лидеров с другими элитными группами. К «должному» в действиях политического лидера эксперты относят опору на закон, порядок, справедливость, а также приверженность патриотическим ценностям.

Необходимость повышения авторитарных начал в действиях политического лидера отмечают не более трети экспертов.

Наиболее значимую поддержку получила у экспертов ориентация лидера на прогресс, инновации, позволяющие продвигать Россию и ее регионы на новые высоты, заставляющие считаться и уважать Россию в мировом сообществе.

Интересно, что эксперты не видят значительной проблемы в части повышения внимания власти к проблемам малоимущих. Еще меньше понимания находят у них опора на конфессиональные или светские ценности как значимые факторы в формировании авторитета политического лидера.

На наш взгляд, заслуживают внимания суждения экспертов о качественных характеристиках современных региональных лидеров. Лишь треть экспертов полагают, что они достаточно образованы. Чуть более 15% опрошенных считают, что уровень образования недостаточен. 50% – что необходимо вести постоянную работу по повышению компетентности региональных лидеров.

Сопоставительный анализ оценок и мнений об административно-политических элитах, полученных в ходе рассматриваемого опроса, с характеристиками, отраженными в материалах I Всероссийского элитологического конгресса⁸, позволяет сделать вывод, что значимых сдвигов в этих оценках на уровне 2014 г. не произошло. Тем не менее попытаемся сформулировать обновленную гипотезу этих оценок в расширенном панельном ряду социологических замеров 2007–2014 гг.

1. Оценки лидерского стиля и должные требования к нему, как подчеркивают эксперты в исследовании 2014 г., имеют партнерско-демократический характер, но реальная конфигурация власти, замкнутая на лидера, по своей сути авторитарна.

2. Демократическому компоненту властных структур, которые избираются населением (региональные законодательные собрания, региональные отделения партий), эксперты отводят достаточно скромные позиции.

3. В оценках ближайшей перспективы совершенствования взаимодействия элит между собой и с населением у последнего сохраняется

надежда на то, что к его запросам и пожеланиям правящие элиты будут внимательно прислушиваться.

4. Эксперты желали бы видеть ориентированность региональной элиты на социальную справедливость и учет интересов разных социальных групп, но при этом такие качества, как прагматизм и справедливость, получили невысокий (от 4 до 9%) рейтинг. Четверть опрошенных выразили сомнение в том, что региональной элите присуща политическая ответственность.

5. В общественном мнении адекватно отражаются и реальные властные позиции в элитном сообществе, и первоочередной запрос на более качественный состав и эффективную деятельность элит. Этот вывод подтверждает тот факт, что около половины опрошенных граждан разделяют позицию, согласно которой федеральная и региональные элиты не вполне соответствуют качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою.

6. В вопросе о стабильности положения современной российской элиты респондентами предпочтено отдано оценкам, фиксирующим неустойчивость элит. Так думают свыше 38% граждан. Что касается более определенных оценок (либо – «стабильно», либо – «нестабильно»), то они сопоставимы.

7. В оценках позитивных характеристик элит, которые выставляет население, представляет интерес, что население значительно выше ценит «разруливание» элитой возникшей ситуации, нежели недопущение ее возникновения. Так, более 44% опрошенных выделило такое качество, как «умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку». «Чуткости к проблемам населения», умению «патронировать развитию местного бизнеса» отведены низшие места в рейтинге. По-видимому, такая градация приоритетов определяется все еще незавершенным переходным периодом с его конфронтационно-конкурентным фоном, большей востребованностью «пожарных мер», а не повседневной конструктивной деятельности элит.

8. Ведущая тройка недостатков, отмечаемых населением в деятельности региональных элит, остается неизменной в течение ряда последних лет: «коррупционность – недостаточный профессионализм – подбор руководства по родственным и приятельским признакам». На первое место вышел ответ «игнорирование запросов и интересов населения» (свыше 58%). Устойчивое ранжирование одних и тех же недостатков отражает основную проблему постсоветских элит, сформировавшихся не на принципах меритократии, а в жесткой борьбе за передел государственной собственности и власти. При этом постсоветские элиты сделали все, чтобы максимально изолировать общество от участия в «большом переделе». В близкой перспективе

могут возникнуть условия для востребованности совсем других качеств элит, на что указывают респонденты в ответах следующего проблемно-тематического блока.

9. Оценивая процесс формирования высшего слоя административного руководства своего региона, респонденты указали в качестве первой ранговой позиции ответ «В этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменившая прежнюю идеологическую принадлежность» (37,0%), иными словами, «идеологические оборотни». Далее: «К власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы» (29,5%). На третьей позиции ответ «У власти находятся сейчас люди, у которых много замыслов, желание изменить ход событий, но их усилия блокируются высшей государственной властью и коррумпированными структурами» (24,7%). Правда, предложенный для выбора вариант ответа не фиксирует, в чем отличительные черты такого рода руководителей, что дает респонденту возможность скрыть свою позицию за этой «неопределенностью». Что касается оценки влиятельности механизмов, традиционно относящихся к меритократическим и демократическим, действие которых ведет к отбору более профессиональных и некоррумпированных политиков и чиновников, то лишь чуть более 15% населения отмечают их влияние на формирование современной российской политико-административной элиты.

10. В числе инструментария улучшения качественного состава региональных элит респонденты указывают на механизмы кадровой политики и культурно-образовательные факторы: а) конкурсный отбор на основе профессионализма и компетентности (50,5%); б) повышение образовательного уровня (41,2%); в) продуманная кадровая политика под контролем центра (32,0%).

Респонденты, по видимому, понимают, что желаемые изменения если и произойдут, то не сразу. Так, отвечая на вопрос «Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в региональных структурах власти?», они демонстрируют вполне реалистичский прагматичный подход: а) умение выражать и защищать интересы населения – 42,2%; б) лояльность политическому режиму – 35,5%; в) профессионализм – 34,0%; г) умение поддерживать неформальные отношения с влиятельными людьми из центра (27,5%).

Резюмируя анализ оценок экспертов и населения, следует подчеркнуть необходимость регулярного системного и целостного анализа лидерско-элитной составляющей современного российского политического управления в целях упреждающего блокирования негативных тенденций в данной сфере, формирования опти-

мальных условий для укрепления Российского государства, сохранения целостности страны, безопасности и единства ее народов.

Исследование выполнено в рамках реализации плана НИР на 2015 г. Лаборатории исследования проблем повышения эффективности государственно-муниципального управления ФГОУ ВПО ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону).

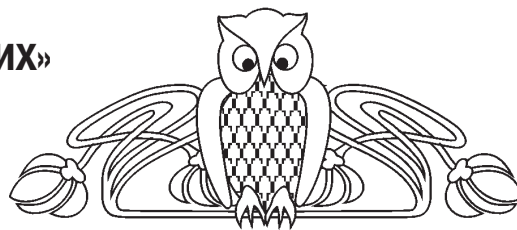
Примечания

- 1 См.: Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социс. 1999. № 11. С. 123–133.
- 2 См.: Понеделков А. В., Кузина С. И., Моисеев В. Н. Патриотизм политической элиты современной России // Лидер, элита, регион : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, 27–28 октября 2014 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014. С. 247–253.
- 3 Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. URL: <http://base.garant.ru/70278656/#ixzz3DAtS5KQF> (дата обращения: 10.01.2015).
- 4 См.: Воронцов С. А. О необходимости совершенствования государственной политики и управления в сфере безопасности // Проблемный анализ и государственно-управленческое планирование. 2013. Т. 6, № 4 (30). С. 6–18.
- 5 Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 188.
- 6 См.: Понеделков А. В., Старостин А. М., Змияк С. С. Лидерско-элитная составляющая региональных политических процессов в экспертном и массовом сознании // Лидер, элита, регион : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, 27–28 октября 2014 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014. С. 13–22.
- 7 См.: Понеделков А. В., Старостин А. М. Лидерско-элитная проекция политических процессов современной России: итоги исследований последнего 20-летия (1994–2014 гг.) // Лидер, элита, регион : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, 27–28 октября 2014 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014.
- 8 См.: Элитология России : современное состояние и перспективы развития : материалы Первого Всерос. элитологического конгресса с междунар. участием, 7–8 октября 2013 г., Ростов-на-Дону) : в 2 т. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2013 ; Воронцов С. А. Взаимоотношения политических и религиозных систем : философско-правовой анализ. Ростов н/Д. : Ростов. кн. изд-во, 2013 ; Рудой В. В., Шутков А. Ю., Понеделков А. В., Старостин А. М., Воронцов С. А., Черкасова Т. П., Змияк С. С., Кузина С. И., Ляхов В. П. Современные региональные элиты (социологический анализ). Информационно-аналитические материалы. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2013.

УДК 32.019.5

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВ «ФИННО-УГОРСКИХ» РЕСПУБЛИК В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (на примере Республик Марий Эл, Мордовии и Удмуртской Республики)

О. А. Богатова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск

E-mail: bogatovaoa@yandex.ru

В статье методом анализа дискурсов официальных документов, представленных на сайтах органов власти Республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртской Республики, исследуется проблема этнизации политического дискурса в процессе формирования публичного образа республик в составе Российской Федерации в начале XXI в. По мнению автора, степень этнизации республиканской политики идентичности зависит не от конституционного статуса республики или этнического состава населения, а от экономического потенциала республик и способности местных элит аккумулировать ресурсы для этой цели, в том числе за счет федерального бюджета.

Ключевые слова: республики в составе РФ, этнополитика, политический дискурс, идентичность, имидж региона, финно-угорский мир.

Features of Images of «Finno-Ugric» Republics in a Political Discourse of Public Authorities (on an Example of Republics Marii El, Mordovia and the Udmurt Republic)

О. А. Bogatova

The subject of the investigation performed with the method of the analysis of discourses of the official documents presented on sites of republics Marii El, Mordovia and the Udmurt republic authorities is a problem of ethnization of political discourse in the process of formation of a public image of republics in the beginning of XXI century. According to the author, the degree of republican policy of identity ethnization depends not on the constitutional status of republic or ethnic structure of the population but mainly from economic potential of republics and ability of local elite to accumulate resources for this purpose.

Key words: republics of the Russian Federation, ethnopolicy, political discourse, identity, image of region, Finno-Ugric world.

Предметом исследования в данной статье является этнизация политического дискурса в процессе формирования публичного образа республик в составе Российской Федерации в XXI в. на примере дискурса официальных документов 2001–2013 гг., представленных на сайтах органов власти Республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртской Республики. Анализ был предпринят нами в рамках научно-исследовательского проекта «Конструирование социального статуса

и имиджа региональных социумов республик в составе Российской Федерации на примере Республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртской Республики», выполненного в 2013–2014 гг. при поддержке РГНФ (№13–13-13006 а (р)).

Современная российская этнокультурная (национальная) политика, основные принципы которой сформулированы в Конституции РФ, Концепции государственной национальной политики РФ от 1996 г. и Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, утверждённой в декабре 2012 г. Президентом РФ, исходит из двойной – этнической и гражданской – интерпретации понятия «нация» в Российской Федерации, однако приоритет отдаётся пониманию нации как сообщества граждан. Как отмечает В. А. Тишков, «новая формула означает использование понятия “нация” в двух смыслах: нация как гражданское сообщество и нация как этническая общность»¹.

Вместе с тем концепция «составной» гражданской нации, включающей целый ряд локализованных в пространстве «этнонаций», не устраняет принципиальной возможности подмены её понятием этнонации в качестве политического субъекта и источника суверенитета. Как отмечают А. Г. Осипов и В. С. Малахов, в постсоветском экспертном и политическом дискурсе «преобладает эссенциалистский (субстанциалистский) подход к этническим проблемам, который основан на вере в объективно-культурное содержание понятий “этническая группа”, “национальность” и т. д. и ведёт к мифологизации социальных отношений»². К последствиям такого методологического группоцентризма относится, в частности, дискурсивная «этнизация» республик в составе РФ, которая, по определению А. Г. Осипова, заключается в «представлении о том, что “территориальное образование” или “государственность” могут создаваться и создаются на этнической основе, как форма организации или “владение” этнической группы» и «выглядит как “общее”, обыденное знание, как априорное суждение, мыслительное клише, не нуждающееся в анализе и рациональном доказывании». Вместе с тем, как подчеркивает исследователь, «“этнический” характер государственных образований почти никогда не становится предметом анализа, оставаясь чаще своеобразной фигурой умолчания. <...> Вопрос о конкретных формах

и способах институционализации этничности в праве, системе административного управления, политике и публичных дискурсах остаётся открытым»³. Различные трактовки политической субъектности российских регионов также подтверждают данное заключение⁴.

Пытаясь решить эту исследовательскую проблему на примере «финно-угорских» республик Приволжского федерального округа (ПФО), мы предприняли попытку дискурс-анализа таких документов, содержащихся на сайтах органов государственной власти республик, как послания Главы Республики Марий Эл депутатам Государственного Собрания Республики Марий Эл и членам Правительства Республики Марий Эл, ежегодные доклады «О положении в Удмуртской Республике» Президента Удмуртской Республики и послания Главы Республики Мордовия Государственному Собранию РМ за период 2001–2013 гг. В анализе дискурсов национальной политики мы учитывали описание республиканской идентичности в интегралистских (республика как региональное сообщество и часть российского народа) и этнопартикуляристских (республика как сообщество народов, этническая родина и институт сохранения этнокультурной идентичности титульного этноса) категориях.

В качестве методологической основы исследования мы рассматриваем постструктуралистскую теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа, а также постмодернистскую социологию М. Фуко в аспекте тождества «власти» и «знания», определяющего приемлемые и неприемлемые способы социального поведения. С точки зрения теории Э. Лакло и Ш. Муффа, значения понятий в дискурсе закреплены при помощи установления отличий понятий друг от друга и их отношений друг к другу («дифференциальных позиций»), между элементами «таким образом, что идентичность элементов меняется»⁵. Отсюда – дискурс является «созидающей» силой: он конституирует социальную реальность, приписывая значения как социальным, так и физическим объектам. Дискурс не является отражением социальных отношений, он сам представляет собой систему социальных отношений.

Как отмечают В. К. Малькова и В. А. Тишков, этническая специфика республик представлена на их сайтах как визуальными (оформление сайта, географические карты, государственные символы, фотографии достопримечательностей), так и текстовыми компонентами (названия страниц, информационные материалы, тексты гимнов, стихов, биографии выдающихся уроженцев республик и т. д.)⁶. Все эти компоненты имиджа региона представлены на сайтах Марий Эл, Мордовии и Удмуртской Республики. Разница заключается, главным образом, в объёме этнической информации на сайтах, поэтому целесообразно анализировать этнополитический дискурс этих

документов в сравнении с текстами посланий глав республик.

Наименьшая степень этнизации характерна для сайта органов государственной власти Удмуртской Республики, где в разделе «Общая информация – Удмуртская Республика» (<http://www.udmurt.ru/region>) содержится общая информация о географическом положении республики, статус которой охарактеризован как «республика в составе Российской Федерации», её городах, районах и населённых пунктах, природных ресурсах и экономике, а также о населении, включая этнический состав. Информация носит нейтральный констатационный характер и подаётся как одна из отличительных особенностей республики, причём сведения о государственных языках – русском и удмуртском – на этой странице отсутствуют. На связанном сайте Госсовета содержатся такие сведения, как изображение герба и флага республики с этническими удмуртскими мотивами, а также ссылки на текст гимна республики на русском и удмуртском языках⁷.

Более детальную информацию о межэтнических отношениях и национальной политике в республике необходимо искать в других разделах портала органов государственной власти – на страницах Министерства культуры, где находится информация о деятельности министерства и реализуемых им программах, а также Министерства национальной политики УР. Только в этом разделе республика характеризуется как «этническая родина» удмуртской диаспоры, в остальном акцентируется полиэтничный и мультикультурный характер регионального социума, предполагающий отсутствие этнических предпочтений.

Информация о деятельности министерства в разделе «Новости» также представляет культуры народов Удмуртии как равноценные с точки зрения властей: так, упоминаются республиканские национальные праздники «Семьк», «Гербер» и «Сабантуй», а в качестве достижения республики рассматривается проведение в Ижевске в 2010 г. Всероссийского Сабантуя, который характеризуется как праздник, сближающий разные народы и культуры: *«Главная цель этого праздника в том, чтобы каждый участник ощутил солнечную энергию праздника; приобщился к самобытной национальной культуре татарского народа, обогатившего нашу жизнь прекрасными обычаями и традициями; почувствовал своё единение с людьми различных национальностей. Давней традицией стало участие в Сабантуе живущих по соседству с татарами русских, удмуртов, мари, чувашей, башкир, узбеков и других народов»*⁸.

Идеологию этнокультурной политики Удмуртской Республики характеризует также новостное сообщение о встрече министра национальной политики В. Н. Завалина с представителями этнической прессы, на которой он

отметил полиэтничность республики, в которой «проживает более 130 народов и национальностей, 33 национально-культурных объединения осуществляют деятельность по сохранению своего языка и традиций и налаживание взаимопонимания», напомнил о мерах по «поддержке и развитию национального языка», но в то же время заметил: «Мы должны защищать национальные интересы и удмуртского, и русского, и других народов, проживающих на территории республики, но с пониманием того, что цементирующим основанием является русский народ»⁹. В целом политический дискурс Удмуртской Республики можно охарактеризовать как слабо этнизированный и основанный на вполне отрефлексированной установке на позиционирование республики как имеющей этнокультурную специфику, но принципиально не отличающейся от других регионов России, в которой статус титульного этноса не выше статуса других этнических групп.

Средняя степень этнизации характерна для этнополитических компонентов имиджа Республики Марий Эл, как и для дискурса республиканской этнической политики. На сайте органов государственной власти республики (<http://марийэл.рф>) наряду с картой, государственными символами и другой информацией размещён материал под названием «Этноисторическая справка», где содержится перевод её названия (от марийского слова «эл» – страна), информация об этническом составе населения республики, государственных языках, а также об этнической истории марийцев и их вхождении в состав Российского государства; кроме того, отмечается, что «51,7 процента мари проживают вне пределов своей республики, в т.ч. 4,1 процента вне пределов России», т. е. республика маркируется как этническая территория, «своё» национально-государственное образование и этническая родина для марийской диаспоры¹⁰.

На страницах республиканского министерства культуры содержится информация о реализуемых программах, фольклорных и религиозных мероприятиях, включая моления официально зарегистрированной религиозной организации марийской Традиционной веры, а в посланиях Главы Марий Эл подчёркиваются её функции сохранения языка и культуры марийского этноса как в самой республике, так и в других регионах проживания марийцев, однако ожиданий значительного вклада со стороны марийской диаспоры в развитие Марий Эл не прослеживается: «Правительство Республики Марий Эл осознает ответственность за сохранение традиций марийского народа, в том числе и марийцев, проживающих за пределами республики»¹¹; «В бюджете 2003 года по сравнению с прошлым годом в три раза увеличены финансовые средства на реализацию программ по межнациональным отношениям. Это позво-

ляет активизировать деятельность марийского, татарского, удмуртского, чувашского, русского центров национальных культур, улучшает их взаимосвязь с общественными национальными объединениями в подготовке и проведении мероприятий, воспитывающих толерантность и взаимное уважение, укрепляющих межнациональные отношения. Только один пример: фестиваль национального костюма, проводимый в республике, получил общероссийское признание»¹².

В данном случае характеристика этносоциальной структуры республики в этнополитическом дискурсе даётся скорее в этнопартикуляристских, чем в интегралистских терминах: говорится об отдельных этнических общностях, являющихся объектом этнополитики, но не о народе Республики Марий Эл и не о российском народе, частью которого является народ республики.

Наивысшая степень этнизации образа республики и этнического партикуляризма присутствует в материалах, размещённых на официальном сайте органов государственной власти Республики Мордовия (<http://e-mordovia.ru>), что следует как из объёма этнической информации, так и из её фиксации на титульной этнической общности – мордве, а также максимальной степени дискурсивного огосударствления мордовской этничности. На странице, озаглавленной «О Мордовии», помимо информации о местоположении, составе населения, включая этнический, и государственных языках Мордовии, само название республики, в отличие от Удмуртской Республики и Марий Эл, даётся на нескольких языках, подчёркивается её конституционный статус «государства в государстве»: «Республика Мордовия (Мордовия Республикась, м., э.), Мордовия (Мордовиясь, м., э.), РМ – республика (гос-во), равноправный субъект РФ», а в развёрнутой информации о регионе также неоднократно маркируется её принадлежность титульной этнической общности, которой, несмотря на её демографическую миноритарность, предоставляется право говорить от имени всего населения региона: «“Шумбрат!” – так приветствуем мы гостей на нашей мордовской земле»¹³.

На официальном сайте Мордовии содержится также, наряду с развёрнутой этнокультурной характеристикой региона, отсутствующей на сайтах органов государственной власти Удмуртии и Марий Эл, большая раздел «Народы Мордовии», где размещена информация об итогах последней Всероссийской переписи населения по Мордовии, о концепции и основных итогах реализации национальной политики в республике, о религиозной ситуации, о привлечении абитуриентов из мордовской диаспоры¹⁴, а также историческая справка, в которой без указания источника утверждается, что, «по данным учёных, на территории бывшего СССР проживает

более 20 миллионов человек, имеющих мордовские корни»¹⁵, хотя данные Всероссийской переписи населения оценивают численность мордвы в России в 744 237 человек и отмечают снижение её численности по сравнению с 2002 г. на 100 тыс. чел.¹⁶

Практически из материалов сайта, как и из посланий Главы РМ, складывается образ социума Мордовии не столько как территориальной общности, сколько этнической родины, и России в целом как не многонационального народа, а сообщества этнонаций, в котором мордовский этнос имеет статус «государствообразующего народа»¹⁷ наряду с русским. В своих посланиях Глава РМ прямо указывает на недооцененную, на его взгляд, возможность использования ресурсов мордовской диаспоры для пополнения человеческого капитала и кадрового потенциала республики: «В этом году в наш университет не была принята значительная часть абитуриентов из диаспоры, то есть к нам, на свою малую родину, из других областей страны приехала молодежь, которая могла бы закрепиться у нас и работать впоследствии на республику. Причем среди этих абитуриентов были и медалисты. А мы ребят не приняли и отправили назад. Университету показалось, что этот молодой кадровый резерв для нашей республики лишний» (2009)¹⁸. Характерно то, что в публичных выступлениях нового Главы РМ, занявшего эту должность после перехода Н. И. Меркушкина на пост губернатора Самарской области, – В. Д. Волкова – артикулируется та же идея: «На Республике Мордовия лежит особая ответственность за сохранение и развитие мордовской культуры, языка и традиций, и эта важная миссия возложена на нас российским государством, – отметил Владимир Волков. – Мы стремимся всесторонне поддерживать общественное объединение финно-угорских народов»¹⁹.

Основным имиджевым мероприятием, как следует из посланий Главы РМ и других официальных документов, явилось празднование юбилея 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, назначенное в 2012 г. в Саранске на основании археологической датировки артефактов, подтверждающих даннические отношения между некоторыми мордовскими феодалами и владими́ро-суздальскими князьями. В своих посланиях Глава РМ постоянно обращает внимание на то, что это событие происходит прежде всего в дискурсе, и указывает на имиджевую сущность этого символического события, которую возможно довести до целевой аудитории только через его регулярное обсуждение.

Обсуждение «миллениума» в региональных СМИ и посланиях Главы начинается с 2009 г., когда был подписан указ Президента РФ о предстоящем юбилее, и продолжается, по крайней мере, до 2014 г.: «Подготовка к юбилею выдвигает особые задачи перед Координационным советом по демографической и миграционной политике. Это касается формирования и укрепления позитивного имиджа Мордовии, работы с диаспорой, тем более что федеральный уровень празднования юбилея позволяет более эффективно взаимодействовать с властными структурами регионов страны»²⁰; «Программа самого праздника, построенные и строящиеся сейчас в рамках Тысячелетия объекты, уникальная атмосфера дружбы народов и межнационального согласия на многие годы вперед предопределили жизнь Мордовии, укрепили ее позитивный имидж»²¹.

К непредвиденным последствиям реализации такой модели республиканской политики идентичности, заключающейся в акцентуации связи статуса республики и идентичности титульного этноса, можно предположительно отнести снижение популярности общегражданской российской идентичности, которое имело место с 2010 по 2013 г., т. е. именно в период подготовки и празднования «тысячелетия», несмотря на его официальный лозунг («Все мы – Россия»), по данным ежегодного республиканского мониторинга межэтнических отношений, включавшего проведение массовых опросов по репрезентативной выборке (n = 1000), осуществлявшихся на базе филиала ВЦИОМ по ПФО. Анализ ответов респондентов на вопрос о состоянии и перспективах формирования российской национально-гражданской общности: «Высказывается утверждение о том, что все граждане России, будучи представителями разных народов со своей культурой, языком, самосознанием, в то же время составляют РОССИЙСКУЮ НАЦИЮ как гражданско-государственное сообщество, объединенное чувством патриотизма, сознанием ответственности за судьбу страны. Каково Ваше личное отношение к этому утверждению?», показывает, что в 2013 г. только четверть респондентов (25,4%, в том числе 21,7% мордовской национальности) считали, что российская нация представляет собой реально существующую социальную общность. Это существенно ниже, чем в 2010–2011 гг., когда большая часть респондентов (66,8% в 2010 г. и 53,3% в 2011 г.) выражала своё согласие с этим мнением.

Таким образом, конструирование имиджа региона тесно связано в республиках с этнокультурной политикой, а осознание периферийного статуса республиканских территориальных общностей в центро-периферийных отношениях в социальном пространстве современного российского общества способствует большей этнизации имиджевой стратегии в Марий Эл и Мордовии – использования этнической специфики в качестве «бренда места» на уровне различных практик в международной культурной и общественно-политической деятельности в рамках конструируемого экспертно-политического со-

общества «финно-угорского мира», в российском этнокультурном пространстве – относительно марийской и мордовской диаспор, в развитии этнического туризма, в республиканском общественном пространстве – на уровне пропаганды этнорегиональной идентичности.

Примечания

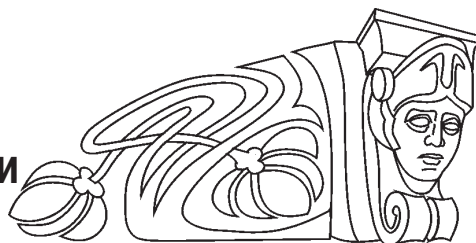
- ¹ Тишков В. А. Российская нация и российские национальности // Этнические категории и статистика / под ред. Е. Филипповой. М. : Росинформгрупп, 2008. С. 9.
- ² Осипов А. Г., Малахов В. С. Категория «этническое меньшинство» в российском публичном и законодательном дискурсах // Мир России. 2008. № 3. С. 68.
- ³ Осипов А. Г. Этничность и равенство в России : особенности восприятия. М. : Центр «Сова», 2012. С. 163.
- ⁴ См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- ⁵ Йоргенсен М. В., Филипс Л. Дискурс-анализ : теория и метод. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. С. 60.
- ⁶ См.: Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. М. : ИЭА РАН, 2009. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1316.doc> (дата обращения: 01.06.2012).
- ⁷ См.: Государственные символы // Госсовет Удмуртской Республики. URL: www.udmgossovvet.ru/udmurtskaya_respublika/gosudarstvennye_simvol (дата обращения: 29.10.2013).
- ⁸ Тулпар прилетает в Ижевск // Официальный сайт Президента Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. Новости. 17.06.2010. URL: <http://www.udmurt.ru/about/info/anoounces> (дата обращения: 29.10.2013).
- ⁹ Национальный вопрос // Официальный сайт Президента Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. Новости. 18.03.2013. URL: <http://www.udmurt.ru/about/info/anoounces> (дата обращения: 29.10.2013).
- ¹⁰ Этноисторическая справка // Республика Марий Эл. URL: <http://марийэл.рф/republic/Pages/nation.asp> (дата обращения: 10.10.2013).
- ¹¹ Послание Президента Республики Марий Эл Государственному Собранию Республики Марий Эл «О положении в Республике Марий Эл» // Информационный портал «Регнум». 31.05.2002. URL: <http://www.regnum.ru/news/35144.html> (дата обращения: 13.09.2013).
- ¹² Марий Эл : Президент Леонид Маркелов обратился с ежегодным посланием к Государственному Собранию // Информационный портал «Регнум». 05.06.2003. URL: <http://www.regnum.ru/news/123075.html> (дата обращения: 01.10.2014).
- ¹³ О Мордовии // Официальный сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://e-mordovia.ru/combo/view/2> (дата обращения: 29.10.2013).
- ¹⁴ См.: Народы Мордовии // Официальный сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://e-mordovia.ru/combo/view/87> (дата обращения: 29.10.2013).
- ¹⁵ История // Официальный сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://e-mordovia.ru/combo/view/25/history.htm> (дата обращения: 29.10.2013).
- ¹⁶ См.: Социально-демографический портрет России : По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 72.
- ¹⁷ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию РМ 27 ноября 2009 года // Официальный сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/45> (дата обращения: 01.10.2014).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Глава Мордовии В. Д. Волков : «На Республике лежит особая ответственность за сохранение и развитие мордовской культуры, языка и традиций» // Рабочая хроника Главы РМ. 2013-09-26. Официальный сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://e-mordovia.ru/news/view/15793> (дата обращения: 08.10.2014).
- ²⁰ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию РМ 27 ноября 2009 года // Официальный сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/45> (дата обращения: 01.10.2014).
- ²¹ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию РМ 31 января 2014 года // Официальный сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/2531> (дата обращения: 01.10.2014).

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 316.3(100)

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М. Н. Концыбовская

Саратовский государственный университет
E-mail: mkoncybovskaaya@mail.ru

В статье рассмотрены основные модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Проанализированы международные практики гражданского участия на примере функционирования Экономического, социального и экологического совета Франции и гражданских жюри США. Представлена российская модель «взаимно ответственного партнерства».

Ключевые слова: институты гражданского общества, общественные советы, Общественная палата, государство, глобализация.

Basic Model of the Interaction of Civil Society and State under the Conditions of Globalization

М. N. Koncybovskaaya

The article describes the basic model of interaction between the state and civil society institutions. Analyzed international practices of civic participation, on the example of the functioning of the Economic, Social and Environmental Council of France and the US Citizens Jury. Presented by the Russian model «mutually responsible partnership».

Key words: institutions of civil society, community councils, Public Chamber, state, globalization.

В современном мире, с одной стороны, все большее распространение и популярность приобретают демократические ценности, направленные на повышение публичности властных процессов и представленности в них институтов гражданского участия. Однако, с другой стороны, демократизация также нередко воспринимается как инструмент в борьбе за политическую власть и влияние, как ключевой фактор развития кризисных процессов в государстве и нарастания общественных противоречий¹.

В Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. в качестве национальных интересов на долгую перспективу представлено, в первую очередь, развитие демократии и гражданского общества². Данным проблемам в российском научном сообществе уделяется особое внимание. Так, в феврале 2007 г. была создана Лаборатория исследования гражданского общества Государственного университета – Высшей школы экономики, руководителем которой стал доктор экономических наук, профессор, первый проректор НИУ ВШЭ Л. И. Яковсон, а в 2009 г.

на базе Лаборатории был создан Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. В июне 2008 г. на факультете политологии МГИМО появилась одна из первых специализированных в данной области кафедра гражданского общества как «научно-методическая и учебная площадка для внедрения накопленного практического и теоретического опыта Общественной палаты России и других институтов гражданского общества в учебный и научный процесс»³. Примечательно, что сотрудниками кафедры являются юристы, а ее заведующим стал член Общественной палаты РФ В. В. Гриб.

Таким образом, процессы институционализации гражданского общества в современной России сопровождаются научно-исследовательской поддержкой, включающей создание некоторых теоретико-методологических основ, проведение мониторинга институтов гражданского общества, изучение информированности и вовлеченности граждан в работу НКО, а также вопросов благотворительности, добровольчества и самоорганизации профессиональных сообществ.

По мнению А. А. Вилкова, «государство и гражданское общество существуют как две стороны одной медали, которые не могут быть поняты отдельно друг от друга», исследование моделей их взаимодействия позволяет нам по новому взглянуть на механизмы консолидации населения в рамках единого сообщества⁴. Российскими учеными выделяются некоторые парадоксы при институционализации гражданского общества в нашей стране, которое прошло противоречивую стадию «заимствования ресурсов, институтов и отчасти идей», а отныне его развитие находится «в стадии импортозамещения»⁵. В связи с этим необходимо рассмотрение некоторых международных практик гражданского участия, выделение общих и отличительных черт по сравнению с российской спецификой.

С учетом зарубежного опыта, а именно работы Экономического, социального и экологического совета (ЭСЭС) Франции, в 2014 г. был изменен принцип формирования Общественной палаты РФ, т. е. помимо включения региональных общественных палат нововведением также стало представительство отраслей всех сфер жизнедеятельности общества. По мнению ученых, изначально именно данная структура

стала прототипом для создания Общественной палаты в России⁶. Согласно Конституции Франции, данный Совет обладает такими статусными характеристиками, как *конституционное собрание*, гарантирующее независимость по отношению к исполнительной и законодательной власти; *представительское собрание*, состоящее в основном из членов, назначаемых общественно-профессиональными национальными организациями; *консультативное собрание*, вырабатывающее рекомендации для органов государственной власти в области экономической и социальной политики⁷.

В качестве принципов формирования состава ЭСЭС исследователи выделяют: представленность всех основных структурных элементов экономических и социальных сфер общества, а также выборность своих представителей наиболее крупными организациями и предложение их кандидатур премьер-министру⁸. Важнейшим аспектом деятельности данной структуры можно назвать рекомендательный характер принимаемых ею решений, т. е. власти вправе не прислушиваться к обобщенному мнению представителей разных профессиональных и социальных организаций, данный принцип аналогичен и для Общественной палаты РФ. Все члены Совета за свою работу получают зарплату, равную трети зарплаты парламентариев, но не пользуются парламентской неприкосновенностью⁹. Следовательно, данная структура представляет собой некую площадку для обсуждения социальных, экономических и экологических вопросов и обеспечения более широкого общественного представительства в реализации официально проводимой политики.

Возникновение консультативных общественных советов нередко связывают с осознанием необходимости включения гражданского общества в политический процесс, для повышения легитимности политических решений и эффективности деятельности органов власти¹⁰. Современными исследователями выделяются две наиболее эффективные и зачастую конкурирующие формы консультативных общественных советов, обеспечивающих делиберативное принятие решений: общественные советы, создаваемые государством или местными сообществами, а также самодеятельные общественные советы, создаваемые негосударственными организациями (гражданские жюри)¹¹.

Парадоксом функционирования общественных советов, создаваемых государством, в силу их близости к органам власти, являются процессы их бюрократизации и коммерциализации, т. е. они руководствуются определенными нормами и принципами организационной деятельности, выстраивают иерархию, разделяют сферы ответственности и вводят документооборот. Однако формат гражданских жюри позволяет избавиться от этих недостатков и внести некое своеобра-

зие в процессы взаимодействия государства и общества.

Идея гражданского жюри принадлежит американцам П. Даенелю и Н. Кросби, обособившим идею возрождения древнейшего института народных собраний, вырабатывающих рекомендации мэрам крупных городов, губернаторам штатов и даже президенту США, а затем запатентована некоммерческой организацией «Джефферсон Центр» в 1974 г. В отличие от общественных советов, выступающих в качестве инструмента проведения публичной политики органами власти, гражданские жюри как самодеятельные общественные советы создаются субъектами гражданского общества и представляют собой механизм воздействия общественности на публичную политику, проводимую органами власти¹².

Беспристрастность и независимость от органов власти гражданским жюри обеспечивает статус консультационной общественной коллегии. Согласно В. Н. Руденко, в «их компетенцию входит коллективная выработка оптимальных вариантов решений трудных общественных проблем посредством изучения общественных ценностей, интересов, идей»¹³.

В качестве базовых характеристик деятельности гражданских жюри можно выделить следующие:

- случайный отбор членов с применением специальных методик, обеспечивающих представительство различных демографических групп;
- финансирование за счет спонсоров – НКО, корпораций, правительственных агентств, медиа-организаций, отдельных граждан или их комбинаций, однако без участия лиц, принимающих решение;
- формирование состава гражданского жюри для решения актуальной и социально-значимой проблемы, полное отвлечение жюри от основного рода деятельности и всестороннее исследование выносимого на рассмотрение вопроса;
- экспертная координация деятельности гражданского жюри, которая включает в себя объяснение истории обсуждаемой проблемы и представление возможных вариантов ее решения;
- учет позиций всех членов гражданского жюри с помощью оформления процедуры «особое мнение»;
- широкое информирование общественности о результатах проведенной деятельности;
- деятельность гражданского жюри представляет собой «разбирательство по поставленным консультативным советом вопросам»: подготовка «внимательной публики», проведение специальных слушаний с опросом «свидетелей» и обсуждением проблемы, вынесение «вердикта» на общественном форуме, подготовка заключения¹⁴.

Исследователями гражданских жюри подчеркивается общественная природа принимаемых ими рекомендаций и отсутствие государ-

ственного влияния. Однако для их полноценного функционирования в России необходимо наличие независимых и реально действующих НКО и иных субъектов, заинтересованных в открытом общественном обсуждении актуальных вопросов и нахождении оптимальных вариантов их решения. Наиболее оптимальным считается адаптация и использование частных практик деятельности гражданских жюри для рассмотрения приоритетных и значимых вопросов общественной жизни и урегулирования качественных противоречий на базе общественных палат, в работе которых уже используются экспертная координация, информирование общественности и, в частности, процедура «особое мнение» (Общественная палата Республики Татарстан).

В контексте особой важности всестороннего анализа и полноценного рассмотрения социально значимых проблем в процессе принятия политических решений, на наш взгляд, необходимо обратиться к трактовке и сущности понятия «делиберативная демократия». Латинское понятие «*deliberation*» возникло из словаря римского права и в содержательном плане трактуется как «размышлять», «советоваться», «взвешивать за и против», «проводить консультации»¹⁵. Делиберативная демократия, по мнению А. В. Зайцева, сочетает в себе элементы представительной демократии (*representative democracy*), прямой демократии (*direct democracy*) и демократии участия (*participatory democracy*)¹⁶.

К теоретическим основателям концепции демократической делиберации относят Дж. М. Бессета, Дж. Дьюи, Дж. Эльтера, С. Бенхабиб, Д. Фишкина, Дж. Ролза, Д. Томпсона, Й. Когена, К. П. Риппа, Ю. Хабермаса и др. Современными исследованиями в данной области занимаются А. В. Зайцев, И. С. Яжборовская, М. А. Очеретина, В. В. Самсонов, М. Р. Зазулина, А. Б. Корноушкин, Н. В. Ляхович-Петракова, А. Н. Мочалов и др.¹⁷

Сущность модели делиберативной демократии можно свести к непосредственному участию граждан в политическом процессе, к диалогу между гражданским обществом и государством посредством дискуссий и переговоров по актуальным вопросам общественного развития. При этом важно акцентировать внимание на первостепенности таких характеристик данного процесса, как равнозначность сторон, терпимость к чужому мнению, прозрачность, открытость, аргументированность и социальная значимость.

У исследователей концепции делиберативной демократии нередко возникают дискуссии по определению ее сущности. Так, А. В. Зайцев считает принципиально важным разграничение понятий «делиберация» и «дискурс», аргументируя это тем, что «делиберация предполагает дискурс, но далеко не каждый (политический) дискурс есть делиберация», автор определяет дискурс как «субъект-объектное воздействие адресанта на

адресата», а делиберацию «как паритетное субъект-субъектное взаимодействие и сотрудничество»¹⁸. Данное противоречие, на наш взгляд, демонстрирует необходимость эффективной работы механизмов обратной связи, постоянного мониторинга результатов и последствий принимаемых политических решений, диагностики социальных противоречий и проблемных сфер в совместной работе институтов гражданского общества и органов государственной власти.

Исследование моделей взаимодействия институтов гражданского общества и государства представлены в работах таких российских ученых, как А. А. Вилков, М. И. Либоракина, В. Н. Якимец, А. С. Автономов, Л. И. Якобсон, Н. Ю. Беляева, Е. В. Белокурова и других, однако их более систематизированный вид встречается у Ю. А. Сунгурова¹⁹. Помимо разграничения трех вариантов взаимодействия органов власти и гражданских структур: сотрудничества, отсутствия сотрудничества (игнорирования) и конфронтации, автор выделяет восемь моделей: в рамках партнерского взаимодействия – «модель садовника», «партнерскую модель» и «модель архитектора»; в рамках взаимодействия, основанного на доминировании власти – «патерналистскую модель» и «модель приводных ремней»; при конфронтации – «модель борьбы с противником» и «модель гражданского неповиновения», а также «модель игнорирования»²⁰. При этом важно отметить, что автор говорит о возможности сочетания данных моделей для конкретного исторического периода развития постсоветской России.

С точки зрения политического менеджмента характер взаимоотношений государства и гражданского общества рассматривает А. А. Вилков, он выделяет модель доминирующих субъект-объектных отношений, модель сбалансированных субъект-субъектных и объектных отношений, а также модель с преобладанием объект-субъектных отношений²¹. При этом автор отмечает необходимость сбалансированного взаимодействия государства и гражданского общества, осуществляемого на правовой основе, как гарантию сохранения и укрепления демократического потенциала в современной России.

В качестве трех разновидностей взаимодействия НКО и власти В. Н. Якимец выделяет: квазисоветские, инновационные и мутантные²², в рамках инновационного взаимодействия представлены: конкурсные, социально-технологические, организационно-структурные, процедурные и комбинированные механизмы²³. Важно отметить, что автор уделяет особое внимание в определении сущности современных российских моделей взаимодействия государства и гражданского общества влиянию предшествующего советского типа взаимоотношений граждан и власти и необходимости внедрения инновационных механизмов в данный процесс.

Кроме того, можно выделить модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества по критерию участия последних в процессе принятия политических решений. Так, Н. Яргомская, Е. Белокурова, М. Ноженко и Д. Торхов считают, что *нормативная модель* представляет собой НКО как реальные институты, осуществляющие связь между частной и публичной сферой, в *легитимационной модели* НКО выполняют функции артикуляции и агрегации интересов граждан на «входе» политической системы, в *инструментальной модели* НКО помогают решать социально значимые вопросы²⁴.

Примечательно, что в научном сообществе делаются попытки сравнительного анализа демократических моделей, практик и институтов и нередко демонстрируются схожие черты данных структур, функционирующих в разных странах. Так, А. В. Зайцев сравнивает российскую действительность с «китайской моделью» демократии, считая, что в Китае «авторитарный политический режим использует демократический потенциал и политическую риторику делиберативной демократии для самовоспроизводства неоавторитарной власти, для сглаживания социальных конфликтов, преодоления поляризации и социальной напряженности в обществе», при этом «китайское государство поощряет и развивает совещательно-консультативные и диалоговые учреждения и институты»²⁵.

В отличие от демократических политических систем, где горизонтальные общественные коммуникации и связи преобладают, в Китае, пишет автор, «власть единолично формирует базовые условия коммуникации и диалога, учитывая иерархическое построение существующей административно-политической системы (вертикали власти)»²⁶. Таким образом, при создании государственно-общественных структур в качестве институтов гражданского общества власть может руководствоваться желанием укрепления собственных позиций, налаживанием контроля за формирующейся гражданской сферой и поддержкой подвластных общественных организаций. Данные тенденции, на наш взгляд, не будут способствовать полноценному диалогу государства и общества, а созданные структуры не смогут в полной мере отражать интересы социальных групп, что приведет к нарастанию социальной напряженности и накоплению неразрешенных противоречий в политической системе.

Необходимость создания диалога между государством и гражданским обществом, основанного на принципах доверия, уважения, доброжелательности, равенства и свободы выбора, подчеркивается в работах многих исследователей. Так, трактовка «социального партнерства» прошла свой путь от формы сотрудничества в социально-трудовых отношениях до наиболее предпочтительной формы взаимоотношений государства и общества²⁷.

Важность позитивного взаимодействия государства и гражданского общества также подчеркивается в Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год, где нашему вниманию представлена модель «взаимно ответственного партнерства», в которой подчеркивается взаимопонимание, взаимопроникновение и созидательное сотрудничество данных субъектов²⁸. Единство государства и гражданского общества в России, согласно тексту доклада, основывается на ценностном консенсусе: патриотизм, суверенитет и справедливость, причем аргументация сводится к событиям 2014 г., а именно украинскому кризису, воссоединению с Крымом, попыткам международной изоляции и экономического давления. При этом важно отметить, что в качестве рисков и угроз для развития нашей страны также признаются коррупция, неэффективность госуправления, отсутствие исполнительской дисциплины и ответственности чиновников всех уровней²⁹.

В качестве мощных, зарекомендовавших себя сил, играющих особую роль в «трансфере» позитивных гражданских инициатив, признаются Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации и Общероссийский народный фронт. Обозначается также проблема институционализации «третьего сектора», введение в оценку деятельности НКО таких понятий, как «общественная польза» и «социальный охват», а их прозрачность и открытость для общества и государства признается важнейшим условием дальнейшей деятельности и государственной поддержки. «Главным должен быть признан позитивный, созидательный характер активизма, его направленность на укрепление стабильности в стране, на рост авторитета России в мире»³⁰.

Итак, рассмотренные нами модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества имеют свои сильные и слабые стороны для анализа современных реалий: с одной стороны, они позволяют нам оценивать важнейшие факторы российской институционализации гражданского общества, например, такие как доминирование государства, влияние советского периода истории, важность применения инновационных механизмов, роль и место институтов гражданского общества в процессе принятия политических решений; с другой стороны, все модели носят абстрактный характер, их применение весьма условно и часть из них вовсе не приспособлена к вызовам и угрозам современного мира.

Российская специфика модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества, на наш взгляд, состоит в поиске некоего баланса между защитой от внешнего давления и реализацией внутренней потребности в повышении политической функциональности институтов гражданского участия, разрешении

социально значимых противоречий. В современных условиях российскому государству важно не скатиться к авторитаризму и не поддаваться шантажу зарубежных организаций, преследующих свои собственные цели и интересы. В данной ситуации модель «взаимно ответственного партнерства», основанная на коммуникативном равенстве сторон и созидательном сотрудничестве, наиболее актуальна и востребована.

На наш взгляд, приоритет позитивного и созидательного гражданского активизма является важнейшим направлением внутренней политики в современной России, направленной на защиту суверенитета, конституционного строя и национальных интересов от политической деятельности «иностранных агентов», от их негативного внешнего воздействия. В связи с этим принципы функционирования НКО должны быть понятными и прозрачными для государства и общества, следовательно, необходимо дальнейшее совершенствование законодательной базы функционирования «третьего сектора» и устранение изъянов практики регулирования сферы НКО.

Проблема глобализации как внутренне противоречивого, неоднозначного и неравномерного процесса отражается и на взаимодействии государства с институтами гражданского общества. Помимо культурного обогащения, заимствования ценностей, институтов и идей, способствующих гармонизации общества и развитию толерантности, также имеют место негативные тенденции, отражающие нарастающие рискогенности современных обществ. Внутренняя нестабильность и противоречивость их развития нередко усугубляются внешним доминирующим воздействием наиболее влиятельных субъектов международной политики. В контексте современных вызовов и угроз власть в России вырабатывает новые механизмы противодействия внешнему давлению, что напрямую отражается и на развитии институтов гражданского общества.

Примечания

- 1 См.: *Сергеев В. М.* Народовластие на службе элит. М. : МГИМО-Университет, 2013.
- 2 См.: Стратегия национальной безопасности России до 2020 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 10.03.2015).
- 3 МГИМО Университет. Кафедра гражданского общества. URL: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politics/kg0/> (дата обращения: 15.03.2015).
- 4 *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62.
- 5 Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л. И. Якобсона. М. : Вершина, 2008. С. 6.
- 6 См.: *Новоселецкая Ю. В.* Экономический и социальный совет во Франции : история создания, опыт функционирования и значение для Российской Федерации // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах / Ин-т философии и права УрО РАН ; Урал. акад. госслужбы ; Евразийская сеть политических исследований. Екатеринбург, 2006. С. 390–396 и др.
- 7 См.: *Покладок Е. Б.* Экономический и социальный совет Франции // Современная Европа. 2005. № 4. С. 52.
- 8 Там же. С. 54.
- 9 Там же. С. 55.
- 10 См.: *Боржелли Н., Брайт В.* Общественные советы как механизм консультаций государства с общественностью // Государство и гражданское общество : практика эффективного взаимодействия. Международный опыт : сб. ст. и док. / сост. Е. Б. Тонкачёва, Г. Б. Черепок. Минск : ФУАинформ, 2009. С. 154–162.
- 11 См.: *Руденко В. Н.* Консультативные общественные советы : особенности организации и деятельности. URL: <http://www.politex.info/content/view/271/30/> (дата обращения: 02.03.2015).
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 См.: *Корноушкин А. Б.* Самодеятельные институты и формы совещательной демократии в структуре гражданского общества (на примере гражданских жюри) // Инноватика – 2011 : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (с междунар. участием), Томск, 26–28 апреля 2011 г. / под ред. А. Н. Солдатова, С. Л. Минькова. Томск : Том. ун-тское изд-во, 2011. С. 242–244 ; *Руденко В. Н.* Указ. соч.
- 15 *Зайцев А. В.* Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. Т. 27, № 15 (158). С. 148.
- 16 См.: *Зайцев А. В.* Делиберативная демократия и общественный диалог в Китае // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (24). С. 147.
- 17 См.: *Яжборовская И. С.* Делиберативная демократия. Делиберативная политика // Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 3. Политическое согласие : Стратегии и реальность / отв. ред. О. М. Михайленок. М. : ИС РАН, 2013. С. 73–90 ; *Самсонов В. В., Зазулина М. Р.* Современные тенденции трансформации политики : новые концепции демократии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2014. Т. 12, № 3. С. 38–47.
- 18 *Зайцев А. В.* Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики. С. 148.
- 19 См.: Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. С. 212–214.
- 20 Там же.
- 21 См.: *Вилков А. А.* Указ. соч. С. 64–66.
- 22 См.: *Якимец В. Н.* Межсекторное социальное партнерство : основы, теория, принципы, механизмы. М. : Едиториал УРСС, 2004.

- ²³ См.: Якимец В. Н. Инновационные механизмы нового этапа развития межсекторного социального партнерства в России // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2014. № 4. С. 146–153.
- ²⁴ См.: Яргомыская Н., Белокурова Е., Ноженко М., Торхов Д. Почему НКО и власти нужны друг другу. Модели взаимодействия в регионах Северо-Запада // Публичная политика : вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе / под ред. М. Б. Горного. СПб. : Норма, 2004 С. 65.
- ²⁵ Зайцев А. В. Делиберативная демократия и общественный диалог в Китае. С. 149.
- ²⁶ Там же. С. 151.
- ²⁷ См.: Модель И. М., Модель Б. С. Социальное партнерство в системе общественных отношений // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. 1999. № 1. С. 79–99.
- ²⁸ См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год. М. : Общественная палата РФ, 2014.
- ²⁹ Там же. С. 6.
- ³⁰ Там же. С. 7.

УДК 321.02

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РОЛИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В ПОЛИТИКЕ

Э. И. Авзалова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: elmira_avzalova@mail.ru

В статье рассматриваются методологические трудности исследования роли интернет-коммуникаций в политике. Анализируются различные подходы к пониманию сущности Интернета. Сделаны выводы о том, что внедрение интернет-коммуникаций способствуют не только трансформации и модернизации политического процесса, но и дальнейшей смене исследовательской парадигмы в политической науке.

Ключевые слова: Интернет, интернет-коммуникации, методология, постмодернизм.

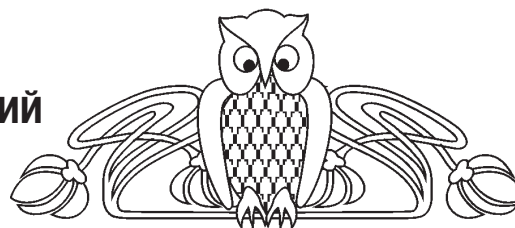
Methodological Peculiarities of Study the Role of Internet Communications in Politics

E. I. Avzalova

In this article, we consider methodological difficulties of study the role of Internet communications in politics. We analyze different approaches to understanding the Internet. We draw conclusions that the introduction of Internet communications contribute not only to the transformation and modernization of the political process, but further change of research paradigm of political science.

Key words: Internet, Internet communications, methodology, postmodernism.

Развитие интернет-коммуникаций создает новые возможности для деятельности и взаимодействия граждан, политических институтов, общества. Сегодня Интернет становится пространством осуществления политических практик. Тем не менее, вопрос о последствиях «интернетизации» политики остается открытым. Если исследования трансформации и модернизации политических институтов и процессов, к которым приводит внедрение интернет-коммуникаций, активно развиваются, то осмыслению тех изменений, которые произошли под их влиянием

в науке в целом и в политической науке в частности, уделяется намного меньше внимания. Именно рассмотрению этой группы проблем посвящена данная статья.

Официальной датой появления Интернета принято считать 1969 г. Начиная с этого момента Интернет бурно развивается и оказывает заметное влияние на все сферы жизни общества.

Сегодня темпы роста Всемирной паутины поражают воображение: Интернет прирастает в среднем на 18% в год¹. Как отмечает М. С. Вершинин, «телефону, который впервые был представлен на Всемирной выставке 1879 года в Филадельфии, потребовалось 55 лет для того, чтобы численность его пользователей достигла 50 млн человек. Телевидение вышло на аналогичный уровень пользователей за 13 лет. Интернету понадобилось для этого всего три года»². Сегодня число пользователей Интернет составляет 3 млрд (почти половина всего населения земного шара). Если в XX в. важную роль в социальной коммуникации играли радио и телевидение, то в XXI в. роль «революционного метода коммуникации», несомненно, играет Интернет.

Использование возможностей Всемирной паутины в различных сферах жизни общества, в том числе и в политической, привело к возникновению новых научных понятий: «интернет-коммуникации», «интернет-технологии», «интернет-участие», «интернет-голосование», «кибертерроризм» и т. д. Вся совокупность политической практики в Интернете выделяется в особую категорию «сетевой политики». Однако при изучении категорий «сетевой политики» возникает ряд проблем методологического характера, обусловленных их новизной и междисциплинарным характером.

Важной методологической проблемой при исследовании категорий интернет-пространства является отсутствие науки об Интернете,

для которой интернет-коммуникации были бы основным предметом изучения. Как сфера научных исследований и прикладных разработок проблематика роли Интернета в политике лежит на стыке государственного управления, информационно-коммуникационных технологий и политической науки. Однако опыт более продвинутых в этой области государств позволяет говорить о значимой роли политологии в этой области, так как изменения, связанные с внедрением интернет-коммуникаций, затрагивают систему властных отношений и, несомненно, должны быть рассмотрены в контексте политической науки.

Научный анализ интернет-процессов требует выделения особого научного языка, набора категорий, в формах которого постигается содержание исследуемых явлений. Сложность использования уже существующих конструктов связана с тем, что они служат, главным образом, для ускорения коммуникации между интернет-пользователями, а не для адекватного отражения реальных явлений.

Изучение совокупности политических практик в Интернете нуждается в собственных методах и методиках, особом дискурсе. Сложность анализа виртуальных процессов в реальном масштабе времени, быстрая смена понятийного аппарата, постоянная эволюция форм интернет-коммуникаций делают невозможным изучение роли Интернета в политике с применением привычных методов отбора материала.

Рассматривая данную проблему, Д. Н. Песков признает бессилие научной традиции изучения «информационного общества», институционально ориентированной западной политической науки, но придает большое значение возможностям концепции постмодернизма³. В рамках постмодернистского подхода в сфере политической науки возрастает значение инициатив, идущих снизу; низовых демократических структур и горизонтального взаимодействия как на уровне гражданского общества, так и на низших и средних уровнях государственной политики; развития горизонтальных самоуправляющихся сетей. Кроме этого, концептуальными особенностями постмодернизма, адекватными для анализа интернет-процессов в политике, являются следующие:

– уход от массовости социального действия, акцент на процессах демассификации и дестандартизации;

– признание возрастающей плюралистичности общества;

– акцент на преодолении ранее существовавшего отчуждения⁴.

Так, исследователями признается, что «никаким традиционным институтам не под силу формирование столь широких и многообразных сетевых сообществ. Интернет породил новый тип “социальных сетей”, которые смогли придать

черты устойчивой коммуникации эфемерным, случайным человеческим контактам – форумам, Интернет-конференциям, блогам и т. д. Интернет по праву называют “сетью сетей”»⁵. Интернет-коммуникации способствуют преодолению отчуждения и становлению новых каналов участия граждан в политике. Появляется возможность преодолеть ту ситуацию, когда люди чувствуют свою непричастность к политическому процессу, невозможность повлиять на принимаемые решения, и, таким образом, органы государственной власти живут своей жизнью, население – своей. Развитие информационных и интернет-технологий позволяет создавать централизованные ресурсы для обсуждения законопроектов и институционализации инициатив, идущих из структур гражданского общества.

Концепции постмодернизма актуальны для анализа процессов, происходящих внутри Всемирной паутины. Так, функционирование интернет-процессов можно описать с помощью специфического понятия посмодернистского дискурса «ризомы», заимствованного из ботаники Ж. Делезом и Ф. Гваттари и означающего «определенное строение корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов»⁶. Ж. Делез и Ф. Гваттари выделяют принципы организации ризомы-корневища: «связь и гетерогенность», или децентрализованность, открытость, антииерархичность. Интернет – ризомоморфен. Так же как и в биологических системах, в интернет-пространстве каждая точка Всемирной паутины может быть соединена с любой другой, независимо от роли и положения, она децентрализована и антииерархична.

Другой ключевой категорией для политологического анализа глобальной сети Интернет является понятие «интертекстуальность», введенное теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой «для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга»⁷. Как отмечает Д. Н. Песков, «Интернет можно назвать великим интертекстом эпохи посмодерна, постмодернизм – идейным предшественником Интернета»⁸. Действительно, ссылки есть не что иное, как указатели на смежные тексты и высказывания, а интернет-коммуникациям присущи почти все признаки интертекстуальности – цитатность, децентрализованность, деперсонализация автора.

Виртуальность Интернета описывается также с помощью концепции хаосмоса (введенный Дж. Джойс как продукт контаминации понятий хаоса, космоса и осмоса), фиксирующей особое

состояние среды, не идентифицируемое однозначно ни в системе отсчета оппозиции хаос – космос, ни в системе отсчета оппозиции смысл – нонсенс, но характеризующееся имманентным и бесконечным потенциалом упорядочения (смыслопорождения) – при отсутствии наличного порядка (семантики)⁹.

Очерчивая границы науки об Интернете, Д. Н. Песков обращает внимание на ключевое противоречие между методологией политической науки, описывающей социальные трансформации, связанные с появлением новых технологий, и дискурсом интернет-науки¹⁰. Исследователь указывает на то, что современная политическая наука воспринимает Интернет как дополнительный фактор коммуникации в рамках существующих институтов. Так, например, концепции электронного правительства предполагают модификацию классических теорий бюрократии с учетом возможностей интернет-коммуникаций и информационных технологий: при получении государственных услуг существенно сокращаются временные и материальные издержки, бюрократические процедуры. При этом не уделяется достаточного внимания тому факту, что изменения затрагивают не только сферу практической политики, Всемирная сеть способствует расширению понятия «политического»¹¹. В виртуальном пространстве появляются новые факторы, оказывающие влияние на мировую политику. К ним можно отнести виртуальные общественные и квазигосударственные образования, хакерские атаки на интернет-сайты и порталы, кибертерроризм, политические провокации как технологии «черного PR», вирусы. Интернет активно используется для разнообразных имиджевых технологий внутренней и внешней политики¹².

Одной из особенностей интернет-коммуникаций, порождающих сложности в их изучении, является то, что они могут охватывать не только виртуальную действительность, но и часть обыденной. Действительно, внедрение интернет-технологий в деятельность органов государственной власти и применение ими сетевых принципов коммуникации с обществом приводит к ситуации, когда данные государственные и общественные институты становятся элементом интернет-пространства. Появляется новое, лишённое всех географических, культурных ограничений и рамок, сообщество граждан Интернета – «netizen» (интернет-граждане) и соответствующая ей новая форма существования государства – «e-government» (электронное государство)¹³. Под интернет-гражданами можно понимать сообщество людей, которое пользуется Интернетом как способом участия в политическом обществе. Концепция интернет-гражданства должна являться базой, основой построения системы отношений между гражданином и электронным государством. «Электронное государство» пред-

полагает использование информационно-коммуникационных технологий и интернет-коммуникаций в деятельности органов государственной власти для обеспечения обратной связи власти с населением и участия населения в принятии основных политических решений. Предполагается, что в данном значении охватывается деятельность как исполнительной власти («электронное правительство»), так и парламентских («электронный парламент») и судебных органов («электронное правосудие»). Однако в условиях российской действительности, как отмечает М. Ю. Павлютенкова, государство как социальный институт киберпространства, оказалось заинтересованным только в том, чтобы поддерживать функционирование инфокоммуникаций для выполнения органами исполнительной власти своих функций. Эта составляющая деятельности государства была названа «электронным правительством»¹⁴.

Одна из главных проблем, возникающих при проведении политологического исследования Интернета, – это неопределенность и размытость самого понятия «Интернет».

Воздействие Интернета на жизнь общества сложно охарактеризовать однозначно, поэтому при описании данного явления чаще используются метафоры, нежели научные термины. Так, очень часто Интернет называют «революционным методом коммуникации»¹⁵, «информационной супермагистралью»¹⁶, «глобальной паутиной»¹⁷, «сетью сетей»¹⁸.

Интернет – феномен сложный, многогранный. Анализ литературы позволяет объединить все представленные точки зрения в следующие группы.

В рамках первого подхода Интернет рассматривается как определяющий элемент информационного общества. Концепция информационного общества предполагает превращение в основной ресурс человека знания, и в первую очередь знания высокотехнологического, способного породить новое знание и быть внедренным в любую сферу человеческой деятельности. Так, Д. Белл, Э. Тоффлер признают, что с развитием Интернета роль информации и знаний также возрастает, что приводит к трансформации и в обществе¹⁹.

Данный подход подвергается критике, так как основные тезисы футурологов информационного общества не подтвердились. Современный мир основывается не на знании, а на коммуникации. Информация – не всегда знание, а операция трансляции. Поэтому можно говорить о противоречии между понятиями «информационное общество» и ее более поздним аналогом – «общество сетевое»: если первое делает ударение на содержание, то второе – на саму коммуникацию²⁰.

Второй подход к сущности Интернета развивается в работах более поздних авторов (М. Кастельс, Э. Коррадо и Ч. Фейрстоун²¹), которые

придерживаются описательных определений, раскрывая те трансформации, которые происходят в обществе с внедрением Интернета. Этот подход связан с изучением сетевой природы современного общества, основанного на интернет-коммуникациях. Интернет здесь рассматривается как средство коммуникации, которое позволяет реализовать сетевые связи любой сложности.

В рамках третьего генетически-функционального подхода (И. Казанская²²) раскрываются прикладные аспекты Всемирной паутины и разные возможности ее применения. Интернет является обязательной составляющей глобального сверхобщества, а интернет-коммуникации жизненно необходимы. Интернет здесь выступает как средство, которое делает возможным глобализацию информации, коммуникации, образования и экономики²³.

Особо следует выделить технический подход к определению Интернета, в рамках которого делается акцент на используемые технологические решения. Примером может служить определение, содержащееся в интернет-законодательстве США. Согласно Закону «О Свободе Интернета» (Internet Freedom and Broadband Deployment Act of 2001), «Интернет» означает «совокупность компьютеров и телекоммуникационных систем, включая программное обеспечение, которые, будучи соединенными, составляют Всемирную Сеть. Эта Сеть использует протоколы TCP/IP (или их предыдущие или последующие версии) для передачи информации посредством проводов или радио»²⁴. Аналогичное определение есть и в Российской Федерации: согласно ГОСТ, Интернет – это компьютерная сеть, состоящая из всемирной сети компьютерных сетей, которые, используют протоколы TCP/IP для обмена данными²⁵. Действительно, на начальном этапе разработка и внедрение интернет-технологий ассоциировалось с созданием сети обмена информацией между коммутирующими устройствами.

Выделенные подходы дают понять, как по мере реального воплощения концепции интернет-коммуникаций в жизнь само понятие «Интернет» эволюционировало и углублялось: оно прошло путь от просто «компьютерной сети и протоколов для обмена данными» до концепции глобального преобразования всей общественной, а вместе с ней и политической системы, фактора, определяющего развитие сверхобщества.

Таким образом, интернет-технологии несут в себе огромный инновационный потенциал. Являясь главным инструментом преобразований, они способствуют не только трансформации и модернизации политического процесса, но и дальнейшей смене исследовательской парадигмы в политической науке. Междисциплинарный характер проблематики, связанной с Интернетом, слабая разработанность многих аспектов данной проблемы и отсутствие единой интернет-науки обуславливают ряд методологических

противоречий исследования, без четкого определения которых немислимо изучение противоречий практической политики.

Примечания

- 1 См.: Горшко Е. И. Современные интернет-коммуникации : структура и основные характеристики. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=232> (дата обращения: 08.05.2015).
- 2 Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. С. 65.
- 3 См.: Песков Д. Н. Интернет-пространство : состояние преодолена? // Полис. 2003. № 5. С. 49.
- 4 См.: Курбатов В. И. Современная западная социология. Ростов н/Д : Феникс, 2001. С. 263.
- 5 Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопр. философии. 2008. № 7. С. 74.
- 6 Емелин В. А. Глобальная сеть и киберкультура. Ризома и Интернет. URL: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm> (дата обращения: 07.05.2015).
- 7 Фатеева Н., Паршин П. Интертекстуальность. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html?page=0,0 (дата обращения: 10.05.2015).
- 8 Песков Д. Н. Указ. соч. С. 50.
- 9 См.: Философский словарь. URL: <http://ponjatija.ru/tahopomy/term/2877/> (дата обращения: 06.05.2015).
- 10 См.: Песков Д. Н. Указ. соч. С. 47.
- 11 Там же. С. 51.
- 12 См.: Вилков А. А., Казаков А. А. Политические технологии формирования имиджей России и США в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Саратов : Изд. центр «Наука», 2010.
- 13 См.: E-governance : From Citizen to Netizen. URL: <http://businesstoday.intoday.in/story/e-governance-application-from-citizen-to-netizen/1/214316.html> (дата обращения: 06.05.2015).
- 14 См.: Павлютенкова М. Ю. Электронная демократия и электронное правительство – предпосылка эффективного государства XXI века. URL: <http://infosoc.ru/2005/thes/64.pdf> (дата обращения: 05.05.2015).
- 15 См.: Вершинин М. С. Указ. соч. С. 65.
- 16 См.: Gore A. Information Superhighways : The Next Information Revolution // The Futurist. January-February 1991. Vol. 25. P. 21–23.
- 17 См.: Harasim L. M. Global Networks : Computers and International Communication. Boston : MIT Press., 1993.
- 18 См.: Markham A. N. Metaphors Reflecting and Shaping the Reality of the Internet : Tool, Place, Way of Being. URL: <http://markham.internetinquiry.org/writing/MarkhamTPW.pdf> (дата обращения: 07.05.2015).
- 19 См.: Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе : сб. ст. / сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М. : Прогресс, 1986. С. 330–342 ; Тоффлер Э. Третья волна = The Third Wave, 1980. М. : АСТ, 2010.

- ²⁰ См.: *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 08.05.2015).
- ²¹ См.: *Кастельс М.* Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер с англ. А. Матвеева. Екатеринбург : У-Фактория, 2004 ; *Elections in Cyberspace : Toward a New Era in American Politics.* Washington, DC : Aspen Institute, 1996.
- ²² См.: *Казанская И. Н.* К научному пониманию феномена Интернета // Актуальные проблемы социогуманитарного знания : сб. науч. тр. МПГУ. М. : Прометей, 2007. С. 128–150.
- ²³ См.: *Горишко Е. И.* Указ. соч.
- ²⁴ *Internet Freedom and Broadband Deployment Act of 2001.* URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-107hr1542ih/pdf/BILLS-107hr1542ih.pdf> (дата обращения: 05.05.2015).
- ²⁵ См.: Интернет по ГОСТ Р 53632-2009. URL: <http://tdocs.su/28294> (дата обращения: 08.05.2015).

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Россия в Великой войне 1914–1918 годов. Образы и тексты / под общ. ред. А. К. Сорокина, А. Ю. Шутова ; авт.-сост. К. М. Андерсон, Б. С. Котов, С. В. Перевезенцев, А. В. Репников, А. А. Ширинянц, А. Ю. Шутов. М. : Российская политическая энциклопедия, 2014. 279 с. : ил.

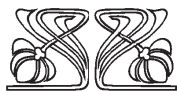
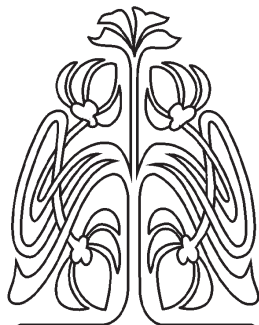
Более века прошло с начала одного из трагических событий XX века – Первой мировой войны. Практически не осталось её живых свидетелей и участников. Последовавшие вслед политические баталии, революции и войны исказили, а зачастую свели на нет значимость тех великих событий. Потускнели образы участников боёв, многие из которых жертвенно и отчаянно сражались за Веру, Царя и Отечество. Специалисты по-прежнему ведут вялую дискуссию о первопричинах мировой бойни, её истоках, архитекторах и исполнителях. Для большинства же ясно, что человечество извлекло мало уроков из тех роковых событий, а некоторые горячие головы, в числе которых влиятельные политики, вновь готовы положить миллионы жизней на алтарь большой войны.

Усложнение отношений между народами, свидетелями которых мы стали в последнее время, требуют самого внимательного отношения к событиям, породившим конфронтацию в прошлом. Столь же тщательного изучения заслуживает последовавший вслед за этим военный конфликт. Внести свой вклад в это благородное дело решили авторы книги «Россия в Великой войне 1914–1918 годов», выпущенной издательством «РОССПЭН» в 2014 г.

Война, тем более мировая, неизбежно оказывает влияние на все сферы жизни общества, преобразует устоявшийся порядок вещей различных слоёв и групп. Авторы книги, привлекая обширный иллюстративный материал, проследили последствия «забытой» войны для различных сторон русской жизни. Традиционно значимое место здесь занимает политическая составляющая, в которой рассмотрены как внутренний, так и внешний факторы.

В начале XX в., несмотря на серьёзные внутренние антагонизмы, Российская империя динамично развивалась, прочно удерживая свою нишу в сложившемся мировом порядке того времени и во многом сдерживая амбициозные устремления Запада. Это традиционно вызывало озабоченность у европейских «партнёров», в планы которых не входило существование сильного и влиятельного государства на Востоке. Итогом этого явилось предельное обострение международных отношений. Как справедливо показано в книге, Первая мировая война стала следствием жесточайшей конкуренции могущественных субъектов международных отношений.

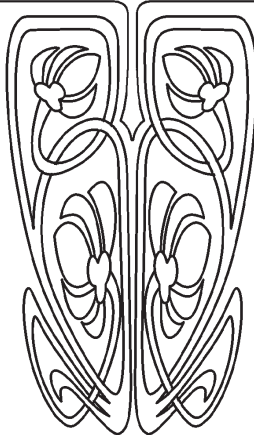
Как явствует из многочисленных свидетельств того времени, представленных в издании, стратеги и аналитики военных штабов конфликтующих сторон не сумели верно оценить масштабы и последствия мировой бойни. А среди них были не только гибель миллионов людей и разорение, не только крушение европейских монархий и традиционной государственности, но и создание «нового» мирового порядка с явным перекосом в сторону бывших союзников России. Пресловутый версальский «мир» заложил мину замедленного действия под наспех скроенное здание международной жизни, по сути, запрограммировав неизбежный всплеск национального самосознания в германских землях. Есть ещё одно последствие заключённых соглашений, слабо исследованное в научной литературе. Послевоенный мир имел откровенно антироссийскую направленность. Отдел 14 Договора именуется весьма красноречиво: «Россия и русские государства». Статья 116 этого отдела требовала от Германии признания и уважения

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

независимости территорий, входивших в состав Российской империи к 1 августа 1914 г.

Сам ход событий, вынуждал правительства воюющих государств не только изыскивать средства и ресурсы для ведения военных кампаний, но и по мере возможности противостоять внутренним вызовам. Авторы книги «Россия в Великой войне 1914–1918 годов» особый акцент делают на внутривластном противостоянии в стране. На самом деле борьба за власть, главным застрельщиком которой являлся «просвещённый класс», было сродни самоубийству. Это позже, в эмиграции, многим представителям интеллигенции станет ясна ошибочность установки на борьбу с собственным правительством в условиях войны¹. А тогда пылкие ораторы и публицисты, журналисты «свободной прессы» энергично шельмовали правительство, глумились над царской семьёй, не гнушаясь использовать самые грязные приёмы (чего стоит постоянное муссирование темы «близости» императрицы Александры Фёдоровны и Распутина). При решающей роли интеллигенции был запущен гибельный для России механизм десакультурации власти. Логическим завершением политических баталий стало разрушение страны, связанные с этим неисчислимы страдания её граждан и приход к управлению радикальных политических сил. Неизбежным следствием произошедшей геополитической катастрофы стало «выпадение» из числа стран-победителей в войне самого Российского государства, столь много сделавшего для её приближения.

Чрезвычайно актуальны рассуждения авторов о месте и роли российской элиты. В её состав входили в том числе представители российского воинства, умением и делом доказавшие преданность солдатскому долгу. Это были люди разных социальных статусов, национальностей и убеждений. Отрадно, что авторы издания решающим критерием в оценке роли военной элиты выбрали не идеологическую, а государственническую составляющую. Волею судеб А. И. Деникин, П. Н. Краснов, А. В. Колчак, Г. К. Жуков, С. М. Будённый, К. К. Рокоссовский, Карл Маннергейм, И. И. Сикорский и многие другие оказались позже в разных политических пространствах. Вместе с тем в годы Великой войны все они верой и правдой служили своей стране – Российской империи. Представляется, что уже давно наступило время преодоления в общественном сознании искусственно созданных границ в отношении тех, кто внёс посильную лепту в защиту Отечества. И здесь авторы и издатели книги сделали шаг в правильном направлении.

В продолжение темы российской элиты в книге совершенно справедливо сделан исследовательский акцент на умонастроениях, бытовавшие в творческой среде. К началу XX в. значительная часть российской интеллигенции весьма критично воспринимала российскую действи-

тельность, пребывала в настроениях декадентства и апокалиптичности, грезилась модернизмом. Для многих будущее собственной страны виделось в усвоении и переносе на российскую почву европейских ценностей и идеалов². В соответствии с этим посылом восприятие войны в интеллигентской среде было сложным и противоречивым.

Хорошо известно, что «образованный» класс за сравнительно короткое время прошёл путь от патриотического подъёма до полного отторжения войны. Разумеется, в силу гетерогенности интеллигентского «сословия» эти настроения различались. Тем не менее, к началу трагического 1917 г., как совершенно справедливо показано в главе с красноречивым названием «Пусть не молчат поэты», властители умов русского народа разделились на два противостоящих лагеря – «патриотов» и «пацифистов». Крайняя разобщённость интеллигенции, её неспособность договариваться перед лицом грозных вызовов имели тяжчайшие последствия как для страны, так и для самой интеллигенции. Значительная её часть вскоре после октябрьских событий была вынуждена навсегда покинуть страну, пополнив ряды российской эмиграции. Частичное осмысление произошедшего нашло отражение в сборнике «Смена вех», вышедшем в 1922 г. в Праге.

Трагические события мировой войны в очередной раз поставили вопрос о роли личности в истории. Нужно отдать должное авторам «Россия в Великой войне 1914–1918 годов» в том, что они проделали большую работу по «очеловечиванию» этого периода. Долгое время со страниц книг и учебников война представляла перед нами «неодушевлённым» явлением, столкновением неких «империалистических хищников», преследовавших геополитические интересы. Эту безрадостную картину, как правило, дополняли сухая статистика и фактология. Авторы книги, нарушая сложившийся стереотип, утверждают: война – это прежде всего люди. Люди со своими надеждами, иллюзиями, судьбами, ставшие жертвами безжалостного молоха. На страницах издания мы видим целую галерею фигурантов того времени, представлявших разные социальные слои, страны и народы. Среди них – союзники и противники, вельможные особы, дипломаты и простые солдаты. Особое место в этом ряду занимают женщины.

Авторы издания по-своему опровергают известный посыл – «у войны не женское лицо». Женщина, как свидетельствует привлечённый иллюстративный и фактический материал того времени, была полноправным участником минувших событий как на фронте, так и в тылу. В главе «Женщины и война» авторы попытались выявить социально-демографические последствия конфликта, в частности, разобраться в природе «русского феминизма». В связи с массовым

призывом на фронт мужчин значительная часть обязанностей и ответственности внутри страны легла на плечи «прекрасной половины». Это была непосильная ноша, негативно сказавшаяся на дальнейшем развитии общества, включая социальную, политическую, хозяйственную и другие сферы.

В череде персон, неразрывно связанных с трагическими событиями 1914–1918 гг., достойное место занимают Николай II и члены императорской семьи. За прошедшие с той поры годы имело место огромное множество оценок роли русского самодержца в вооружённом конфликте начала века. Мнения и суждения по этому болезненному вопросу различались качественно (особенно на первых порах, сразу после крушения монархии) и были подвержены влиянию различных факторов, в первую очередь идеологических. С годами, по мере успокоения страстей и естественной убыли свидетелей известных событий, стало укореняться достаточно взвешенное их восприятие. Именно такой нам представляется позиция авторов издания.

Совершенно очевидно, что для России многолетняя военная эпопея, с необратимыми последствиями для политики и экономики, стала серьёзным испытанием³. Верно и то, что её глава, император Николай II, человек миролюбивый и богобоязненный, не был готов к управлению огромной страной в условиях военного времени. Тем не менее, в критический момент войны он принял неоднозначное, но мужественное решение, взяв на себя всю ответственность по управлению армией и сменив на посту главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. К 1916 г. усилиями власти и лично Николая II ситуация относительно стабилизировалась. Промышленность наконец-то стала удовлетворять запросы фронта, положительные сдвиги наметились в военной кампании (Брусилковский прорыв). Однако это не уберегло страну от падения в пропасть. Как видно из проведённого исследо-

вания, катастрофической оказалась недооценка внутривнутриполитической ситуации.

Методологической основой книги «Россия в Великой войне 1914–1918 годов» стала концепция социальной истории, трактуемая авторами расширительно – как сложно организованный процесс, предполагающий взаимодействие разных сторон человеческой жизнедеятельности, включая организацию управления, мотивацию поведения, природу социальных аномалий и т. д. Подобный подход к исследованию значительно расширил проблематику на макро- и микроуровне и позволил рассмотреть политические и социальные процессы на качественно ином научном уровне. В определённом смысле представленная работа носит футурологический характер и обращена в будущее – как своеобразное предупреждение о недопустимости трагического повторения ошибок прошлого. Это критически важно в условия обострения международных отношений и активизации влиятельных центров силы, делающих ставку на конфронтацию.

Митрохин В. А.

Примечания

- ¹ Пётр Струве в книге «Размышления о русской революции», изданной в 1921 г. в Софии, написал: «Мы слишком безоглядно критиковали и порочили перед иностранцами свою страну. Мы более чем недостаточно бережно относились к её достоинству, её историческому прошлому». Данная позиция поддерживалась значительной частью российской эмиграции.
- ² Уже за границей для многих представителей интеллигенции стала очевидной утопичность значительного ряда некогда популярных представлений. См.: Франк С. Л. Крушение кумиров. Берлин, 1924.
- ³ Очень схожая, а зачастую и более катастрофическая ситуация сложилась в большинстве воевавших государств.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авзалова Э. И. – аспирант кафедры политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: elmira_avzalova@mail.ru

Бабаян И. В. – кандидат социологических наук, директор Социологического центра, доцент кафедры «Менеджмент туристического бизнеса», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: innabv@list.ru

Барков С. А. – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: barkserg@live.ru

Богатова О. А. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск. E-mail: bogatovaoa@yandex.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: vil57@yandex.ru

Воронцов С. А. – доктор юридических наук, профессор Южно-Российского института управления РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону. E-mail: raven_serg@mail.ru

Восканян Э. С. – младший научный сотрудник кафедры социологии международных отношений, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

Горбачев М. В. – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии, Саратовская государственная юридическая академия. E-mail: ussr-86@mail.ru

Данилов М. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: super9999@yandex.ru

Елютина М. Э. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной работы, Саратовский государственный университет. E-mail: elutina133@mail.ru

Завгородный А. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: zav88@mail.ru

Изергина Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения и политологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск. E-mail: ninaini@yandex.ru

Климова С. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, рекламы и связей с общественностью, Саратовский социально-экономический институт Российского государственного экономического университета им. Г. В. Плеханова. E-mail: klimovasv@yandex.ru

Комкова Г. Н. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета, Саратовский государственный университет. E-mail: komkova_galina@mail.ru

Концыбовская М. Н. – аспирант кафедры политических

наук, Саратовский государственный университет. E-mail: mkoncybovsckaya@mail.ru

Кравченко Н. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Лопаткин И. В. – аспирант кафедры социологии коммуникации управления, Саратовский государственный университет. E-mail: LopatkinIja@rambler.ru

Любимова А. Д. – кандидат социологических наук, социолог Социологического центра, ассистент кафедры социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: alena.lubimova@mail.ru

Митрохин В. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

Могилевич Б. Р. – доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, Саратовский государственный университет. E-mail: mogilevich@sgu.ru

Монтаев А. Б. – аспирант кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: elim_menim@mail.ru11

Носуленко С. В. – студент Международного института экономики и финансов Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. E-mail: barkserg@live.ru

Писачкин В. А. – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой методологии науки и прикладной социологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск. E-mail: pisachkin@yandex.ru

Понедельков А. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону. E-mail: raven_serg@mail.ru

Попов М. Е. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь. E-mail: maximus.porov@gmail.com

Семенова Ю. А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский государственный университет. E-mail: semenofa@gmail.com

Ситникова С. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, Саратовский государственный университет. E-mail: skareva@yandex.ru

Уфимцева Е. И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский государственный университет. E-mail: ufim75@mail.ru

Шматова С. С. – аспирант кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: svshmatova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avzalova E. I. – postgraduate student of the Chair of Political Science, Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: elmira_avzalova@mail.ru

Babayan I. V. – candidate of sociological science, director of the Sociology Center, Associate Professor of the Chair «Management of travel business», Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: innabv@list.ru

Barkov S. A. – doctor of sociological science, associate professor of the Chair of sociology of organizations and management, Moscow State University. E-mail: barkserg@live.ru

Bogatova O. A. – doctor of sociological science, associate professor of the Chair of sociology, Ogarev Mordovia State University, Saransk. E-mail: bogatovaoa@yandex.ru

Danilov M. V. – candidate of political science, assistant professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: super9999@yandex.ru

Elyutina M. E. – doctor of sociological science, professor, Head of the Chair of sociology of social work, Saratov State University. E-mail: elutina133@mail.ru

Gorbachov M. V. – candidate of political science, professor of the Chair of theoretical and applied political science, Saratov State Law Academy. E-mail: ussr-86@mail.ru

Izergina N. I. – doctor of political science, professor of the Chair of regional studies and political science, Ogarev Mordovia State University, Saransk. E-mail: ninaini@yandex.ru

Klimova S. V. – doctor of sociological science, professor of the Chair of sociology, advertising and public relations, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: klimovasyv@yandex.ru

Komkova G. N. – doctor of law, Head of the Chair of constitutional and municipal law, Dean of Law Department, Saratov State University. E-mail: komkova_galina@mail.ru

Koncybovskaya M. N. – postgraduate student of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: mkoncybovskaya@mail.ru

Kravchenko N. Yu. – candidate of sociological science, associate professor of the Chair of applied sociology, Saratov State University. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Lopatkin I. V. – postgraduate student of the Chair of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail LopatkinIja@rambler.ru

Lyubimov A. D. – candidate of sociological science, sociologist of the Sociological Center, assistant of the Chair of social anthropology and social work, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: alena.lubimova@mail.ru

Mitrokhin V. A. – doctor of historical science, professor of the Chair

of political sciences, Saratov State University. E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

Mogilevich B. R. – doctor of sociological science, professor of the Chair of English language for humanitarian directions and specialties, Saratov State University. E-mail: mogilevich@sgu.ru

Montaev A. B. – postgraduate student of the Chair of applied sociology's professorial, Saratov State University. E-mail: elim_menim@mail.ru

Nosulenko S. V. – student of the International Institute of Economics and Finance of the National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: barkserg@live.ru

Pisachkin V. A. – doctor of sociological science, professor, Head of the Chair of methodology of science and applied sociology, Ogarev Mordovia State University, Saransk. E-mail: pisachkin@yandex.ru

Ponedelkov A. V. – Honored worker of science, doctor of political science, professor, Head of the Chair of political science and ethnic policy, South-Russian Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov on Don. E-mail: raven_serg@mail.ru

Popov M. E. – doctor of philosophy, associate professor, professor of the Chair of social philosophy and ethnology, North-Caucasus Federal University, Stavropol. E-mail: maximus.popov@gmail.com

Semenova Yu. A. – candidate of sociological science, assistant professor of the Chair of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail: semenofa@gmail.com

Shmatova S. S. – postgraduate student of the Chair of applied social sciences, Saratov State University. E-mail: svshmatova@mail.ru

Sitnikova S. V. – candidate of sociological science, assistant professor of the Chair of social informatics, Saratov State University. E-mail: skareva@yandex.ru

Ufimtseva E. I. – candidate of sociological science, associate professor of the Chair of sociology social work, Saratov State University. E-mail: ufim75@mail.ru

Vilkov A. A. – doctor of political science, professor, Head of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Vorontsov S. A. – doctor of law, professor of South-Russian Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov on Don. E-mail: raven_serg@ma

Voskanyan E. S. – junior researcher of the Chair of sociology, international relations, Lomonosov Moscow State University. E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

Zavgorodniy A. A. – postgraduate student of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: zav88@mail.ru